

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2023**

2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryshenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2023-2

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (218) 2023 г.

Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (218) 2023

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Акимов Р. А.** Социологический и философский аспекты межпоколенческого конфликта 4
Антипова И.Г., Редкин Е.Р. Эмпирический субъект в программе контекстуализма: случай атомной физики 11
Кайнова А.В., Волкова В.О. Современные тенденции управления знаниями (инженерия знаний) 20
Кириллов Г.М., Питайкин К.Ю. Роль нравственных ценностей в экономике исламских государств 32
Сорокин Г.В., Ерошенко Т.И., Украинцев Н.П. Становление и трансформация идеалов и норм научного поиска в контексте общественного прогресса 38

- Akimov R. A.** Sociological and Philosophical Aspects of Intergenerational Conflict 4
Antipova I.G., Redkin E.R. The Empirical Subject in the Contextualism Program: The Case of Atomic Physics 11
Kainova A.V., Volkova V.O. Modern Tendencies of Knowledge Management (Knowledge Engineering) 20
Kirillov G.M., Pitaikin K.Yu. The Role of Moral Values in the Economy of Islamic States 32
Sorokin G.V., Eroshenko T.I., Ukraintsev N.P. Formation and Transformation of Ideals and Scientific Research Norms in the Field of Professional Social Progress 38

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

- Абера К. Г.** Англо-эфиопские отношения: от учреждения первого консульства до войны между двумя странами (1848–1868) 44
Агафонов А.И. Калмыцкие мотивы в российской и донской геральдике 51
Бойко О.О. Взгляды Г. Кэмпбелл-Баннермана и либерал-радикальной фракции в период пребывания либералов в оппозиции по вопросам англо-германского сдерживания и колониальной борьбы в конце XIX – начале XX века 62
Глазунова Е.Е. Дореволюционные историки о крестьянстве екатерининского времени: начало исследования проблемы 72

- Abera K. G.** English-Ethiopian Relations: from the Establishment of the First Consulate to the War between the Two Countries (1848-1868) 44
Agafonov A.I. Kalmyk Motifs in Russian and Don Heraldry 51
Boyko O.O. The Views of H. Campbell-Bannerman and the Liberal-Radical Fraction in the Period of the Liberals in Opposition on Issues of the English-German Containment and the Colonial Struggle in the End of the 19th - Beginning of the 20th Century ... 62
Glazunova E.E. Pre-Revolutionary Historians About the Peasantry of the Catherine's Time: The Beginning of the Study of the Problem 72

Исламов Д.Р. Роль Европейского союза и Турции в энергетической и транспортной политике западнобалканских государств (2014–2021 гг.)	78
Кислицына И.Г. Донское просвещение: истоки и рождение социокультурного феномена (середина XVI – начало XIX века)	83
Миргородский А.В. Рапорт И. Я. Герштейна по десанту на Миусском полуострове 9–14 июня 1918 года	93
Пономарева М.А., Руман А.С. Социальная политика государства в сфере охраны детства и материнства в 1950–1970-е годы (по материалам периодической печати Ростовской области)	105
Шадрина А.В. Миссионерское движение во второй половине XIX века в Российской империи и первый этап его становления в Области войска Донского	113

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Трут В.П. Жизнь, посвящённая науке и образованию (к 70-летию известного донского учёного С.А. Кислицына)	121
---	-----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дзидзоев В.Д. Оригинальное исследование по национально-государственному строительству (Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). Нальчик, 2022. 715 с.) ...	127
--	-----

Islamov D.R. Role of the European Union and Turkey in the Energy and Transport Policies of the Western Balkans (2014-2021)	78
Kislitsyna I.G. Don Enlightenment: Origins and Birth of Socio-Cultural Phenomenon (mid-16th - early 19th century)	83
Mirgorodsky A.V. Report of I. Ya. Gershtein on the Landing on the Mius Peninsula on June 9-14, 1918	93
Ponomareva M.A., Ruman A.S. The Social Policy of the State in the Field of Protection of Childhood and Motherhood in 1950-1970 (on the Periodical Press Materials of the Rostov Region)	105
Shadrina A.V. Missionary Movement in the Second Half of the 19th Century in the Russian Empire and the First Stage of Its Formation in the Don Cossack Host Region	113

OUR PERSONS

Trut V.P. A Life Dedicated to Science and Education (to the 70th Anniversary of the Famous Don Scientist S.A. Kislitsyn)	121
---	-----

BOOK REVIEWS

Dzidzoev V.D. An Original Study on National-State Construction (<i>Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.</i> Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022). Nalchik, 2022. 715 p.)	127
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 130.12
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-4-10

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Рустам Акимович Акимов

Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Республика Дагестан, Россия
rustamakimov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема межпоколенческого конфликта. Исследование проводится в аспекте социологического знания, акцентирующего внимание на изучении базисных характеристик отношения поколений людей, формы взаимоотношения поколений в исторической ретроспективе и современности, и философского знания, открывающего существенные основания взаимоотношения людей разных поколений. Фокусируется внимание на отношениях человеческих поколений, априори включающих в себя различие интересов, мировоззрений, смыслов и целей жизни. Понятие «поколение людей» применяется в значении определённого конкретно-исторического, социально-культурного сообщества, со сходным культурно-историческим опытом, рожденных в один временной период. Изучение межпоколенческих отношений и конфликтов методологически опирается на существующие теоретические традиции в социологии, интегрируя в исследовании два подхода – конфликтный, выявляющий неравенство и противоречия социальных групп, и интерпретативный – раскрывающий понимание смыслов и целей социального действия.

Ключевые слова: поколение, конфликт, социология, философия, социализация, мировоззрение, культура, вызов, диалектика

Для цитирования: Акимов Р. А. Социологический и философский аспекты межпоколенческого конфликта // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 4–10.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOCIOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF INTERGENERATIONAL CONFLICT

Rustam A. Akimov

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
rustamakimov@mail.ru

Abstract. The problem of intergenerational conflict is considered. The research is carried out in the aspect of sociological knowledge, which focuses on the study of the basic characteristics of the relationship between generations of people, the form of the relationship between generations in historical retrospect and modernity, and philosophical knowledge, which reveals the essential foundations of the relationship between people of different generations. The research focuses on the relations of human generations, a priori including differences in interests, worldviews, meanings and goals of life. In this study, the concept of “generation of people” is used in the meaning of a specific historical, socio-cultural community, with similar cultural and historical experience, born in the same period. The study of intergenerational relations and conflicts is methodologically

based on the existing theoretical traditions in sociology, integrating two approaches in the study – conflict, revealing the inequality and contradictions of social groups and interpretive – revealing the understanding of the meanings and goals of social action.

Keywords: generation, conflict, sociology, philosophy, socialization, worldview, culture, challenge, dialectic

For citation: Akimov R. A. Sociological and Philosophical Aspects of Intergenerational Conflict. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):4-10. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Социология межпоколенческих отношений

В научных исследованиях проблема конфликта поколений людей презентуется как один из типов социальных конфликтов. Н.С. Сыроед в числе первых предприняла попытку анализа данного феномена [1]. Уточним, что конфликт – это высшая стадия развития отношений противоположностей, которые представляются разными возрастными поколениями. Противоположности рассматриваются не в аспекте естественного временного различия, а как различия ментальностей, мировосприятия, миропонимания, смысла и цели человеческого существования, возникшего в результате социального развития. Конфликт поколений изучается с учетом исторической ступени развития общества, стадии его экономического состояния, типа культуры, степени адаптированности общества к достижениям научно-технического прогресса, возможности социальной мобильности, открытости и доступности получения информации, права высказывать мнение и адаптировать свои идеи в социуме.

В обществе, в котором установлена идеологическая монополия, где у старшего поколения с младшим отсутствует диалог, пресекаются созидательные импульсы, творческий порыв, духовное подвижничество, наблюдается стагнация общества, выход его на периферию цивилизационного развития. Тогда отношения между поколениями постепенно выходят на уровень конфликтности.

Понятие «поколение людей» в социологии используется в разных значениях [2]. В нашем исследовании данный термин будет применяться в значении определённого конкретно-исторического, социально-культурного сообщества людей, со сходным культурно-историческим опытом, рожденных в один временной период. Методологически будем придерживаться существующих теоретических традиций в социологии, интегрируя два подхода – конфликтный, выявляющий неравенство и противоречия социальных групп и интерпретативный – раскрывающий понимание смыслов и целей социального действия [3, 4].

Теория конфликта возникает как альтернатива авторитетному направлению в социологии середины XX в. структурному функционализму. Представители данной теории развивают тезис о фундаментальной природе конфликта интересов в обществе, где достижение социального порядка реализуется путем учета властью интересов управляемых. При этом управляющие сообщества влияют на формирование интересов иных социальных групп и слоев общества [5, 6]. Учитывая общетеоретические знания о социальном конфликте, наше исследование фокусирует внимание на отношениях человеческих поколений, априори включающих в себя различие интересов, мировоззрений, смыслов и целей жизни. Конфликт поколений изучается в разных плоскостях жизнедеятельности общества и является предметом исследования представителей разных направлений социогуманитарного знания (философов, социологов, педагогов, культурологов, политологов) [7–9].

Современная пропаганда гуманизма и ценности личности, ее свободы не выдерживает альтернативы потребительского цинизма и прагматизма. Порой кажется, что смена ментальности спрятана в генах новорожденных. Поэтому следует задуматься, а не заложено ли противопоставление и противодействие в самой генетической природе людей? Добр или зол человек по природе? Этот вопрос изучался мыслителями многих поколений. Вопрос о дифференциации людей по природным и социальным основаниям ставился еще в Древнем Китае [10]. Актуальность его не вызывает сомнений и в современную эпоху. Дискуссии о доброй и злой природе человека представлены учеными Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Первый считал, что человек по природе добр и злые наклонности приобретаются им в процессе социализации [11, 12]. В этом случае

задачей воспитания становится купирование проявления агрессивности, антигуманных наклонностей, применив для этого доступный спектр мер – от поощрения до принуждения.

Сюнь-цзы придерживался мнения о злой природе человека и задачу воспитания видел в ее преодолении путем насилия, подобно тому как идет заточка металла или обтесывание дерева [13, 14]. Вопрос о доброй или злой природе человека вплетается в проблему конфликта поколений следующим образом. Если исходить из того, что человек зол по природе, то старшее поколение также несет в себе эту биосоциальную сущность. Этические категории добра и зла столь относительно, что в разных социальных и культурных средах от противостояния переходят в симметричное значение: то, что ассоциируется с добром в одной культуре, в другой – выступает как зло. Жертвоприношение в древних культурах (и имеющих место в некоторых современных субкультурах) выступало как способ «задабривания» высших сил. Современные общечеловеческие ценности гуманизма осуждают факт жертвоприношения как явление языческого прошлого человечества. Еще более кощунственными и античеловечными выглядят теории, пропагандирующие этнобиологическое превосходство одних рас над другими и призывающие к «очищению» человечества от «низших» рас.

Напрашивается также вопрос о дифференциации понимания отношения поколений, что, в-первых, можно рассматривать как отношение поколений разных исторических эпох, особенно в периоды социальных и культурных трансформаций. Во-вторых, как единство противоположностей, обеспечивающее социальную целостность, отношение поколений, локализованных в одном пространственно-временном историческом континууме. Первый вариант имеет, по-видимому, теоретический статус. Реального диалога с представителями прошлых культур, естественно, быть не может, как и реального конфликта. Современное поколение может вести только теоретические обсуждения, споры с поколением прошлого, знакомясь с их культурой, наукой, ценностями по написанным мыслителями, историками и учеными трудам.

Всякие изменения в обществе подготавливаются объективной логикой происходящих процессов, которые требуют социальной реакции со стороны различных социальных групп. В социологии такое состояние, генерирующее развитие общества, обозначается как вызов. А. Тойнби пишет: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [15, с. 126]. В этой связи можно выделить системные вызовы, которые влияют на трансформацию отношения старшего и младшего поколений в рамках цивилизационного развития. В числе таких «системных» вызовов назовем:

- регенерацию людей и отношения к этому вопросу разных поколений;
- кризисы в жизнедеятельности людей (безработица, голод, природные катаклизмы, вызванные деятельностью людей, эпидемии и т.п.);
- отношение к социальному неравенству, теория и практика ответов;
- исторически непрерывный процесс «взаимонепонимания» поколений;
- социальный контроль и подчинение одних людей другими (экономический, политический, лично-волевой и др.);
- вечный вопрос о цели и смысле жизни.

Во втором варианте понимания отношения поколений мы входим в режим реального времени. В таком случае возникает необходимость решения реальных проблем и вызовов в конкретный исторический период, когда отношения и конфликты поколений представляют определенный вид противоположностей и противоречий. Они имеют свои особенности, связанные с особенностью культуры и уровнем цивилизационного развития. Поэтому отношения и противоречия поколений в обсуждаемом нами аспекте можно дифференцировать как сущностные, исторически универсальные и социально уникальные, исторически неповторимые. Выделим сущностные тенденции, свойственные поколениям людей, которые мы условно назовем «исторически универсальными»:

- молодое поколение по существу выражает собой идущий из поколения в поколение протест против сложившихся социальных, моральных, бытовых устоев, воплощает в себе центробежную силу социального развития общества, склонность к максимализму и радикализму;

– старшее поколение в социальной структуре выполняет роль стабилизатора общественных отношений, направляет вектор развития общества в критические периоды на мирное снятие конфликтов, склонно к консервативному решению общественных проблем, к сохранению традиционных форм общественных отношений.

Особенные отношения между поколениями формируются в исторические периоды развития общества, когда традиционные отношения тотально доминировали во всех сферах жизни. В традиционных обществах, как указывают некоторые исследователи, данный конфликт между поколениями не имеет места, однако в реальности он существовал, но носил латентную форму. Статус и роль традиций в таких обществах был настолько высок, что их нарушение рассматривалось как нарушение священных заповедей. Таким образом, отношения между поколениями строились на одностороннем диктате старшего поколения в вопросах решения всех общественных вопросов. Молодые не могли и помышлять о занятии руководящих постов в обществе, дожидаясь естественного возрастного порога для перехода в старшее поколение, который открывал перед ними перспективы социальной мобильности и карьерного роста.

Отметим, что в социумах, ориентирующих свое развитие на демократизацию всех сфер жизнедеятельности, обнаруживается растущий межпоколенческий контраст культуры, мировоззрения, ценностных ориентаций, целей и смысла жизни. В этой связи перед здравомыслящей и социально ответственной частью общества назревает вопрос поиска новых воспитательных технологий и моделей общественных отношений. Одним из вопросов их моделирования выступает вопрос о способах стабилизации общественного порядка. Различие интересов членов обществ, в нашем случае – интересов разных поколений, ведет социум к состоянию неустойчивого развития. Следовательно, возникает вопрос анализа и разработки механизма социализации молодого поколения.

В Новое время концепция Просвещения была призвана решить вопросы взаимоотношения поколений путем распространения знаний и культуры воспитательно-образовательными мероприятиями. В современных условиях концепция просвещения не теряет своей актуальности, но должна быть модернизирована в аспекте новых общественных отношений, духовного и научного прогресса. Немаловажным в социализации молодого поколения являются форма и степень «контроля» за молодым поколением, что становится все более затруднительным в силу доступности информации через электронные средства носителей информации, интернет. Это диктует необходимость выработки способов защиты от пагубной для молодого поколения информации, формирование цензурных фильтров, снижающих риски влияния на подрастающее поколение ложных ценностей, маргинальных псевдокультур.

В современном мире пространственное разграничение (не абсолютное, а относительное) старших и младших поколений находит свои особенные формы. В пространственном отношении младшее поколение социализируется, приобретает навыки и способности интеграции в общественную среду, при этом оно находится в относительной изоляции от ряда сфер жизнедеятельности общества, ограниченности в правах и свободах получения информации, потребления продуктов питания, лекарственных средств и т.п. Пространственная ограниченность способствует созданию условий для ограждения формирующейся психики от знакомства с тем, что мы называем пороками человечества. Это касается вопросов потребления психотропных препаратов, алкоголя, деталей сексуальной жизни взрослого поколения, и др. При этом главная задача государства, политических партий, общественных объединений, коллективов добиваться утверждения законов, оберегающих молодое поколение от факторов, травмирующих сознание формирующейся личности. Поэтому следует вводить отграничения на пространственную локацию социальных объектов, могущих негативно влиять на подрастающее поколение, формировать ложные образы «прелестей» взрослой жизни.

Философский аспект межпоколенческих отношений

Философия социальных взаимодействий раскрывает отношения и столкновения сущностных основ ментальности людей, их действий, идеологий, мировоззрений, содержательно скорректированных во времени наукой и культурой. Смена научных и социально-культурных парадигм становится источником прогрессивного развития общества. Процесс их смены глубоко

отражается на изменении общественного, группового и личного сознания. Мы сосредоточим внимание на отношениях межпоколенных, осмыслив их с позиции диалектики как методологии, выявляющей источник всякого развития.

Сегодня все реже встречаются теоретические рассуждения, где бы имелась ссылка на применение диалектического метода познания. В то же время в исследованиях гуманитарных и социальных наук советского государства использование этого метода являлось неотъемлемой, ключевой частью в методологии познания. Написаны тысячи научных трудов, обосновывающих важное значение данного метода. Складывается впечатление, что он утратил методологическую ценность и выставлен за дверь современной методологии. Видимо, это не связано с потерей значимости самого метода, а стало следствием социально-политической трансформации общества, дискредитации идей социализма, соответственно его теоретических основ и методологии. Вспоминается нарицательное выражение, приписываемое немецкому религиозному реформатору Мартину Лютеру: «Не стоит выплескивать из ванны с грязной водой и самого ребенка». В данном случае имеется в виду диалектика как метод познания, «позабывтая» как методологический инструмент. Видимо, пришло время вернуть в поле зрения исследователей гносеологическую значимость диалектики, возродить ее в методологии познания, тем более, что репрессивные последствия при этом вряд ли последуют.

Переходя к обсуждаемому вопросу, отметим, что «конфликт» с позиции диалектики представляет собой одно из состояний разворачивания во времени противоположностей. Вызревание отношений противоположностей на определенной стадии ведет к состоянию конфликта. Разрешение конфликта – к генерации качественно новых противоположностей, выражающих особенности не только социального и культурного различия людей, но особенности, генерируемые природными основаниями.

Сущность человека выражена в единстве биологического и социального. И та и другая составляющие претерпевают изменения во времени, трансформируя при этом формы реализации сущности. История человеческих отношений показывает многообразие таких форм, в числе которых наблюдается и смена форм отношений сосуществующих поколений людей. Диалектика ориентирует исследователя рассматривать конфликт поколений как естественное и неизбежное состояние человеческого общества, непрерывно модернизирующееся и развивающееся. Согласно известному принципу анизотропности времени, общество, даже находясь в стагнации, не может остановить свой процесс развития и вернуться к формам своего прошлого состояния. Однако важно раскрывать не только единство противоположностей, выявлять диалектику их развития, но и логику развития, найти номологические основания в порядке событий. Если проецировать данные рассуждения на вопрос о конфликте поколений, то можно сделать вывод, что логика конфликта поколений заворачивается через смену мировоззрений, жизненных смыслов, ценностей, а следовательно, для межпоколенческого консенсуса требуется непрерывная модернизация концепций и методов социализации.

Подводя итог рассмотрения вопроса об отношении между поколениями людей, заметим, что по своей природе социально-гуманитарное знание в отличие от естественно-научного практически не поддается формализации. Его природа такова, что выводимые знания конвенциональны и релятивны по своей сути. Данное замечание следует понимать как призыв к всестороннему обсуждению проблемы межпоколенческих отношений. В ходе исследования нами выявлена необходимость смысловой вариации понятия межпоколенческих отношений: во-первых, их можно рассматривать как отношение поколений разных исторических эпох, во-вторых, как единство противоположностей, обеспечивающее социальную целостность, отношение поколений, локализованных в одном пространственно-временном историческом континууме.

Также определены системные вызовы социуму, которые влияют на трансформацию отношения старшего и младшего поколений в рамках цивилизационного развития. Сделан вывод, что логика конфликта поколений разворачивается через смену мировоззрений, жизненных смыслов, ценностей, а следовательно, для межпоколенческого консенсуса требуется непрерывная модернизация концепций и методов социализации.

Список источников

1. Сыроед Н.С. Конфликт поколений как социальная проблема // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 8. С. 10–13.
2. Ростова А.Т. Понятие поколения и типы его трактовки // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2018. Вып. 1 (214). С. 158–163.
3. Ельмеев В.Я. Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб.: Петрополис, 1995. 144 с.
4. Антипина А.С. Социальное познание как методологическая проблема // Гуманитарный вестн. МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2019. № 5 (79). С. 1–10.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
6. Бутаренко С.А. Теории социального порядка и социального конфликта в истории социологической мысли // Теория и методология. Социология. 2018. № 2. С. 9–14.
7. Лимонова О.О., Бакасова А.Э. Проблема семейных конфликтов и их влияние на ребенка // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 54. С. 18–22.
8. Лимонова О.О. Конфликт поколений в современном обществе // Наука и современность. 2016. № 49. С. 32–36.
9. Гарник М. Д. Исследование межпоколенных конфликтов в российской науке (2008–2018 гг.): библиометрический анализ // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 310–314.
10. Ван Янь Янь. Традиции семейного воспитания в Китае // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. № 43-2, т. 17. С. 54–57.
11. Мэн-цзы (Избранные места) / пер. Л. И. Дума́на // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. 363 с.
12. Мэн-цзы. Предисл. Л. Н. Меньшикова / пер. с кит., указ. В. С. Колоколова; под ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.
13. Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. М.: Наталис, 2005. 431 с.
14. Крыштон Л.Э. Кант и Сюнь-цзы о злой природе человека // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Философия. 2015. № 4. С. 139–151.
15. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. 638 с.

References

1. Syroed N.S. Conflict of generations as a social problem. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2016;(8):10-13. (In Russ.).
2. Rostova A.T. The concept of generation and the types of its interpretation. *Vestn. Adygeiskogo gos. un-ta. Seriya «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya» = The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2018;(1):158-163. (In Russ.).
3. Elmeev V.Ya. *Sociological method: theory, ontology, logic*. St. Petersburg: Petropolis Publ.; 1995. 144 p. (In Russ.).
4. Antipina A.S. Social cognition as a methodological problem. *Gumanitarnyi vestn. MGTU im. N.E. Baumana = Humanities Bulletin of BMSTU*. 2019;(5):1-10. (In Russ.).
5. Darendorf R. *Modern social conflict. Essay on Freedom Policy*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2002. 284 p. (In Russ.).
6. Butarenko S.A. Theories of social order and social conflict in the history of sociological thought. *Teoriya i metodologiya. Sotsiologiya = Theory and Methodology. Sociology*. 2018;(2):9-14. (In Russ.).
7. Limonova O.O., Bakasova A.E. The problem of family conflicts and their influence on the child. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya = Psychology and Pedagogics: Methods and Problems of Practical Application*. 2016;(54):18-22. (In Russ.).
8. Limonova O.O. Generations conflict in modern society. *Nauka i sovremennost' = Science and Modernity*. 2016;(49):32-36. (In Russ.).

9. Garnik M. D. Study of inter-focused conflicts in Russian science (2008-2018): Bibliometric analysis. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2019;(19):310-314. (In Russ.).
10. Van Yan' Yan'. Traditions of family education in China. *Izv. Rossiiskogo gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007;17(43-2):54-57. (In Russ.).
11. Maine Tzu (Selected abstracts) Tr. by L. I. Duman. *Ancient Chinese philosophy*. Collection of texts in two volumes. Moscow: Mysl' Publ.; 1972. Vol. 1. 363 p. (In Russ.).
12. *Maine Tzu*. Intr. by L. N. Menshikov. Tr. from Chinese by V. S. Kolokolov. L. N. Menshikov, ed. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.; 1999. 272 p. (In Russ.).
13. Feoktistov V.F. *Philosophical treatises of Xun Tzu*. Moscow: Natalis Publ.; 2005. 431 p. (In Russ.).
14. Krystop L.E. Kant and Xun Tzu about the evil nature of Man. *Vestn. Rossiiskogo un-ta druzhby narodov = RUDN Journal of Philosophy*. 2015;(4):139-151. (In Russ.).
15. Toyndi A. J. *Comprehension of History*. Moscow: Airis-Press Publ.; 2004. 638 p. (In Russ.).

Информация об авторе

P. A. Akimov – доктор философских наук, профессор.

Information about the author

R. A. Akimov – Doctor of Science (Philosophy), Professor.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 159.9.018
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-11-19

ЭМПИРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В ПРОГРАММЕ КОНТЕКСТУАЛИЗМА: СЛУЧАЙ АТОМНОЙ ФИЗИКИ

Ирина Геннадьевна Антипова^{1✉}, Евгений Романович Редкин²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ antipovakaf@mail.ru✉

² redkin@sfedu.ru

Аннотация. Неклассические повороты (turns), пересмотр классических категорий субъекта и объекта, эпистемологический поворот от картезианского к эмпирическому субъекту, продвижение от универсальности к контекстуальности и локальности не дают понимания того, какие функции и на каком основании выполняет этот субъект в науке. Анализируются проблемы пересмотра методологической категории субъекта в русле контекстуализма (И.Г. Антипова). Ввиду значительной широты проблем методологии субъекта исследование сосредоточено на раскрытии двойственности в программе контекстуализма в применении к проблеме субъекта науки. На примере квантовой механики (Е.Р. Редкин) рассматриваются проблемы субъекта в технауче. Методология исследования – программные работы Л.А. Микешиной, разработки проблем контекстуальности субъекта науки И.Г. Антиповой. Обосновываются следующие выводы. Трудности неклассического поворота к эмпирическому субъекту связаны с апориями методологической программы контекстуализма. Эта система методологии и реализует поворот к эмпирическому субъекту (индивидуальному, коллективному), и участвует в осмыслении результатов этого поворота. Эмпирический субъект науки не конституируется однозначно контекстом, а реализует культурно сформированную функцию конструирования контекста научных практик и границы конструируемости. В квантовой физике эмпирический субъект пока не прояснен в своих функциях, поскольку не прояснена центральная оппозиция реализма и антиреализма, и смысл проблемы онтологического статуса квантовых объектов.

Ключевые слова: методология, эмпирический субъект науки, культурные оппозиции, квантовая физика, реализм, антиреализм, технологии

Для цитирования: Антипова И.Г., Редкин Е.Р. Эмпирический субъект в программе контекстуализма: случай атомной физики // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 11–19.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE EMPIRICAL SUBJECT IN THE CONTEXTUALISM PROGRAM: THE CASE OF ATOMIC PHYSICS

Irina G. Antipova^{1✉}, Evgeny R. Redkin²

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ antipovakaf@mail.ru✉

² redkin@sfedu.ru

Abstract. Non-classical turns, the revision of the classical categories of subject and object, open up broad prospects for science and indicate difficulties. The non-classical turn of epistemology, changes in the understanding of the category of the subject do not give the understanding of what functions the subject performs in science. The article analyzes the problems of changing the methodological category of the subject (I.G. Antipova). The study is carried out in line with contextualism. In view of the wide breadth of the problems of methodology, the study focuses on the analysis of difficulties in contextualism. These difficulties lie in the

contextual explanation of the subject. On the example of quantum mechanics (E.R. Redkin), the problems of the subject in technoscience are considered. The research methodology is the philosophical works of L.A. Mikeshina, research on the problems of the subject of I.G. Antipova. The difficulties of turning to the empirical subject are explained by the inconsistency in the methodological program of contextualism. The empirical subject of science is not given by the context. The empirical subject performs the cultural function of forming the context of science.

Keywords: methodology, empirical subject of science, cultural oppositions, quantum physics, realism, anti-realism, technologies

For citation: Antipova I.G., Redkin E.R. The Empirical Subject in the Contextualism Program: The Case of Atomic Physics. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):11-19. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Неклассическая критика рациональности не составляет целостного направления, философские и методологические повороты (turns) оцениваются неоднозначно, пересмотр классических категорий субъекта и объекта осуществляется разнопланово, и столь же сложны и неоднородны открываемые неклассической мыслью перспективы науки. Несмотря на высказываемые сомнения в исключительном эпистемологическом статусе науки, наблюдается значительное расширение научных практик, получают актуальность и научные исследования технонауки. Неклассический поворот эпистемологии от картезианского к эмпирическому субъекту и не дает точного понимания того, какие функции, на каком основании выполняются субъектом в науке, и не прояснен в своем содержании и основаниях.

Этот пересмотр категорий субъекта и объекта рассматривается философами в основном как усиление внимания к действительному субъекту, это коррелятивно неклассическим поворотам от универсализма к контекстуализму, поскольку действительный (реальный) субъект и находится в контекстах, и составляет таковые в своей коммуникации с культурным оппонентом. Выяснение содержания усиления контекстуальных дискурсов, осуществляющихся как продвижение к эмпирическому субъекту – широчайшая задача.

Ввиду этого нам предстоит: 1) уточнить проблемы пересмотра методологической категории субъекта в русле контекстуализма, раскрыть трудности и двойственность в программе контекстуализма в применении к субъекту науки, 2) на примере квантовой механики рассмотреть проблемы пересмотра категории субъекта в технонауке. Анализ реализуется на методологическом основании философских работ Л.А. Микешиной [1–3] и исследований проблем контекстуальности субъекта науки И.Г. Антиповой [4, 5]. Используются выводы авторских монографических исследований, положения о неклассическом повороте к эмпирическому субъекту как повороте к проблеме культуры и культурных практик производства субъектности.

Эмпирический субъект науки на поворотах от универсализма к контекстуализму

Классическая наука строилась на рационалистическом понимании субъекта, тогда как ученый становился субъектом настолько, насколько мог, отказавшись от присущих индивидуальному сознанию бэконовских идолов, осуществить всеобщие, нормативно конституированные правила производства объективных научных знаний. Все субъективное, как предполагалось в трактовке категорий и эмпирической категоризации объектов и действий человека, элиминировалось в классической науке и было различено с объективным. Классический рационалистический субъект предстал как система нормативов науки перед реальным субъектом научной деятельности. Но с изменением парадигмы науки, поворотом к реальным практикам и критикой индуктивизма и неопозитивистского проекта единства науки в русле протокольных предложений (критический рационализм) изменяется и формулировка функций реального ученого как субъекта науки. Такой ученый производит знания в рамках научной парадигмы, исследовательских программ, руководствуется предписаниями научного этоса сообщества, принимает решения о достаточности в обоснованиях гипотез на основании личностного знания [6], применяет

количественные и качественные методы в своей деятельности, коммуницирует с учеными других научных дисциплин и формирует новый научный пиджин в зонах обмена.

Л.А. Микешина аргументирует то, что «признание всеобщности категории индивидуально-единичного, эмпирического субъекта ... необходимо для становления и дальнейшей концептуализации философии науки и познания в целом. С введением в философию познания категории “жизнь”, тесно связанной с категорией эмпирического субъекта, происходит расширение сферы рационального ... Полани, ... в своей концепции неявного личностного знания размышляет, по существу, об эмпирическом субъекте» [2, с. 8–9]. Эмпирический субъект науки руководствуется чем-то нестандартизируемым помимо рационального метода. Этот субъект чувствует контексты своих практик и составляет субъектный контекст науки. К контексту апеллирует и М. Полани, когда разъясняет то, как личностное знание включается в некую целостность, функционирующую как контекст. Личностное знание реализуется «в каком-то контексте, имеет в этом контексте свой смысл, а сам этот контекст воспринимается как осмысленный» [6, с. 93].

Рассмотрим кратко методологическую программу контекстуализма, применительно к проблеме субъекта науки (философский анализ [7]). И.Т. Касавин считает, что «контекстуализация есть локализация, переход... к реальной ограниченности» [8]. В.Н. Порус анализирует контекстуализм в философии науки. Эта позиция допускает, что «познавательное действие рассматривается как некоторое событие, на возникновение, ход и результат которого влияет контекст» [9, с. 79]. В семантическом контекстуализме эксплицируется зависимость смысла высказывания и оценки истинности от контекста. Таковыми становятся методологические, когнитивные стандарты, задающие уровень строгости в атрибуции знания. К. Дероуз приводит реалистические описания зависимости атрибуций знания от актуальности решаемых задач [10]. В случаях не слишком значительных проблем и неточные представления оцениваются как знания. С повышением значимости задач усиливается и строгость эпистемических стандартов. А.Ю. Антоновский пишет: «В вопросе атрибуции знания и истины приходится учитывать социальное изменение, перспективу наблюдателя» [11, с. 117], эта атрибуция производится как контекстуально сензитивная.

Согласно Ф. Дрекке, контекст оценивает релевантность сомнения в истинности и обоснованности знаний субъекта (релевантность альтернатив) [12]. Стэнфордская энциклопедия философии так оценивает эпистемический контекстуализм: «ЭК – недавняя и горячо обсуждаемая позиция. ЭК – это точка зрения о том, что то, что выражается атрибуцией знания, высказывание о том, что S «знает», что p – частично зависит от чего-то в контексте» [13]. ЭК рассматривает плюрализм эпистемических стандартов в разных контекстах.

Контекстуализм как философская и методологическая программа оказывается пространством битвы тех же философских оппонентов, содержа реалистическую и релятивистскую трактовку контекста. Эта программа в рамках неклассической критики выглядит как гуманизация понимания науки, поскольку действительным субъектом реальной науки становится человек науки и реальные научные сообщества (коллективный субъект). Функции субъекта рассматриваются с акцентом на конструирование, широко принимается, что средствами классических категорий субъекта и объекта невозможно описать расширения практик реальных наук и открывающиеся перспективы технологий. Контекстуализм согласуется с философским переосмыслением науки в условиях технологических прорывов [14].

О.Е. Столярова, изучая трансформации стандартной философии науки, показывает, что «для описания взгляда на науку как преимущественно на практику Эндрю Пикеринг ввел термин “перформативная идиома”» [15, с. 45]. И.Т. Касавин анализирует изменение строгости классических дистинкций в связи с поворотом к эмпирическому субъекту и жизненному миру [16].

Такая нестрогость разрушает и границы практик науки. Неклассическая критика размывает границы науки, а сама проблема границы науки как метафизическая оказывается сомнительной. Тогда как методология поворачивается от нормативизма к дескриптивизму. Актуальной видится проблема выяснения новых дистинкций взамен исключенных. Таковые находят в перспективе прагматизма. Но центральные положения методологической программы прагматизма и оценка релятивизации не однозначны. И.Д. Джохадзе показывает, что Патнем и Рорти оставили дискуссию о прагматизме открытой [17].

Нужно признать, что пересмотр и ограничение строгости дистинкций не означают ни окончательной обоснованности новых, ни отказа от применения прежних, привычных различий. Философские дискуссии, реализующие продвижение к эмпирическому субъекту реальной науки отличаются неоднозначностью позиций, оппоненты высказывают справедливую критику поворотов к контекстуальности и локальности субъекта.

Рассмотрим, в чем состоит эта критика, и учтем, что невозможно одномерно оценить актуальное состояние философии науки и научных практик. Критика позитивистского проекта протокольных предложений как прямого доступа к реальности вынудила осознать концептуальную нагруженность эмпирических исследований (концептуальный контекст), но уязвимой оказывается и антиреалистская позиция. Критика наивного реализма сопровождается и разоблачением несвязности в разных направлениях конструктивизма. Методологически существенно ограничена позиция натурализма. С кантовской платформы априоризма Т. Рокмор выдвинул критику этого направления: натурализм «не смог показать, как представить мир, как он есть» [18, с. 29].

Аналогичные проблемы у радикального конструктивизма как антиреализма. Эта программа не разъясняет то, как возможно мыслить тотальную конструируемость, А.Ю. Антоновский отчетливо показывает, что в радикальном конструктивизме не мыслится базовое различие реальности и действительности [19]. Релятивистская и гуманистическая методология П. Фейерабенда притупляется в своем радикализме в таких условиях, но классические позиции стандартной философии и методологии науки переосмысливаются. Как обобщенно оценивает философскую мысль И.Т. Касавин, «заново проблематизируются категории знания, истины, объективности, субъективности» [20, с. 5]. Выдвигаются идеи, содержащие взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии [21].

Нормативистская концепция истины становится предметом для критики с разных ценностных позиций, но от идеала истины в науке не отказываются. А.Ю. Антоновский анализирует социальный тренд в философии науки и экстерналистскую позицию и высказывает несогласие с мнением о том, «что от истины можно избавиться» [22, с. 78]. Л.А. Микешина анализирует включенность ценностей в науку, но аргументирует невозможность отказа от картезианского рационализма [1]. В социоэпистемологии А.Ю. Антоновский находит различие Эго и Альтера, задающее «условия познания: различие человека и вещи, субъекта и объекта» [23, с. 83].

О.Е. Столярова признает неприменимость реализма и классической концепции истины в современной технотехнике, но аргументирует, что существует то, что «накладывает онтологические рамки» на науку – материальная культура, техноприрода как референт такой науки [24, с. 49]. Релятивизм как некий привычный и доступный объект инвектив оказывается неоднозначным и рассматривается как эпистемологическая проблема [25]. Л.А. Микешина предупреждает о трудностях неклассического расширения и интеграции классических и так называемых неклассических систем знания, обсуждает «диалог когнитивных практик» и анализирует изменения методов познания [3]. В контексте таких философских дискуссий контекстуализм возможно найти во всех высказанных позициях и критиковать то за релятивизм, то за натурализм.

Становится неоднозначным поворот к контекстуальности и эмпирическому субъекту, усложняются задающие актуальность пересмотра категории субъекта культурные оппозиции. Но решения проблем науки и рациональности в условиях изменения базовых дистинкций опять же находятся в контекстуализме, содержащем двойственный смысл для пересмотра категории субъекта – контекстуализм предоставляет основания для критики абстракций субъекта и средства устранения возражений оппонентов, важно и то, что контекстуализм включает противоположные толкования основания субъектности. С одной стороны, эмпирический субъект *ex definitione* контекстуален, с другой – реалистическая трактовка контекста предоставляет решения проблем релятивизма, следующих за контекстуализацией рациональных оснований. Но остается «реальной» и релятивистская трактовка (несоизмеримость контекстов).

В.Н. Порус о нерешенных проблемах эпистемологического контекстуализма пишет: «Если одни и те же познавательные действия принимают различные смыслы в зависимости от контекстов, в которых они фигурируют, то необходимы критерии сравнения этих смыслов» [9, с. 79]. Рассматривая актуальное состояние философии науки не как замену классической рациональности на неклассическую, а как заострение борьбы между реализующими разные культурные

категории оппонентами, возможно находить в программе контекстуализма эффективные решения скептицистских проблем и достаточно точные подсказки эмпирическому субъекту в том, какие проводить различия, как оценивать истинность, приемлемость, применимость научных конструкций (гипотез) и находить достаточную строгость эпистемических стандартов.

Только эмпирический, а не рационалистический субъект располагается ближе всех к реальным контекстам и имеет контекстуальную чувствительность. Несмотря на неклассический дескриптивизм и отказ от универсализма, программа контекстуализма все же имплицитно включает какие-то нормативы для исследования науки и субъекта. Возможным оказывается исследовать реальную науку с контекстуалистским конструированием ее границ и оценок изменений эпистемических стандартов. С другой стороны, программа контекстуализма не только не решает проблем напряженного диалога реализма и антиреализма, но запутывает и саму формулировку проблемы научного исследования реальности. Эта программа включает как релятивистское понимание контекстов, так и реалистическое толкование контекстуальности значений.

Контекстуализм, по оценке И.Т. Касавина, «нуждается в философском контексте» [8]. В.Н. Порус отзывается скептически о программе контекстуализма в философии науки. «Контекстуализм – термин без строгого определения. В эпистемологии фигурирует на правах “базисной метафоры”» [9, с. 75]. Эмпирический субъект ближе к контексту, чем рационалистический, но получает новую функцию контекстуализации научных практик – субъект становится легитимным и значимым контекстом науки.

Существенное продвижение борьбы реализма и антиреализма на территорию контекстуализации возможно оценивать различно – как эффективные решения методологических проблем и как осознание нерешаемости проблемы реальности. Такая двойственность контекстуализма взаимосвязана с неоднозначностью пересмотра категории субъекта, а кантовский скандал философской необоснованности реальности решается за счет субъекта, но затем таким же скандальным характером окрашивается контекстуальность субъекта. Если отказаться от задач найти окончательные решения и анализировать субъекта в культуре, то не контекстуализм, а исследование двойственности этой программы становится средством анализа субъекта.

Поворот к эмпирическому субъекту рассматривается как поворот к культуре, на основании анализа снятия культурных оппозиций анализируется двойственность контекста и субъекта [4]. С одной стороны, контекст выполняет функцию конституции субъекта, с другой – только субъект и формирует некую целостность, выполняющую функцию контекста. В таком смысле исследование субъекта становится не натуральным анализом функций и результативности активности, а исследованием культурных функций конструирования контекста во взаимном конституировании субъекта со своим культурным оппонентом.

Трудности и несогласованности в методологической программе контекстуализма объясняются конструированием контекста субъектом, здесь же находятся и все решения таких трудностей, но только с условием, что найденные решения уже не варьируют в других контекстах. А это опять зависит от субъекта, но когда этот субъект рассматривается не как конечная внекультурная сущность, то все трудности и решения «от субъекта» и оказываются культурным взаимодействием с оппонентом, опять же не натуральным и не внеконтекстуальным. Философско-методологическое продвижение к контекстуальности субъекта расширяет возможности науки и исследования научных практик, но вместе с тем и заостряет проблему человека и науки как проблему культуры.

Эмпирический субъект атомной физики в эпоху квантовых революций

Субъект в квантовой физике как проблема обсуждался в связи с эффектом наблюдателя за квантовым объектом. Наблюдатель разрушает интерференционную картину в двухщелевом эксперименте. Но выясняется, что наблюдателем, запутывающимся вместе со своими макроприборами с квантовым объектом, оказывается не физик, а фиксирующий движение частицы измерительный прибор. В эту проблему прибора вся проблема субъекта не укладывается.

Рассмотрим, в чем проявляется эмпирический субъект науки, не сдерживающий, а продвигающий научное знание в физике. Вл.П. Визгин различает анализ, прогнозирование и объясне-

ние физических эффектов, для такой деятельности: «Достаточно иметь ...курс теорфизики... Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица» [26, с. 139]. Для выдвижения новых физических законов «у вас нет ... “Ландау и Лифшица”. Наоборот, вы заняты созданием новых теорий» [26, с. 139]. В.Э. Терехович отличает экспериментирование, выдвижение новых физических законов и философскую рефлексию, поясняя, что философские методы использовались в физике по-разному – «как аргументы для критики существующей физической картины мира ... как эвристический инструмент для обоснования интуитивных гипотез ... как способ объяснения результатов» [27, с. 10].

Но как философские, так и экспериментальные средства не объясняют, как осуществляется продвижение в формулировке новых проблем науки и оценивание решений, это – центральная проблема философии и методологии науки. Рассматривая субъект науки в культурном диалоге с оппонентом [1], в котором и осуществляется продвижение и оценка инноваций в науке, необходимо прояснить, каковы эти оппоненты в реальной науке, например в физике. В.Э. Терехович четко аргументирует наличие следующих позиций в квантовой физике – «классический реализм, квантовый анти-реализм и квантовый реализм» [28, с. 122]. Классический реализм – позиция, расценивающая квантовую физику как неполную (А. Эйнштейн), – в условиях продвижения в наблюдении и точных предсказаниях «оказался в роли обороняющегося, а активность его сторонников свелась к поиску возможных лазеек в схемах экспериментов и противоречиях в интерпретациях их результатов» [28, с. 123]. Квантовый антиреализм отрицает реалистские положения, что «свойства квантовых объектов локальны, существуют до наблюдения и независимы от него» (Копенгагенская интерпретация) [28, с. 123]. Актуально то, что «конкуренция...происходит между квантовым реализмом и квантовым анти-реализмом. Первый уже не является маргинальным, а позиции Копенгагенской интерпретации сильно пошатнулись» [28, с. 123]. Критико-различительные дискуссии оппонентов реализуются в направлении оппозиции реализма и антиреализма в оценке квантовой теории и объектов (например, волновой функции).

Как аргументирует В.Э. Терехович, «спор этот будет продолжаться до тех пор, пока мы точно не выясним, как именно возможные состояния из суперпозиции переходят в одно из наблюдаемых, какую роль в этом играет знание и выбор наблюдателя, а также что означает пространственно-временная нелокальность квантовых корреляций. Как оказалось, важную роль в поиске ответов на эти вопросы стали играть новые квантовые технологии» [28, с. 123], «технологии ... становятся аргументом в этом споре, чаще всего в пользу квантового реализма» [28, с. 124].

Не ясен и смысл этого спора. Если он осуществляется как нормальная дискуссия в нормальной науке и заканчивается снятием в объяснительных конструкциях, то технологии – это контекст для продвижения какой-то из научных конструкций. Несомненно, что ясность проблем снимает актуальную культурную оппозицию и изменяет условия культурной коммуникации. В таком случае научные проблемы и научные коммуникации эмпирических субъектов науки будут производиться в других системах оппозиций культуры. Тогда важнейшая проблема и состоит в оценке оппозиции реализма и антиреализма квантовой теории и квантовых объектов. В случае осуществления оппозиции реализма и антиреализма как конституции культурного взаимодействия субъектов квантовые дискуссии и разработки технологий – не решение, а осуществление парадоксальности субъекта культуры, фиксируемой, например, средствами раскрытия двойственности в программе контекстуализма.

В.Э. Терехович анализирует концепцию онтического структурного реализма (ОСР) как наиболее актуальную для философского анализа проблем квантовой физики. ОСР признает онтологический статус не объектов, а структур. Как аргументирует В.Э. Терехович, «идея ОСР отказаться от онтологического статуса объектов, перенеся его на структуры, выглядит достаточно привлекательно... Однако у каждого из перечисленных пунктов есть ограничения» [29, с. 181]. Такой анализ и указывает на открытость проблем квантовой физики, возможно оказующихся только научной проблемой исследования физической реальности или проблемой культуры, двойственности субъекта и методологических возможностей, представляемых контекстуализмом.

Выводы

Трудности неклассического поворота к эмпирическому субъекту и эффективные решения методологических проблем связаны с двойственностью в методологической программе контекстуализма. В этой же программе находятся и решения методологических проблем. Эмпирический субъект науки не конституируется однозначно контекстом, а реализует культурно сформированную функцию конструирования контекста научных практик и границы конструируемости. Эмпирический субъект физики в русле рассмотрения культурных оппозиций становится доступным для исследования в следующих планах: конструирования различных контекстов и их функций в коммуникации с культурным оппонентом в русле соперничества реализма и антиреализма; конструирования границы конструируемости научных контекстов коммуникации с оппонентом; осознания и исключения ценностно неприемлемых контекстов научных коммуникаций с культурным оппонентом. В таком анализе возможно раскрыть и зависимость эпистемических стандартов действий субъекта от контекста, и возможность субъекта реализовать действия конструирования контекстов и границ конструируемости.

Остается открытой проблема оснований для реализации функций субъекта – на каком основании субъект различает контексты и исключает, или же акцентирует и отстаивает их как конечное основание, тогда психология как социальная технология и фиксирует эту проблему, в исследованиях субъекта науки и оказывается перспективным освоить эту функцию психологии как предмет анализа. Не сами открытия и разработки новых технологий подталкивают субъектов науки к производству и уточнению оппозиций, а культурная коммуникация с оппонентом. В квантовой физике эмпирический субъект пока недостаточно прояснен в своих функциях, как и центральная оппозиция реализма и антиреализма, и смысл самой проблемы онтологического статуса квантовых объектов.

Список источников

1. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М: РОССПЭН, 2007. 439 с.
2. Микешина Л.А. Эмпирический субъект и категория жизни // Эпистемология & философия науки. 2009. № 1. С. 5–15.
3. Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
4. Антипова И.Г. Эмпирический субъект науки: контексты психологии. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2020. 320 с.
5. Антипова И.Г. Контекстуальность субъекта: перспективы методологии психологии. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2022. 326 с.
6. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
7. Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология & философия науки. 2005. № 4. С. 5–15.
8. Касавин И.Т. Контекст // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. И.Т. Касавин. М.: Канон, Реабилитация, 2009. 1248 с. URL: [https:// gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82](https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82) (дата обращения: 01.09.2019).
9. Порус В.Н. Контекстуализм в философии науки // Эпистемология & философия науки. 2018. № 2. С. 75–93.
10. DeRose K. Contextualism and Knowledge Attributions // Philosophy and Phenomenological Research. 1992. Vol. 52, № 4. P. 913–929. URL: <https://www.jstor.org/stable/2107917> (дата обращения: 01.03.2019).
11. Антоновский А.Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // Эпистемология & философия науки. 2010. № 4. С. 101–118.
12. Dretske F. Epistemic Operators // The Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67, № 24. P. 1007–1023. URL: <https://www.jstor.org/stable/i309228> (дата обращения: 01.09.2019).
13. Rysiew P. Epistemic Contextualism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2021 Edition). Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/contextualism-epistemology/> (дата обращения: 22.05.2022).
14. Столярова Е.О. Третья волна исследований науки как философское обоснование STS // Логос. 2018. № 5 (126). С. 31–52.

15. Столярова О.Е. Научный активизм: идея перформативности // Эпистемология & философия науки. 2018. № 2. С. 42–48.
16. Касавин И.Т. Мир науки и жизненный мир человека // Эпистемология & философия науки. 2005. № 3. С. 5–11.
17. Джахадзе И.Д. Патнем vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология & философия науки. 2011. № 4. С. 175–190.
18. Рокмор Т. Натурализм как антикантианство // Эпистемология & философия науки. 2009. № 4. С. 14–29.
19. Антоновский А.Ю. Конструктивизм радикальный // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7048> (дата обращения: 01.10.2019).
20. Касавин И.Т. Проблема как форма знания // Эпистемология & философия науки. 2009. № 4. С. 5–13.
21. Невважай И.Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология & философия науки. 2015. № 1. С. 83–97.
22. Антоновский А.Ю. К проблеме медиатехнизации наблюдений в естественных и гуманитарных науках // Эпистемология & философия науки. 2011. № 4. С. 73–78.
23. Антоновский А.Ю. От Эго и Альтера к сообщению информации // Эпистемология & философия науки. 2011. № 1. С. 79–83.
24. Столярова О.Е. Исторический контекст науки: материальная культура и онтологии // Эпистемология & философия науки. 2011. № 4. С. 32–50.
25. Касавин И.Т. Релятивизм: абстрактная теория или методологическая практика // Эпистемология & философия науки. 2004. № 1. С. 67–69.
26. Визгин Вл.П. «Может ли философия стать нашей путеводной нитью на пути к окончательной теории?» // Метафизика. 2016. № 2 (20). С. 138–152.
27. Терехович В.Э. Действительно ли философия слишком важна для физики, чтобы оставлять ее на откуп философам?» // Метафизика. 2020. № 1 (35). С. 8–29.
28. Терехович В. Э. Революционные трансформации в квантовой физике и инновации в квантовых технологиях // Манускрипт. 2018. № 11. С. 119–125.
29. Терехович В.Э. Структуры, объекты и реальность // Эпистемология & философия науки. 2022. № 3. С. 166–184.

References

1. Mikeshina L.A. *Epistemology of values*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2007. 439 p. (In Russ.).
2. Mikeshina L.A. Empirical subject and category of life. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2009;(1):5-15. (In Russ.).
3. Mikeshina L.A. *Dialogue of cognitive practices*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. 575 p. (In Russ.).
4. Antipova I.G. *Empirical subject of science: contexts of psychology*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2020. 320 p. (In Russ.).
5. Antipova I.G. *Contextuality of the subject: perspectives on the methodology of psychology*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2022. 326 p. (In Russ.).
6. Polanyi M. *Personal knowledge*. Moscow: Progress Publ.; 1985. 345 p. (In Russ.).
7. Kasavin I.T. Contextualism as a methodological program. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2005;(4):5-15. (In Russ.).
8. Kasavin I.T. Context. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Compiled by I.T. Kasavin. Moscow: Kanon, Reabilitatsiya Publ.; 2009. 1248 p. Available from: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82 [Accessed 1st September 2019]. (In Russ.).
9. Porus V.N. Contextualism in the philosophy of science. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;(2):75-93. (In Russ.).
10. DeRose K. Contextualism and Knowledge Attributions. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1992;52(4):913-929. Available from: <https://www.jstor.org/stable/2107917> [Accessed 1st March 2019].
11. Antonovsky A.Yu. Semantic contextualism and the problem of non-standard definition of knowledge. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2010;(4):101-118. (In Russ.).

12. Dretske F. Epistemic Operators. *The Journal of Philosophy*. 1970;67(24):1007-1023. Available from: <https://www.jstor.org/stable/i309228> [Accessed 1st September 2019].
13. Rysiew P. Epistemic Contextualism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2021 Edition), E.N. Zalta (ed.). Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/contextualism-epistemology> [Accessed 22th May 2022].
14. Stolyarova E.O. The third wave of science research as a philosophical basis for STS. *Logos*. 2018;(5):31-52. (In Russ.).
15. Stolyarova O.E. Science activism: the idea of performativity. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;(2):42-48. (In Russ.).
16. Kasavin I.T. The world of science and the human life world. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2005;(3):5-11. (In Russ.).
17. Dzhokhadze I.D. Putnam vs. Rorty: the debate on pragmatism and relativism. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2011;(4):175-190. (In Russ.).
18. Rockmore T. Naturalism as Anti-Kantianism. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2009;(4):14-29. (In Russ.).
19. Antonovsky A.Yu. Radical constructivism. *Humanitarian portal*. Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/7048> [Accessed 1st October 2019]. (In Russ.).
20. Kasavin I.T. The problem as a form of knowledge. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2009;(4):5-13. (In Russ.).
21. Nevvazhay I.D. Complementarity of constructivism and realism in epistemology. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2015;(1):83-97. (In Russ.).
22. Antonovsky A.Yu. On the problem of media technization of observations in the natural and human sciences. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2011;(4):73-78. (In Russ.).
23. Antonovsky A.Yu. From the Ego and Alter to the communication of information. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2011;(1):79-83. (In Russ.).
24. Stolyarova O.E. Historical context of science: material culture and ontology. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2011;(4):32-50. (In Russ.).
25. Kasavin I.T. Relativism: abstract theory or methodological practice. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2004;(1):67-69. (In Russ.).
26. Vizgin V.I.P. "Can philosophy become our guiding thread on the way to the final theory?" *Metafizika = Metaphysics*. 2016;(2):138-152. (In Russ.).
27. Terekhov V.E. Is philosophy really too important for physics to be left to philosophers? *Metafizika = Metaphysics*. 2020;(1):8-29. (In Russ.).
28. Terekhov V.E. Revolutionary transformations in quantum physics and innovations in quantum technologies. *Manuskript = Manuscript*. 2018;(11):119-125. (In Russ.).
29. Terekhov V.E. Structures, objects and reality. *Epistemologiya & filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2022;(3):166-184. (In Russ.).

Информация об авторах

И. Г. Антипова – доцент кафедры психологии образования.

Е. Р. Редкин – магистрант, физический факультет.

Information about the authors

I. G. Antipova – Associate Professor of the Department of Psychology of Education.

E. R. Redkin – Master Student, Faculty of Physics.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья

УДК 165.1

doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-20-31

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ (ИНЖЕНЕРИЯ ЗНАНИЙ)

Анастасия Валерьевна Кайнова^{1✉}, Вера Олеговна Волкова²

^{1, 2} Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева,
Нижний Новгород, Россия

¹ kainova.av@gmail.com✉

² sophiapsy@yandex.ru

Аннотация. Управление знаниями сегодня является достаточно перспективным направлением исследований, поскольку как самостоятельная дисциплина оно появилось в России и стало развиваться фактически со второй половины 2010-х гг. Исходными данными для российских исследователей послужили зарубежные материалы и публикации, так как на Западе управление знаниями выделилось в самостоятельную область несколько ранее, примерно с начала XX в. Тенденции управления знаниями зародились внутри крупных IT-корпораций, которые выявляли связь между инновациями, производимыми организациями, и трансфером знаний между сотрудниками.

Представлен подробный обзор современных актуальных тенденций управления знаниями, а также исследовано их философское обоснование. Рассмотрены такие тенденции, как изучение и развитие самой концепции управления знаниями, разработка и совершенствование KMS-систем, моделей управления знаниями, выявление инструментов управления знаниями. По каждому из перечисленных направлений приведен обзор литературных источников, выявлены особенности управления знаниями как дисциплины. По результатам обзора можно утверждать, что начавшийся внутри западных IT-корпораций тренд на сохранение и переиспользование знаний внутри компании активно распространяется не только в другие отрасли, но и в глобальном плане, приобретая собственные уникальные черты как самостоятельного направления исследований.

Ключевые слова: управление знаниями, тенденции управления знаниями, системы управления знаниями, инструменты управления знаниями, коммуникация, инновации, преемственность знаний, современная научная картина мира

Для цитирования: Кайнова А.В., Волкова В.О. Современные тенденции управления знаниями (инженерия знаний) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 20–31.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MODERN TENDENCIES OF KNOWLEDGE MANAGEMENT (KNOWLEDGE ENGINEERING)

Anastasia V. Kainova^{1✉}, Vera O. Volkova²

^{1, 2} Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia

¹ kainova.av@gmail.com✉

² sophiapsy@yandex.ru

Abstract. Knowledge management today is a promising area of research, since, as an independent discipline, in fact, it appeared in Russia and began to develop from the second half of the 2010s. The initial data for Russian researchers were foreign materials and publications, since in the West knowledge management emerged as an independent field of knowledge somewhat earlier, approximately from the beginning of the 20th century. Knowledge management trends began to emerge within large IT corporations, which began to reveal the connection between innovations produced by organizations and the transfer of knowledge between

employees. The authors of this article aimed to provide a detailed overview of current modern trends in knowledge management, as well as explore their philosophical justification. The article discusses such trends as: the study and development of the concept of knowledge management itself, the development and improvement of KMS, as well as knowledge management models, the study and identification of knowledge management tools. For each of the listed areas of research, a review of the literature is given, as well as the features of knowledge management as a discipline. According to the results of the review, it can be argued that the trend that began within Western IT corporations to preserve and reuse knowledge within the company is actively spreading not only to other industries, but also globally, acquiring its own unique features as an independent area of research.

Keywords: knowledge management, knowledge management trends, knowledge management systems, knowledge management tools, communication, innovations, knowledge continuity, modern scientific picture of the world

For citation: Kainova A.V., Volkova V.O. Modern Tendencies of Knowledge Management (Knowledge Engineering). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(2):20-31. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Впервые об управлении знаниями задумались разработчики интеллектуальных систем в информатике. Одновременно постановка этой проблемы сопрягается с междисциплинарным подходом к изучению знаний и касается разных сторон социокультурной практики в областях философии, психологии, лингвистики, математики, менеджмента.

Проблема управления знаниями в философии уходит корнями в творчество, понимаемое в контексте деятельности и общения. В него же входят отказ от стереотипов, встреча с новым, перестройка уже известного, проектирование возможных результатов. Активно обсуждается проблема творчества в социальной практике, виртуальном бытии, психологии управления людьми и воздействия на их сознание. Эта проблематика проработана на уровне менеджмента, где управление знаниями становится производственной необходимостью, повышающей продуктивность деятельности любой профильной организации.

Тенденции управления знаниями имеют философское обоснование.

Философский подход связан с обработкой неопределенных состояний сознания «с помощью имеющихся концептуально-образных средств, объективированных результатов культурной деятельности» [1, с. 17]. И. Т. Касавин указывает, что управление знаниями имеет историко-философские истоки в античной эпистеме, вбирающей в себя народное мнение. Философская мудрость проявляется в живой коммуникации и ее изучении для нужд управления знаниями.

В.С. Степин, выделяя постнеклассический образ рациональности, отмечает, что на передний план все чаще выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности. Процессы взаимодействия принципов и представления картин реальности, формирующихся в различных науках, все более усиливаются. Все чаще изменения этих картин реальности протекают путем «парадигмальной прививки» идей других наук, а не под влиянием внутридисциплинарных факторов [2]. Происходит постепенное стирание жестких разграничительных линий между картинками реальности, которые определяют видение предмета в рамках той или другой науки. Появляется целостная, общенаучная картина мира. Понятие «информация» становится таким же фундаментальным, как «материя» и «энергия», поскольку в сложных саморазвивающихся системах друг в друга проникают не только вещество и энергия, но и информация. Становится невозможным игнорировать «опыт» предшествующих взаимодействий сложной системы со внешней средой [3].

В. А. Лекторский в своей работе «Эпистемология классическая и неклассическая» [4] отмечает существование коллективного характера получения знания (как обыденного, так и научного), подчеркивая необходимость исследования связей между субъектами познавательной деятельности. Там же он подчеркивает, что в рамках неклассической теории познания, которая начала

складываться в последние десятилетия XX в., познание не может начинаться с нуля, а предполагает вписанность познающего индивида в окружающие его традиции.

М. К. Петров, говоря о культурной традиции, замечает, что выживание человеческого рода «можно объяснить без привлечения сверхъестественных сил только в том случае, если будет вскрыт и показан механизм общения поколений, передачи следующим поколениям накопленной информацией о среде его обитания и накопленных на базе такой информации навыков извлечения из этой среды средств к жизни для популяции данного вида» [5, с. 608].

Область управления знаниями вбирает в себя феноменологический подход Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, так как знание способно совмещать народную молву и ее социокультурную обработку в коммуникации, поднимая ее на уровень научной. В. М. Розин говорит о том, что в философии постоянно осуществляется перестройка способов мышления и создание его новых вариаций, что поднимает проблему управления знаниями на уровень методологии [6], техник мышления, приближающихся к пониманию природы мысли в качестве онтологической опоры для инженерии знаний.

Историко-философский аспект управления знаниями захватывает учения Ф. Бэкона и Р. Декарта, сформированные в период господства в науке индивидуального опыта и суверенного разума. Ф. Бэкон учил не доверять «идолам» – заблуждениям, которые исследователь может брать на веру, а Р. Декарт призывал положить в основание управления знаниями сомнение и при его помощи выстраивать метод рационального конструирования знаний.

Исследование проблематики управления знаниями требует обзора тенденций, сформировавшихся через организацию условий познающего разума.

Знание и коммуникация

Важнейшим условием познания является коммуникация. При анализе аналитической философии И. Т. Касавин приходит к выводу о ведущей роли коммуникации в познании, когда внешнее общение превращается в самосознание и переосмысление всего происходящего заново. Соотношение знания и коммуникации рассматривается И. Т. Касавиным для разработки когнитивного статуса коммуникации. Внешняя коммуникация индивидов и социальных институтов формирует навыки социального взаимодействия. Внутренняя коммуникация включает объекты и орудия, составляющие навыки профессиональной и повседневной жизни. Обладать профессией означает создать для себя не только определенный стиль мышления, но еще и войти в пределы культуры общения. Добавление культуры позволяет выделить открытую коммуникацию, отвечающую за навыки саморазвития и интеллектуальный капитал личности. Коммуникация должна конструироваться ее участниками, осмысливаться ими, и тем самым ей присваивается когнитивный статус. При этом коммуникация обозначается как плодотворная, обеспечивающая автономию опыта, включающая культурный обмен с предками и современниками [1]. Для того чтобы служить получению и осмыслению нового знания, необходимо конструировать коммуникацию с учетом смыслообразования, иносказания и осмысления мира на свой лад [1]. Знание служит обоснованию социальной природы мышления и находится в прямой зависимости от условий его организации. Эта особенность позволяет концептуализировать инженерию знаний через область онтологии и социальной эпистемологии.

Эпистемология является социальной в своей инструментальности, так как внимание к истории, традиции, культуре объединяется с коммуникативно-семиотической природой познания и сознания. И. Т. Касавин указывает, что понятийный аппарат современных исследований раскрывает эту природу как творческий результат социального взаимодействия. Инструментальная природа инженерии знаний открывается с помощью семиотики, семантики и разработки на их основе интеллектуальных моделей.

В современных исследованиях усматривается явление, которое И. Т. Касавин связывает с эффектом «дежавю», когда многие идеи наследуются непроизвольно/иносказательно в контексте осмысления творческого подхода к соотношению знания и коммуникации. Он предлагает рассматривать коммуникативный дискурс, в котором творческая компонента развертывается в отношении текста и контекста, где текст представлен упорядочивающим контекстуальный хаос инструментом [1].

Социальная эпистемология, которую также обсуждает и В. А. Лекторский [4], говорит о когнитивном статусе управления знаниями, о том, что знания зависят от их роли в обществе, индивидуального опыта личности. Познание перемещается в сферу онтологии – существование человека, общества и мира через определенную систему выраженных в категориях воззрений на мир. Онтологии становятся инструментом методологии в организации систем управления знаниями.

Смена парадигм в управлении знаниями

Основой для выведения парадигмы управления знаниями в современном мире служит изменение стиля мышления, связанного с коррекцией внутренней логики рассуждения (дискурса) в процедуре отбора и организации аргументов каких-либо утверждений и их доказательностью.

М.А. Молодчик указывает, что смена парадигм в управлении знаниями касается процессов перехода от общепарадигматической парадигмы «человек рациональный» к ориентированной на практику парадигмы «человек разумный» [7]. Оставляя в стороне вопрос различения интеллектуализации и разумности, отметим, что в современной науке замечается переход понятийного дискурса в ориентированный на практику смысл (что, как указано выше, выделяет, например, В.С. Степин [2]), который и в случае интеллектуализации, и в случае разумности остается общим. Он заключается в разработке системы взглядов на предмет и конструирование адекватных коммуникаций в отношении с ним, что предполагает связь управления знаний с инновациями, разработку интеллектуальных систем и проблему инструментальности в управлении знаниями.

Авторы стремятся к развитию научной дисциплины «управление знаниями». Она включает в себя актуальную сегодня область согласования интеллектуальных моделей, относящихся к разным полюсам знания. Они могут быть представлены различными взглядами на один и тот же предмет, что требует согласования на уровне онтологии, когда знание перестает быть отвлеченным предметом, а активно встраивается в организационное и социально-психологическое бытие той или иной организации. Понятие «организация» полисемантически включает в себя как разного рода «организованности», так и социально-психологическое объединение людей, называемое корпоративной организацией конкретной общности интересов. Онтологии оказываются сферой согласования социальных, информационных, проектно-сетевых факторов организации в единое целое.

В области менеджмента организационных ресурсов знания, взятые в аспектах социальности, междисциплинарности, информационных технологий и проектирования, объединяют в себе отношения, их информационное обеспечение и совместное действие участников решения практических задач, например в образовании. С инновационных позиций управление знаниями может быть рассмотрено как интеллектуальная система объединения социальных, информационных, проектных ресурсов образовательного коворкинга в общий медиа-хаб (М-Н – media-hub) как пример моделирования образовательного «полипозиционного пространства» соорганизации субъектов – участников образования [8].

Возникновение инженерии знаний

Исследования зарубежной литературы демонстрируют концептуальную проработку области управления знаниями в организации, создание интеллектуальных моделей управления знаниями и обеспечение процесса инструментального их внедрения в практику. Нужно отметить, что на Западе тема управления знаниями и в особенности применение ее в организациях развита намного шире, нежели в России. Существует даже ряд стандартов и рекомендаций, например, European Guide to good Practice in Knowledge Management, разработанный European committee for standardization, стандарт ISO 30401:2018 – Knowledge management systems, подготовленный Technical Committee ISO/TC 260. В зарубежных фирмах для целей управления знаниями могут быть даже выделены специальные knowledge workers, в том числе существует должность «директора по знаниям», СКО – Chief Knowledge Officer. Причиной выделения управления знаниями в отдельную область исследований в первую очередь послужило активное развитие IT-сферы на Западе. Компании начали осознавать, что без грамотных накоплений, систематизации и передачи знаний они начинают отставать в гонке инноваций. Со временем это понимание вышло и за пределы IT.

В России же практика управления знаниями активно распространена только в крупных корпорациях, таких как «Сбербанк» или предприятия госкорпорации «Росатом». Постепенно в России начинают появляться конференции, например, коммерческая Knowledge Conf, существуют инициаторы перевода стандарта ISO 30401 на русский язык, управление знаниями внедряется как вузовская дисциплина (к примеру, существует в Высшей школе экономики).

Далее будет рассмотрено, какие именно тенденции в области инженерии знаний могут быть выделены, на основе анализа зарубежных публикаций.

Тенденции в области управления знаниями

Современные исследования в данной области охватывают:

- изучение и развитие концепции управления знаниями;
- разработку и усовершенствование систем накопления и передачи знаний;
- разработку моделей управления знаниями и применение существующих концепций из иных научных областей к управлению знаниями;
- изучение и выявление инструментов управления знаниями.

Изучение и развитие концепции управления знаниями

По данной тематике может быть выделено 2 основных направления исследований в 2000–2010-х гг. – изучение связи координированного управления знаниями в организации и инноваций и исследования относительно того, какие люди необходимы, чтобы эффективно организовать управление знаниями в организации.

D. Call отмечает, что управление знаниями – весьма многогранное понятие и его конкретное определение зависит от того, какую задачу хочет решить организация. Автор опирается на то, что «знание» есть «способность к эффективным действиям» – эффективное управление знаниями меняет способ функционирования организаций и отдельных лиц. Оно меняет то, как люди выполняют свои повседневные задачи, побуждает изменения ценностей и убеждений организации в целом, позволяет сотрудникам использовать все знания, собранные организацией, перед принятием решения. Применяя процессы управления знаниями к проблемам, лидеры могут раньше идентифицировать потенциальную проблему и узнать о ней больше, чем когда-либо до. Новое понимание проблемы позволит решить ее так, как бы не решились никогда ранее [9].

P. Saulais и J. Ermine после экспериментов с внедрением управления знаниями в организации отмечают следующий механизм связи с креативностью и инновациями: «технологические траектории», которым следует организация, зависят от прошлых технологических траекторий. В случае, если знания о прошлых траекториях структурированы и находятся в общем доступе, согласно проведенным исследованиям, это порождает взаимодействие технологических траекторий по сложным схемам, что дает новое знание, стимулирует творчество в организации и приводит к рождению изобретательских траекторий [10].

Согласно исследованию A. M. Mills и T. A. Smith, на организационную эффективность оказывают влияние приобретение, применение и сохранение знаний внутри организации, в то время как используемые для передачи знаний технологии – группа опрошенных сочла менее важными [11].

M. Basadur и G. A. Gelade вводят понятие «думающей организации» как организации, в которой необходимые для работы знания передаются между сотрудниками в процессе обучения. Авторы отмечают, что подобные новшества необходимы современным фирмам, если они хотят перейти на качественно новый уровень, а не просто достигать стандартных целей, например, по прибыли за месяц, квартал, год. Они также отмечают, что без внедрения знаниевых систем компании рискуют проиграть в конкурентной борьбе [12].

M. Basadur и G. A. Gelade также поднимают вопрос о том, какие люди необходимы для того, чтобы организация могла называться «инновационной». Согласно их выводам, невозможно назвать «думающей» организацию, которая не ищет нового применения своим знаниям на постоянной основе. Для «думающих» компаний и всех их сотрудников новаторское мышление является рутиной, но подкрепляется оно именно путем качественного обмена знаниями между всеми сотрудниками по всей управленческой вертикали. Тем не менее M. Basadur и G. A. Gelade акцентируют внимание на том, что именно высший менеджмент должен быть «впереди» всех осталь-

ных сотрудников в плане обучения и передачи знаний, своим примером и компетенциями вовлекая остальных сотрудников в процесс инжиниринга и реинжиниринга знаний.

Однако, согласно S. K. Singh, даже сам стиль управления организацией, т.е. политика высшего менеджмента, может влиять на эффективность обмена знаниями. Результаты его исследования показывают, что директивный стиль лидерства, т.е. жесткое управление подчиненными и их действиями, негативно сказывается на обмене знаниями. Для максимальной выгоды от управления знаниями лидер должен использовать консультационный либо делегирующий стиль управления, при которых подчиненные максимально свободны в принятии решений [13].

Таким образом, управление знаниями неразрывно связано с такими понятиями, как «креативность», «творчество» и «свобода мышления». Тем не менее для максимизации выгоды компании от процесса управления знаниями необходим лидер, компетентно использующий свои полномочия и подкованный в тематике инжиниринга знаний.

Разработка и совершенствование систем передачи знаний

Система управления знаниями – knowledge management system (KMS) – подразумевает под собой набор методик и технологий для эффективного извлечения, сохранения и передачи знаний.

M. Alavi и D. Leidner изучали KMS на основе доступных литературных источников. Они пришли к выводу, что знания в организации весьма разнообразны: могут быть явными и неявными, принадлежать как одному сотруднику, так и группе, находиться на компьютере или в записной книжке и т.д. И хорошая KMS должна отвечать всему этому разнообразию знаний, предоставляя возможности их хранения, извлечения и переиспользования. Отдельно авторы отмечают, что знания в KMS вносят прежде всего сами сотрудники, что ставит перед организацией вопрос актуализации, модификации и внесения новых знаний в систему, потому как в противном случае встает вопрос доверия к этим знаниям и как следствие возможности их использования [14].

Вопрос доверия к KMS рассматривается W. He, Q. Qiao и K.-K. Wei, которые исследовали успешность внедрения KMS в китайских компаниях. Авторы решили подойти к вопросу «Что поддерживает внедрение KMS и сохранение знаний в актуальном состоянии?» с позиции социальных отношений. Согласно результатам исследований, к активному использованию KMS сотрудника побуждает полезность контента внутри нее, дополнительные бонусы от организации (например, награды за самый обсуждаемый материал в KMS), а также отношения в коллективе. W. He, Q. Qiao и K.-K. Wei выяснили, что если в коллективе дружеские доверительные отношения между коллегами, то сотрудники охотнее делятся знаниями и обучают других, в том числе при помощи KMS [15].

M. Khalifa, A. Yan Yu и K. Ning Shen провели исследование с участием более 100 организаций, использующих KMS в повседневной деятельности. Уровень инновационного мышления сотрудников и гибкости мышления в целом был выше, нежели у подчиненных в фирмах, в которых системы управления знаниями приложения не имели [16].

S. Kumar и S. Gupta отметили, что наличие KMS в глобальных организациях помогает в создании базы знаний, улучшении доступа к знаниям, а также в управлении знаниями как активом. Однако ученые также подметили, что область неявных, т.е. неформализованных, знаний достаточно обширна и ее включение в KMS требует отдельного внимания и соответствующих, не только технических инструментов [17].

C. Lin и S. Tseng сконцентрировались на проблемах внедрения KMS в организациях. Наиболее серьезным препятствием может быть организационная культура, не готовая к обмену знаниями и не поддерживающая его. Компании должны поощрять стремления сотрудников к обмену знаниями, разрешить им совершать ошибки – с социальной точки зрения, разработать механизмы выявления и фиксации знаний, способы измерения и оценки знаний, а также предоставить удобную для обмена ИТ или иную инфраструктуру – с технической [18].

Следовательно, использование KMS в фирмах поддерживает основную тенденцию управления знаниями – стремление к новаторскому мышлению, однако трудности вызывают грамотное

использование, степень доверия сотрудников к системе управления знаниями и наличие правильной организационной культуры.

Изучение и выявление инструментов управления знаниями

М. Handzic исследовала управление знаниями с помощью разработанной социотехнической модели [19]. Основные выводы заключались в следующем:

- как социальные, так и технические инициативы влияют на процесс управления знаниями в компании, однако социальные – в большей степени, нежели технические;
- в части социальных инициатив существенное влияние оказывают: грамотное лидерство, организационная культура (которая должна быть открытой и позитивной к знаниям и обучению), а также стимулирование познания нового;
- в части технических инициатив – ИТ-инфраструктура обмена знаниями, т.е. система управления знаниями, с продуманным интерфейсом и удобным доступом к знаниям также оказывает положительный эффект.

Результаты в значительной степени перекликаются с результатами исследований других авторов.

Е. Abou-Zeid предложил трехуровневую модель управления знаниями, которую могут использовать организации для формализации своих знаний, принятия решений на их основе и поддержания знаний в актуальном состоянии. Первый уровень модели составляют знания о «вещах» организации, т.е. о продуктах, ею производимых. Второй слой – знания о процессах, которые необходимы для реализации «вещей» первого уровня. И третий – составляют знания о ресурсах, необходимых для поддержки процессов второго уровня. Проанализировав набор своих знаний по трем данным ступеням, можно собрать значительный массив информации о происходящем в компании. В случае, если фирма захочет ввести какой-либо новый продукт, на него также можно посмотреть последовательно, по уровням, в том числе используя предыдущий накопленный опыт [20].

J. Van Beveren в своем изучении управления знаниями пришел к модели, основой которой является допущение, что знание как таковое – это результат обработки информации мозгом конкретного индивида. То есть то, что хранится в системе управления знаниями либо в иной явной форме внутри организации, – не более чем информация, если нет сотрудников, которые понимают, как эту информацию применить. Накопленная организацией информация может и должна быть использована для внутреннего обучения, в которое вовлечены действующие сотрудники, обладающие необходимыми знаниями. Для грамотного управления знаниями внутри организации необходимо ставить людей (сотрудников) на первое место и правильно реализовывать управление человеческим капиталом компании [21].

G. Probst разработал модель жизненного цикла знаний внутри организации на основе восьми «строительных блоков»: цель знаний, измерение знаний, идентификация знаний, использование знаний, приобретение знаний, сохранение знаний, развитие знаний и распространение знаний. Позиция автора такова, что при пропуске и отсутствии фиксации в явном виде хотя бы одного из блоков разрушается жизненный цикл знания, т.е. повторить процесс изготовления продукта, в описании которого утратили один или несколько блоков, может стать невозможным, при условии, что не останется сотрудников, в неявном виде хранящих знания о недостающем блоке процесса [22].

S. Shoham и M. Perry провели исследование состояния управления знаниями в израильских университетах. Они отметили, что внедрение управления знаниями необходимо для перехода вузов из состояния «обучающей организации» к состоянию «обучающейся». Разработанная ими модель похожа на модель G. Probst, но включает в себя меньше «строительных блоков»: определение потребностей и стратегий организации, анализ существующих знаний, создание и развитие нового знания, сохранение и передача знаний, измерение знаний и контроль процесса. По мнению S. Shoham и M. Perry, если вузы Израиля будут следовать этим шагам, у них получится выстроить работающий процесс по управлению знаниями [23].

S.C.L. Koh с соавторами исследовал процесс обмена знаниями в колл-центре. Ими было выделено пять ступеней для эффективного обмена знаниями: приобретение, использование, адаптация, распространение и генерация знаний. По мнению авторов, их грамотное применение позволит колл-центру функционировать более эффективно [24].

На основе проведенного исследования по обзору моделей по управлению знаниями A. Haslinda и A. Sarinah отмечают, что ту или иную модель необходимо грамотно подбирать в зависимости от целей конкретной организации, а также разные модели могут быть полезны на разных этапах жизненного цикла знания в организации [25].

S. Kumar, S. Gupta сделали особый акцент на выделении неявных знаний путем использования различных методов и приемов, например организованное обсуждение с другими сотрудниками, которое, в свою очередь, создает среду для совместной работы (наставник – ученик), процесса обучения посредством бесед или обмена опытом (рассказывание историй) и т. д. [17].

A. Al-Aama разработал таксономию инструментов управления знаниями. В классификации перечислены популярные электронные инструменты, которые могут улучшить процессы KMS, и показано, к каким процессам в организации подходит тот или иной инструмент [26].

G. Bhatt, J.N.D. Gupta и F. Kitchens исследовали инструменты групповой работы в организациях на предмет корреляции с эффективностью обмена знаниями. Было замечено, что инструменты, в которых используется восприятие «на слух», например видеоконференции, наиболее сильно коррелируют с обменом знаниями. Среди письменных инструментов отмечена электронная почта. Интересно, что инструменты управления знаниями эволюционируют совместно с трендами технологий – так, например, факс в 2000-х гг. уже отошел на задний план в части его использования для обмена знаниями. На лидирующие же позиции постепенно выходят мессенджеры и рабочие чаты [27].

Локальные корпоративные социальные сети – интрасети – зачастую рассматриваются как инструменты управления знаниями [28–32]. Авторами перечисленных работ отмечается, что интрасети и социальные сети могут способствовать улучшению процессов обмена знаниями. Так, при использовании интранета как части системы управления знаниями, необходима определенная дисциплинированность: поддержка и наполнение контентом, поддержка обмена знаниями между сотрудниками, администрирование интрасети.

Использование соцсетей для управления знаниями может помочь компаниям общаться не только внутри себя, но с клиентами, наладить межкультурную коммуникацию, что актуально для многонациональных компаний. Соцсети облегчают цикл познания для человека, дают возможность использования «коллективного разума» организации для своей деятельности, а также возможность отойти от ситуации, когда знаниями владеет и делится один конкретный эксперт.

Еще одним инструментом управления знаниями является корпоративная Википедия («вики»). T.P.L Grace на базе обзора имеющихся источников пришла к выводу, что корпоративная вики благодаря своим пользователе-ориентированным функциям и удобному интерфейсу признается как качественный инструмент для обмена знаниями [33]. Однако необходимо помнить о структурированности знаний, обучению использованию вики сотрудниками и поддержке данного инструмента, как технического, так и в части актуализации знаний. Об аналогичных проблемах говорят также S. Kiniti и C. Standing [34].

В университетах предлагается использование веб-порталов в качестве инструмента для сохранения и передачи знаний [35, 36]. Возникающие проблемы аналогичны перечисленным выше для корпоративных вики. Кроме того, M. Mansourvar и M.Y. Norizan, а также J.A. Rah, S. Gul и Z. Ashraf Wani отмечают, что в условиях университетской реальности веб-портал никогда не будет содержать всей информации, которая может потребоваться студенту.

M. Lindvall, I. Rus и S.S. Sinha представили крупный обзор по техническим инструментам, которые могут быть использованы для управления знаниями [37]. Инструменты поделены по классам, приведены их технологические особенности и дана информация, для каких целей управления знаниями тот или иной инструмент может быть наилучшим.

Заключение

Начавшийся внутри западных IT-корпораций тренд на сохранение и переиспользование знаний внутри компании активно распространяется не только в другие отрасли, но и в глобальном плане. Тем не менее основной блок исследований и доступной к анализу литературы сейчас англоязычен.

В современных тенденциях исследований в области управления знаниями можно выделить следующие направления: развитие концепции управления знаниями, систем управления знаниями (KMS), изучение и создание моделей управления знаниями, изучение и поиск инструментов управления знаниями.

В развитии концепции управления знаниями активно исследуется связь инжиниринга знаний и инноваций, порождаемых фирмами, а также влияние управления знаниями на эффективность компании в целом. Отмечается, что использование управления знаниями внутри организации способствует росту креативности и творчества среди сотрудников. Подчеркивается, что для грамотного внедрения и поддержания управления знаниями в фирме необходим грамотный лидер, должным образом философски и методологически подготовленный.

Согласно проанализированным источникам, использование KMS в компании положительно влияет на новаторские идеи и эффективность. Однако только технических средств недостаточно, и социальные факторы, такие как отношения между коллегами и настроение в коллективе влияют зачастую на обмен знаниями и использование той же KMS даже в большей степени, чем техническое удобство систем управления знаниями. Кроме того, для администрирования и поддержания знаний внутри KMS в актуальном состоянии также требуются лояльные и готовые к обмену знаний сотрудники.

В разработке моделей управления знаниями можно выделить две тенденции – создание моделей, которые помогут внедрить и поддержать управление знаниями в организации, и моделей, которые объясняют природу знания как такового. Здесь снова прослеживается человекоориентированный тренд – как в части моделей для внедрения – т.е. необходимость наличия сотрудников, готовых к обмену знаниями и их поддержания, так и в части моделей природы знаний – утверждается, что знание существует только внутри человеческого сознания, все же то, что хранится в системах как тексты, документы и т.п., не более чем информация, которая бесполезна без индивидуума, способного ее применить для решения задачи.

При анализе источников по инструментам обмена знаниями замечено, что источники постоянно изменяются и совершенствуются, актуальные источники отвечают текущему состоянию технологического прогресса. Факс вытесняется мессенджерами, электронная почта, хоть и играет важную роль, постепенно уступает соцсетям и интрасетям, и т.д. Кроме того, как инструменты рассматриваются и акты человеческого общения, являющегося важнейшим каналом передачи неявных знаний. Вопрос использования тех или иных инструментов тоже достаточно человекоцентричен – он должен быть комфортен для пользователей и они должны охотно им пользоваться, в противном случае обмена знаниями не свершится.

Как можно заметить, область управления знаниями очень ориентирована на человека, сотрудника, человеческий капитал компании. В инжиниринге знаний технологии хоть и присутствуют, но отступают на второй план, так как знания без правильной интерпретации посредством опыта и насмотренности не более чем информация. Этот вывод согласуется с современной цифровой реальностью, в котором людям приходится осознавать, что их знания – это их основной актив.

Список источников

1. *Касавин И.Т.* Коммуникация и творчество // *Философия науки и техники.* 2012. № 17. С. 7–23.
2. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
3. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии.* 2003. № 8. С. 5–17.
4. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
5. *Петров М.К.* История европейской культурной традиции и ее проблемы: *Философы России XX века.* М.: РОССПЭН, 2004. 775 с.
6. *Розин В.М.* Методология, мышление, коммуникация // *Психология. Журн. Высшей школы экономики.* 2013. Т. 10, № 1. С. 3–21.
7. *Молодчик М.А.* Организационно-мотивационные механизмы управления знаниями: теория и практика российских компаний. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. 219 с.

8. *Игнатъева Г.А., Тулупова О.В., Мольков А.С.* Образовательный коворкинг как новый формат организации образовательного пространства дополнительного профессионального образования // *Образование и наука*. 2016. № 5. С. 139–157.
9. *Call D.* Knowledge management – not rocket science // *Journal of Knowledge Management*. 2005. Vol. 9, № 2. P. 19–30.
10. *Saulais P., Ermine J.* Creativity and knowledge management // *VINE*. 2012. Vol. 42, № 3/4. P. 416–438.
11. *Mills A.M., Smith T.A.* Knowledge management and organizational performance: a decomposed view // *Journal of Knowledge Management*. 2011. Vol. 15: Knowledge management and organizational performance, № 1. P. 156–171.
12. *Basadur M., Gelade G.A.* The Role of Knowledge Management in the Innovation Process // *Creativity and Innovation Management*. 2006. Vol. 15, № 1. P. 45–62.
13. *Singh S.K.* Role of leadership in knowledge management: a study // *Journal of Knowledge Management*. 2008. Vol. 12: Role of leadership in knowledge management, № 4. P. 3–15.
14. *Alavi M., Leidner D.* Knowledge Management Systems: Issues, Challenges, and Benefits // *Communications of the Association for Information Systems*. 1999. Vol. 1: Knowledge Management Systems.
15. *He W., Qiao Q., Wei K.-K.* Social relationship and its role in knowledge management systems usage // *Information & Management*. 2009. Vol. 46, № 3. P. 175–180.
16. *Khalifa M., Yan Yu A., Ning Shen K.* Knowledge management systems success: a contingency perspective // *Journal of Knowledge Management*. 2008. Vol. 12: Knowledge management systems success, № 1. P. 119–132.
17. *Kumar S., Gupta S.* Role of Knowledge Management Systems (KMS) in Multinational Organization: An Overview // *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*. 2012. Vol. 2, № 10. P. 8–16.
18. *Lin C., Tseng S.* The implementation gaps for the knowledge management system // *Industrial Management & Data Systems*. 2005. Vol. 105, № 2. P. 208–222.
19. *Handzic M.* Integrated socio-technical knowledge management model: an empirical evaluation // *Journal of Knowledge Management*. 2011. Vol. 15, № 2. P. 198–211.
20. *Abou-Zeid E.* A knowledge management reference model // *Journal of Knowledge Management*. 2002. Vol. 6, № 5. P. 486–499.
21. *Van Beveren J.* A model of knowledge acquisition that refocuses knowledge management // *Journal of Knowledge Management*. 2002. Vol. 6, № 1. P. 18–22.
22. *Probst G.* Practical Knowledge Management: A Model That Works // *Prism*, Arthur D. Little. Practical Knowledge Management. 1998. P. 17–29.
23. *Shoham S., Perry M.* Knowledge management as a mechanism for technological and organizational change management in Israeli universities // *Higher Education*. 2009. Vol. 57, № 2. P. 227–246.
24. *Koh S.C.L. [et al.]* The application of knowledge management in call centres // *Journal of Knowledge Management*. 2005. Vol. 9, № 4. P. 56–69.
25. *Haslinda A., Sarinah A.* A Review of Knowledge Management Models // *The Journal of International Social Research*. 2009. Vol. 2/9. P. 187–198.
26. *Al-Aama A.* Technology knowledge management (TKM) taxonomy: Using technology to manage knowledge in a Saudi municipality // *VINE*. 2014. Vol. 44: Technology knowledge management (TKM) taxonomy, № 1. P. 2–21.
27. *Bhatt G., Gupta J.N.D., Kitchens F.* An exploratory study of groupware use in the knowledge management process // *Journal of Enterprise Information Management*. 2005. Vol. 18, № 1. P. 28–46.
28. *Chua A.Y.K., Banerjee S.* Customer knowledge management via social media: the case of Starbucks // *Journal of Knowledge Management*. 2013. Vol. 17: Customer knowledge management via social media, № 2. P. 237–249.
29. *Edenius M., Borgerson J.* To manage knowledge by intranet // *Journal of Knowledge Management*. 2003. Vol. 7, № 5. P. 124–136.
30. *Forcier E., Rathi D., Given L.M.* Knowledge Management and Social Media: A Case Study of Two Public Libraries in Canada // *Journal of Information & Knowledge Management*. 2013. Vol. 12: Knowledge Management and Social Media, № 4. P. 1350039.
31. *Ray D.* Overcoming cross-cultural barriers to knowledge management using social media // *Journal of Enterprise Information Management*. 2014. Vol. 27, № 1. P. 45–55.

32. Razmerita L., Kirchner K., Sudzina F. Personal knowledge management: The role of Web 2.0 tools for managing knowledge at individual and organisational levels // *Online Information Review*. 2009. Vol. 33: Personal knowledge management, № 6. P. 1021–1039.
33. Grace T.P.L. Wikis as a knowledge management tool // *Journal of Knowledge Management*. 2009. Vol. 13, № 4. P. 64–74.
34. Kiniti S., Standing C. Wikis as knowledge management systems: issues and challenges // *Journal of Systems and Information Technology*. 2013. Vol. 15, № 2. P. 189–201.
35. Mansourvar M., Norizan M.Y. Web portal as a Knowledge Management System in the Universities // *World Academy of Science, Engineering and Technology*. 2010. № 70.
36. Rah J.A., Gul S., Ashraf Wani Z. University libraries: step towards a web based knowledge management system // *VINE*. 2010. Vol. 40: University libraries, № 1. P. 24–38.
37. Lindvall M., Rus I., Sinha S.S. Software systems support for knowledge management // *Journal of Knowledge Management*. 2003. Vol. 7, № 5. P. 137–150.

References

1. Kasavin I.T. Communication and creativity. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*. 2012;(17):7-23. (In Russ.).
2. Stepin V.S. *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2003. 744 p. (In Russ.).
3. Stepin V.S. Self-developing systems and post-nonclassical rationality. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2003;(8):5-17. (In Russ.).
4. Lectorsky V.A. *Epistemology classical and non-classical*. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2001. 256 p. (In Russ.).
5. Petrov M.K. *History of the European cultural tradition and its problems: Philosophers of Russia of the 20th century*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. 775 p. (In Russ.).
6. Rozin V.M. Methodology, thinking, communication. *Psikhologiya. Zhurn. Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2013;10(1):3-21. (In Russ.).
7. Molodchik M.A. *Organizational and motivational mechanisms of knowledge management: theory and practice of Russian companies*. Perm: Perm National Research Polytechnic University Press; 2017. 219 p. (In Russ.).
8. Ignatieva G.A., Tulupova O.V., Molkov A.S. Educational coworking as a new format for organizing the educational space of additional professional education. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2016;(5):139-157. (In Russ.).
9. Call D. Knowledge management - not rocket science. *Journal of Knowledge Management*. 2005;9(2):19-30.
10. Saulais P., Ermine J. Creativity and knowledge management. *VINE*. 2012;42(3/4):416-438.
11. Mills A.M., Smith T.A. Knowledge management and organizational performance: a decomposed view. *Journal of Knowledge Management*. 2011;15(1):156-171.
12. Basadur M., Gelade G.A. The Role of Knowledge Management in the Innovation Process. *Creativity and Innovation Management*. 2006;15(1):45-62.
13. Singh S.K. Role of leadership in knowledge management: a study. *Journal of Knowledge Management*. 2008;12(4):3-15.
14. Alavi M., Leidner D. Knowledge Management Systems: Issues, Challenges, and Benefits. *Communications of the Association for Information Systems*. 1999;1.
15. He W., Qiao Q., Wei K.-K. Social relationship and its role in knowledge management systems usage. *Information & Management*. 2009;46(3):175-180.
16. Khalifa M., Yan Yu A., Ning Shen K. Knowledge management systems success: a contingency perspective. *Journal of Knowledge Management*. 2008;12(1):119-132.
17. Kumar S., Gupta S. Role of Knowledge Management Systems (KMS) in Multinational Organization: An Overview. *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*. 2012;2(10):8-16.
18. Lin C., Tseng S. The implementation gaps for the knowledge management system. *Industrial Management & Data Systems*. 2005;105(2):208-222.
19. Handzic M. Integrated socio-technical knowledge management model: an empirical evaluation. *Journal of Knowledge Management*. 2011;15(2):198-211.

20. Abou-Zeid E. A knowledge management reference model. *Journal of Knowledge Management*. 2002;6(5):486-499.
21. Van Beveren J. A model of knowledge acquisition that refocuses knowledge management. *Journal of Knowledge Management*. 2002;6(1):18-22.
22. Probst G. Practical Knowledge Management: A Model That Works. *Prism, Arthur D. Little. Practical Knowledge Management*. 1998:17-29.
23. Shoham S., Perry M. Knowledge management as a mechanism for technological and organizational change management in Israeli universities. *Higher Education*. 2009;57(2):227-246.
24. Koh S.C.L. [et al.] The application of knowledge management in call centres. *Journal of Knowledge Management*. 2005;9(4):56-69.
25. Haslinda A., Sarinah A. A Review of Knowledge Management Models. *The Journal of International Social Research*. 2009;2/9:187-198.
26. Al-Aama A. Technology knowledge management (TKM) taxonomy: Using technology to manage knowledge in a Saudi municipality. *VINE*. 2014;44(1):2-21.
27. Bhatt G., Gupta J.N.D., Kitchens F. An exploratory study of groupware use in the knowledge management process. *Journal of Enterprise Information Management*. 2005;18(1):28-46.
28. Chua A.Y.K., Banerjee S. Customer knowledge management via social media: the case of Starbucks. *Journal of Knowledge Management*. 2013;17(2):237-249.
29. Edenius M., Borgerson J. To manage knowledge by intranet. *Journal of Knowledge Management*. 2003;7(5):124-136.
30. Forcier E., Rathi D., Given L.M. Knowledge Management and Social Media: A Case Study of Two Public Libraries in Canada. *Journal of Information & Knowledge Management*. 2013;12(4):1350039.
31. Ray D. Overcoming cross-cultural barriers to knowledge management using social media. *Journal of Enterprise Information Management*. 2014;27(1):45-55.
32. Razmerita L., Kirchner K., Sudzina F. Personal knowledge management: The role of Web 2.0 tools for managing knowledge at individual and organisational levels. *Online Information Review*. 2009;33(6):1021-1039.
33. Grace T.P.L. Wikis as a knowledge management tool. *Journal of Knowledge Management*. 2009;13(4):64-74.
34. Kiniti S., Standing C. Wikis as knowledge management systems: issues and challenges. *Journal of Systems and Information Technology*. 2013;15(2):189-201.
35. Mansourvar M., Norizan M.Y. Web portal as a Knowledge Management System in the Universities. *World Academy of Science, Engineering and Technology*. 2010;(70).
36. Rah J.A., Gul S., Ashraf Wani Z. University libraries: step towards a web based knowledge management system. *VINE*. 2010;40(1):24-38.
37. Lindvall M., Rus I., Sinha S.S. Software systems support for knowledge management. *Journal of Knowledge Management*. 2003;7(5):137-150.

Информация об авторах

А.В. Кайнова – аспирант кафедры методологии, истории и философии наук.

В.О. Волкова – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры методологии, истории и философии наук.

Information about the authors

A.V. Kainova – Postgraduate Student of the Department of Methodology, History and Philosophy of Sciences.

V.O. Volkova – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья

УДК 17

doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-32-37

РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭКОНОМИКЕ ИСЛАМСКИХ ГОСУДАРСТВ

Герман Михайлович Кириллов^{1✉}, Кирилл Юрьевич Питайкин²

^{1,2} Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹ gekir10@mail.ru✉

² baditel@bk.ru

Аннотация. Формирование полноценных взаимоотношений в бизнесе выстраивается в определенной системе координат на основе ценностных установок и базовых принципов морали и этики. Исламские государства, обладающие тысячелетней историей и тщательно оберегающие религиозные устои своего общества, внесли немалый вклад в формирование этики ведения бизнеса мусульман.

Цель исследования – выявление влияния ценностей исламской религии на экономическое поведение хозяйствующих субъектов.

Задачи – определение принципов формирования этического кодекса ведения бизнеса у мусульман, концептуальных основ формирования исламской экономики и банковской сферы, точек взаимодействия в философии коммуникаций исламского, православного, католического бизнеса, факторов, влияющих на сохранение конструкта нравственных ценностей ислама в условиях многонационального глобального мира.

Методология. Сегодня практически любая проблема многоаспектна и может рассматриваться с разных точек зрения. Применение философско-методологического анализа имеет особое значение, когда изучаются междисциплинарные вопросы. В целях исследования применен диалектический метод познания, основанный на принципах объективности, изучения конкретных данных, единства исторического и логического, единства противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, а также принципа сохранения прогрессивных изменений в новом качественном состоянии и др.

Результаты исследования могут использоваться в процессе построения бизнеса во взаимодействии с партнерами – мусульманами, что позволит лучше понять мотивы в принятии управленческих решений со стороны исламского бизнеса, выстроить долгосрочные партнерские взаимоотношения с исламскими банками. В Российской Федерации численность традиционно мусульманских народов составляет более 10 % населения, а в ближайшем внешнеполитическом и внешнеэкономическом окружении России большое количество мусульманских стран. В последнее время вектор внешнеполитического и внешнеэкономического взаимодействия нашего государства значительно смещается в сторону восточного направления, включая мусульманские страны.

Ключевые слова: нравственные ценности, софизм, исламская этика, исламский бизнес

Для цитирования: Кириллов Г.М., Питайкин К.Ю. Роль нравственных ценностей в экономике исламских государств // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 32–37.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ROLE OF MORAL VALUES IN THE ECONOMY OF ISLAMIC STATES

German M. Kirillov^{1✉}, Kirill Yu. Pitaikin²

^{1,2} Penza State University, Penza, Russia

¹ gekir10@mail.ru✉

² baditel@bk.ru

Abstract. The formation of full-fledged relationships in business are built in a certain coordinate system, which are based on value attitudes and the basic principles of morality and ethics. Islamic states, which have a thousand-year history and carefully protect the religious foundations of their society, have brought a lot of moral values and attitudes to the formation of Muslim business ethics.

The purpose of the study is to identify the influence of the values of the Islamic religion on the economic behavior of economic entities.

Tasks: to identify the principles of the formation of an ethical code of doing business among Muslims; determine the conceptual foundations for the formation of the Islamic economy and the banking sector; identify points of interaction in the philosophy of communications of Islamic, Orthodox, Catholic business; clarify the factors influencing the preservation of the construct of moral values of Islam in interaction in a multinational global world.

Methodology. In the modern world, almost any problem has many aspects and can be considered from different points of view. The application of philosophical and methodological analysis is of particular importance when an interdisciplinary problem is being studied. For the purposes of our study, a dialectical method of cognition was applied, based on the principles of objectivity, the study of specific data, the unity of historical and logical, the unity of opposites, the transition of quantitative changes into qualitative ones, as well as the principle of preserving progressive changes in a new qualitative state, etc.

The results of the research can be used in the process of building a business in cooperation with Muslim partners, which will allow a better understanding of the motives for making managerial decisions on the part of Islamic business, and building long-term partnerships with Islamic banks. In the Russian Federation, the number of traditionally Muslim peoples is more than 10% of the population, and in the immediate foreign policy and foreign economic environment of Russia there are a large number of Muslim countries. Recently, the vector of foreign policy and foreign economic interaction of our state has significantly shifted towards the eastern direction, including Muslim countries.

Keywords: moral values, sophism, Islamic ethics, Islamic business

For citation: Kirillov G.M., Pitaikin K.Yu. The Role of Moral Values in the Economy of Islamic States. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):32-37. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В современной научной литературе получила довольно широкое распространение идея формирования исламских банков не только в странах, исповедующих ислам. Но возникает вопрос, а не приведет ли распространение исламских банков, предлагающих отрицательную ставку процента, к расширению влияния исламской культуры в многонациональных или полиэтнических государствах? Данные вопросы обусловили научный интерес к указанной проблематике и выбор темы для исследования.

Несмотря на прагматичность базовых постулатов хозяйственной деятельности – получение прибыли, важным аспектом экономики является ее нравственная составляющая. В этой связи интересно обратиться к философскому основанию построения экономической системы стран исламского мира, в которой роль этических ценностей особенно велика. Как отмечал еще в начале XX в. русский философ С. Н. Булгаков, хозяйственная деятельность человека имеет не только практическое, но и философское значение [1]. Известный экономист А. М. Сафаров уточняет, что исламские принципы, заложенные в построении системы экономических, финансовых, банковских отношений, позволяют формировать более устойчивые хозяйственные объединения [2]. Они как хозяйствующие субъекты способны оказывать благоприятное воздействие на функционирование и развитие национальных экономик современных исламских государств. Наличие исламского сектора в экономике других государств способствует более сглаженному протеканию кризисов, обусловленных циклическим развитием. В этой связи следует отметить, что принципы, о которых идет речь, основаны на культурных традициях и религиозных ценностях ислама.

Специфику исламской этики ведения бизнеса исследовал С. Жданов [3]. Он выделяет глубокое влияние ислама также и на все сферы повседневной жизни мусульман. Сущностные моменты этики исламского бизнеса называет в своей работе Г. Нуруллина [4]. Она отмечает важность понимания исламской деловой культуры именно для нашей страны, так как в России ислам яв-

ляется неотъемлемой частью исторического и культурного наследия, сформировавшего ментальность российского народа. Более того, в настоящее время наблюдается повышенный интерес к вопросам реализации национальной политики Российской Федерации, так как наше государство многонациональное и многоконфессиональное, а со стороны внешней политики расширение контактов с мусульманскими странами на принципах добрососедства и взаимного уважения очень актуально.

В этой связи представляет научный интерес исследование суфизма как одного из направлений классической мусульманской философии. Суфизм как исторически сложившаяся исламская система ценностей, в основе которой лежит стремление мусульманина познать сущность Всевышнего посредством духовных практик, аскетизма и борьбой со скрытыми духовными пороками, нашел отражение в работах В. Х. Акаева, М. Д. Солтамурадова, В. З. Газиева [5], Г. М. Кириллова [6], И. Саева [7], и др. Исследованием морально-нравственных ценностей мусульманства занимались А. Добаев, Т. Игнатова [8].

Влияние правовой культуры и нравственных ценностей ислама на устойчивое развитие современного общества изучалось А. П. Альбовым, Р. В. Шагиевой [9].

В классической философской литературе и экономических источниках имеется достаточно утверждений о том, что этика и религия являются определяющим фактором воздействия на экономику. Социально-ориентированное функционирование рыночной экономики возможно при наличии определенной системы нравственности, при условии включенности в рыночные институты функционирование целого ряда конфессиональных комплексов [10].

В работе М. Вебера нашла отражение идея поддержки или одобрения со стороны религии определенных форм хозяйствования. Более того, он раскрыл влияние нравственных ценностей протестантизма на формирование западноевропейской модели классического капитализма [11].

Также интересен вклад в развитие философского понимания важности нравственных и религиозных ценностей в хозяйственной сфере деятельности автора мотивационной теории Д. МакКлеланда. Согласно данной теории, бизнесмену необходим гораздо более мощный стимул, чем просто желание повысить прибыль; чтобы сдвинуть большой объем рутины и препятствий, ему необходима вера [12].

Нравственные нормы, регулирующие отношения человека с человеком и обществом, с точки зрения религии имеют божественное происхождение и их соблюдение является неотъемлемой частью любой религиозной системы. Так нравственную жизнь христианина регулируют библейские заповеди, а в мусульманской этике это обязанности и предписания, которые дает верующим Аллах (5 столпов Ислама: исповедание, молитва, милостыня, пост, хадж). Основой монотеистических религиозных учений является вера в одного Бога-творца, управляющего всем мирозданием. В исламе только Аллах признается источником любого закона, моральных ценностей и этического кодекса поведения людей. Шариат – это целый комплекс предписаний и норм поведения человека, это и свод законов (как религиозных, так и светских), и некий концепт, формирующий и определяющий образ жизни мусульманина. В мусульманстве нравственные ценности и нормы имеют определяющее значение перед экономическими благами, и данный концепт распространяется и на светские взаимоотношения людей.

Особое место в исламской этике занимает учение суфизма как некоего духовно-культурного феномена, в основу которого заложено аскетико-мистическое течение в исламе, устанавливающее особое отношение между Всевышним и верующим, сотворенным им. Несмотря на очень древнее происхождение данного направления в мусульманстве, в научной исламоведческой литературе данный феномен остается дискуссионным и не имеет единого подхода в определении дефиниции.

До сих пор бытует некий стереотип, что суфии существуют вне системы координат экономического мира, но это мнение ошибочно. На примере современной Турции наглядно прослеживается некий мусульманский ренессанс. В 1937 г. Основным законом Турция была провозглашена светским (лаицистским) государством, превратив религиозных мусульман в людей «второго сорта» [7]. До середины XX в. быть религиозным мусульманином означало для человека отсутствие возможности участвовать в политической, экономической жизни общества. Суфии попали практически в двойную изоляцию: они не только не могли реализоваться в свет-

ской сфере, но и накопить достаточно капитала, чтобы стать весомыми игроками в экономической сфере. Однако суфийские общества (тарикаты), несмотря на практически подпольное положение, оказались достаточно жизнеспособными. Более того, они сыграли существенную интеграционную роль, способствуя объединению населения.

Джамааты (своеобразные бизнес-корпорации суфиев), основанные на суфийских ценностях, не привязанных к политическому режиму или экономическому строю, способствовали успешной адаптации турецких суфиев к новым реалиям современной экономики, сохраняя при этом традиционные принципы исламской этики. Наряду с возрождением исламского фундаментализма именно неосуфизм, т. е. суфизм на новом качественном уровне, может проявляться как некий функциональный эквивалент протестантской этики. При этом сами суфийские ценности на всем протяжении истории легли в основу формирования механизма встраивания джамаатов в структуру глобального капитализма в XXI в. Именно поэтому данный процесс способствует распространению исламских финансовых институтов в капиталистические экономики многих западных стран.

Так каково же влияние ценностей исламской религии на экономическое поведение хозяйствующих субъектов? С одной стороны, экономическая система исламских стран, основанная на частной собственности и рыночной конкуренции, не противоречит законам шариата. Но необходимо строго соответствовать справедливому распределению полученных благ. Так как в соответствии с Кораном все богатства мира априори принадлежат Аллаху, то человеку они передаются лишь во временное пользование. Причем пользоваться благами человек должен эффективно, рационально и бережно, сохраняя природу как среду обитания для будущих поколений. Именно данный конструкт лежит в основе концепции устойчивого развития.

Поэтому нравственные принципы ислама обязывают человека стремиться не к получению максимальной личной выгоды, а к всеобщему благосостоянию. Исламская экономическая концепция рассматривает действия человека с точки зрения общественного блага, а распределение предполагает на основе принципов справедливости и личного вклада каждого конкретного участника общественного производства. Тем не менее исламская религия не запрещает иметь мирские блага для обеспечения жизнедеятельности самого человека, членов его семьи, а также стремиться к достижению определенного высокого уровня материального благополучия.

В исламском мире религия является ядром всей социально-экономической и культурной системы. Все слагаемые исламской культуры как бы проникнуты единой духовной сущностью, порождающей особый тип человека, устремленного к культурному и творческому самовыражению. Мусульманская культура всегда исходит из принципа равенства людей перед Всевышним Аллахом в своем морально-нравственном достоинстве. Согласно учению, чему не способствует Бог, то не сопровождается успехом. Данный конструкт в настоящее время реализуется в экономической политике исламских стран. Это выражается в предотвращении сверхобогащения путем ограничения монополий, а также некоторых видов коммерческой деятельности, в частности связанных с получением дохода от продажи алкоголя, игорного бизнеса, ростовщичества, несовместимых с нравственными идеями Корана.

В настоящее время в философии формируется новый вектор исследований проблем взаимосвязи духовного и материального в рыночной экономике. Существует потребность в осознании процессов создания современной исламской экономической модели с четкой социальной ориентацией, основанной на принципах социальной справедливости, исламской этики и законах шариата. В данной связи требует более глубокого исследования механизм деятельности исламских банков, реализующих кредитную политику с отрицательной ставкой процента. В основе функционирования исламской банковской системы лежит запрет на взимание и выплату процентов. Сущность данного подхода в банковской сфере ислама заключается в признании несправедливости эксплуатации, при которой собственник капитала получает процент вне зависимости от результата деятельности заемщика капитала. Наоборот, приветствуется партнерство, т. е. участие обеих сторон в прибылях и убытках.

Следовательно, данные банковские инструменты можно оценивать как благотворительные ссуды («кард аль хасан»), демонстрирующие обществу социальную ответственность исламских

банков согласно законам шариата. Исламские банки также могут выступать в роли спонсоров при проведении мероприятий, одобряемых шариатским советом.

Также вызывают исследовательский интерес исламские фонды (*Shariah Compliance Funds, Islamic Investment Funds*), получившие широкое распространение в развитых странах. Они представляют собой некую разновидность этических фондов или фондов социально ответственных инвестиций. В принципах работы данных фондов заложены критерии экологической ответственности, этики, религиозные позиции определенных конфессий. Отличительным признаком исламских фондов является наличие шариатского совета.

Следует отметить, что проведенный в исследовании анализ влияния нравственных ценностей ислама на экономическое поведение мусульман позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в исламских странах светские законы могут иметь порой второстепенное значение, в то время как религиозные нормы поведения являются определяющими в поведении данных хозяйствующих субъектов. Во-вторых, формирование экономических институтов находится под значительным влиянием религиозных принципов и норм, включая социальную справедливость как один из базисных принципов ислама.

На примере турецкого суфизма рассмотрена уникальность экономики турецких джамаатов, которая выражается в сочетании религиозной составляющей и предпринимательства. Таким образом, роль этических ценностей в экономике стран исламского мира действительно велика: они не только определяют специфику предпринимательства, банковского, страхового бизнеса, но и лежат в основе стратегии экономического развития государств.

Список источников

1. Булгаков С. Н. *Философия хозяйства*. М.: Юрайт, 2020. 282 с. (Антология мысли) // Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/452742> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Сафаров А.М. О значении исламских финансов и банковского дела для стран СНГ. URL: <https://islamnews.ru/news-o-znachenii-islamskih-finansov-i-bankovskogo-dela-dlja-stran-sng> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Жданов С. Исламская этика бизнеса. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2010/2010-04/islamskaya-etika-biznesa> (дата обращения: 10.11.2022).
4. Нуруллина Г. *Исламская этика бизнеса*. М.: УММА, 2004. 47 с.
5. Акаев В.Х., Солтамуратов М.Д., Газиев В.З. Суфизм в современном мире: интерпретации, теория и практика // *Научная мысль Кавказа*. 2017. № 1. С. 29–36.
6. Кириллов Г. М. Внутренняя и внешняя диалогичность поэмы Фарид ‘Аттара «Язык птиц» // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12 (62) : в 4 ч. Ч. I. С. 113–119. URL: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/27.html (дата обращения: 10.11.2022).
7. Саатов И. Экономика турецких джамаатов: реванш неосуфских общин на рубеже XXI века // *Государство. Религия. Церковь*. 2018. № 3 (36). С. 24–41.
8. Игнатова Т., Добаев А. Система «хавала» в исламской экономике // *Мусульманский мир*. 2017. № 2. С. 39–54.
9. Альбов А.П., Шагиева Р.В. Правовая культура и нравственные ценности ислама как основа устойчивого развития современного общества // *Образование и право*. 2017. № 3. С. 33–44.
10. Parsons T., Smelser N. *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. Glencoe: Free Press, 1956. P. 29.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_duk_kapital.pdf (дата обращения: 10.11.2022).
12. Mac-Clelland D.C. *The Achieving Society*. Princeton, 1961. 430 p.

References

1. Bulgakov S. N. *Philosophy of economy*. Moscow: Yurait Publ.; 2020. 282 p. (Anthology of Thought). *Yurait Educational Platform*. Available from: <https://urait.ru/bcode/452742> [Accessed 12th November 2022]. (In Russ.).

2. Safarov A.M. *On the importance of Islamic finance and banking for the CIS countries*. Available from: <https://islamnews.ru/news-o-znachenii-islamskih-finansov-i-bankovskogo-dela-dlja-stran-sng> [Accessed 10th November 2021]. (In Russ.).
3. Zhdanov S. *Islamic business ethics*. Available from: <https://mirec.mgimo.ru/2010/2010-04/islamskaya-etika-biznesa> [Accessed 10th November 2022]. (In Russ.).
4. Nurullina G. *Islamic business ethics*. Moscow: UMMA Publ.; 2004. 47 p. (In Russ.).
5. Akaev V.Kh., Soltamuradov M.D., Gaziev V.Z. Sufism in the modern world: interpretations, theory and practice. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2017;(1):29-36. (In Russ.).
6. Kirillov G. M. Internal and external dialogicity of Farid 'Attar's poem "The Language of Birds". *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015;(12-1):113-119. Available from: <https://www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/27.html> [Accessed 10th November 2022]. (In Russ.).
7. Saetov I. Economy of Turkish jamaats: revenge of neo-Sufi communities at the turn of the 21st century. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' = State. Religion. Church*. 2018;(3):24-41. (In Russ.).
8. Ignatova T., Dobaev A. The hawala system in the Islamic economy. *Musul'manskii mir = Muslim World*. 2017;(2):39-54. (In Russ.).
9. Albov A.P., Shagieva R.V. Legal culture and moral values of Islam as a basis for the sustainable development of modern society. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2017;(3):33-44. (In Russ.).
10. Parsons T., Smelser N. *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. Glencoe: Free Press; 1956. 29 p.
11. Weber M. *Protestant ethics and the spirit of capitalism*. Available from: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf [Accessed 10th November 2022]. (In Russ.).
12. Mac-Clelland D.C. *The Achieving Society*. Princeton, 1961. 430 p.

Информация об авторах

Г.М. Кириллов – доктор философских наук, доцент, кафедра философии и социальных коммуникаций.
К.Ю. Пятайкин – студент, факультет вычислительной техники.

Information about the authors

G.M. Kirillov – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Communications.
K.Yu. Pitaikin – Student, Faculty of Computer Engineering.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 141.23
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-38-43

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕАЛОВ И НОРМ НАУЧНОГО ПОИСКА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Геннадий Вениаминович Сорокин^{1✉}, Татьяна Игоревна Ерошенко²,
Николай Петрович Украинцев³

^{1, 2, 3} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ gennadi-sorokin@yandex.ru ✉

² eroschenko-1970@mail.ru

Аннотация. Научная деятельность черпает идеалы и нормы из общественно-исторической практики. Исторически наука связана с развитием культуры, в составе которой наука выступает в качестве одного из видов деятельности по приобретению знаний об окружающем мире и человеке в нём. Научное знание взаимодействует с другими сегментами культуры, с другими видами ненаучного знания. Образующая всей системой знания мировоззренческая картина каждой эпохи становится основанием и для научных представлений. Идеалы и нормы определенного этапа культуры так или иначе воплощаются в параметры научного поиска. На основе ретроспективы в статье рассматриваются существующие и вероятные направления развития и поисков идеалов и норм научного знания.

В качестве гипотезы высказано предложение о включении в современную научную картину мира разумных сил, превосходящих человеческую культуру. Ведь латентно это уже содержится в виде антропного принципа, представления о неограниченном развитии научного знания, учения о социальном прогрессе. Однако подобная часть научного знания не должна основываться на религиозных традициях. Подобная картина мира разрабатывается отечественными и зарубежными учёными, проектом SETI.

Ключевые слова: наука, культура, идеалы, парадигмы науки, философия, прогресс, научная методология, сверхразум

Для цитирования: Сорокин Г.В., Ерошенко Т.И., Украинцев Н.П. Становление и трансформация идеалов и норм научного поиска в контексте общественного прогресса // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 38–43.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FORMATION AND TRANSFORMATION OF IDEALS AND SCIENTIFIC RESEARCH NORMS IN THE FIELD OF PROFESSIONAL SOCIAL PROGRESS

Gennady V. Sorokin^{1✉}, Tatyana I. Eroshenko², Nikolay P. Ukraintsev³

^{1, 2, 3} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ gennadi-sorokin@yandex.ru ✉

² eroschenko-1970@mail.ru

Abstract. Scientific activity draws ideals and norms from socio-historical practice. Historically, science is associated with the development of culture, in which science acts as one of the activities for acquiring knowledge about the world and the person in it. Scientific knowledge interacts with other segments of culture, with other types of non-scientific knowledge. The ideological picture of each epoch formed by the whole system of knowledge becomes the basis for scientific ideas. The ideals and norms of a certain stage of culture, one way or another, are embodied in the parameters of scientific research. On the basis of a retrospective, the article examines the existing and probable directions of development and search for ideals and norms of scientific knowledge.

As a hypothetical assumption, a proposal was made to include reasonable forces that surpass human culture in the modern scientific picture of the world. After all, latently this is already contained in the form of the anthropic principle, the idea of the unlimited development of scientific knowledge, the doctrine of social progress. However, such a piece of scientific knowledge should not be developed on the basis of traditional religious ideas. A similar picture of the world is being developed in the scientific developments of domestic and foreign scientists, the CETI project.

Keywords: science, culture, ideals, paradigms of science, philosophy, progress, scientific methodology, supermind

For citation: Sorokin G.V., Eroshenko T.I., Ukraintsev N.P. Formation and Transformation of Ideals and Scientific Research Norms in the Field of Professional Social Progress. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):38-43. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В познавательной деятельности идеалы и нормы, научная картина мира, философские идеи и принципы лежат в основе принятых в науке картин мира и эксплицируют идеалы познания, выступают в качестве важных компонентов оснований научного поиска. Они выявляются либо посредством анализа связей между теориями внутри отдельной научной дисциплины, либо при рассмотрении междисциплинарных научных связей.

В идеалах и нормах выражены цели и установки научной деятельности. Они регулируют процесс воспроизведения объекта и задают в самой общей форме схему метода исследования, в соответствии с которой строится научная картина мира и создаются конкретные теории.

Идеалы и нормы познавательной деятельности первоначально формируются в культуре, в жизненной практике человека, определяемой его потребностями и целями, и осознаются в духовно-практических формах – *мифолого-религиозной, этической, художественной и обыденного знания*. Затем они обобщаются философской деятельностью, которая является чисто духовной или теоретической, и кладутся в основание единой картины мира в целом. Последняя представляет собой объект уже теоретического познания, в качестве базовых её компонентов выступают универсальный принцип соотнесения субъекта и объекта, нормативные положения, с помощью которых происходит придание преимущества какому-либо аспекту реальности и соответствующей ему человеческой способности, и формирование универсального принципа соотнесений, а также ценностных ориентаций.

Наука заимствует из философской картины мира нормативные положения и универсальную ценностную ориентацию – на истину. Эти нормативные положения выступают предпосылками к знанию, содержание которого наука конкретизирует своими методами применительно к объекту, превращает их в свои методологические принципы.

В зависимости от задач и целей научного исследования можно выделить основные формы познавательных идеалов и норм: «1) идеалы объяснения и описания; 2) идеалы доказательности и обоснования знаний; 3) идеалы строения (организации) знаний» [1, с. 6–7].

Наука возникает и развивается в лоне уже сложившегося, исторически конкретного типа культуры. Он обуславливает познание сложной цепи оснований и предпосылок, *приобретённых и ненаучными формами познания: обыденное знание, миф, искусство, религия. Знание в целом – собрание сокровищ эффективной практики как опыта. От ненаучных форм знания науку отличает сокращение времени на приобретение опыта. Наука не отказывается от опыта, который использует донаучное знание, но сокращает время на его приобретение.*

Античная наука. Истина в античности определяется как соответствие знаний действительности, рассматриваемое как простое копирование реальности мыслями. Логико-методологические нормы силлогистики Аристотеля неразрывно связаны со специфическим «риторическим» характером античной культуры, с особенностями полисной жизни и свойственной ей стихией речевого общения [2, с. 70]. Силлогистика Аристотеля по своей структуре близка к теориям, построенным в соответствии с требованиями аксиоматического метода. «В Античности и Средневековье господствовала ... ценностно-мировоззренческая установка, согласно которой высшей и конечной целью теоретического мышления, воплощённого в филосо-

фии, является раскрытие некоторого сверхприродного начала, знание которого обосновывает предельные цели человека» [3, с. 34]. Уже тогда был осознан потенциально бесконечный характер уяснения оснований той или иной системы рассуждения. Аристотель требует отказаться от такого познания, оно уводит в «дурную бесконечность». «То, что начала существуют, необходимо принять, прочее следует доказать» [4, с. 274].

Аксиоматико-дедуктивный метод, на наш взгляд, имел корни в мифологических основаниях духовной культуры античности. Мифология просто устанавливает некоторые не критические положения (существование богов, сотворение космоса и человека). Описание носило качественный характер, так как существовал «...отказ от рассмотрения каких бы то ни было текущих процессов, якобы недоступных для научного анализа, и ограничение одними лишь застывшими состояниями...» [5, с. 29].

Иерархия у Аристотеля охватывает все сферы бытия, дойдя до определённого предела – Бога. Интерпретация у Платона по смыслу близка.

Средневековая схоластика трактовала познание мира как расшифровку смысла актом божественного творения, вложенного в вещи и события, рассматриваемые одновременно и как природные свойства и как знаки божественного помысла, воплощённого в мире. Описание вещей означало не только фиксацию её природных свойств и качеств, но и обнаружение её «знаково-символических» признаков, их аналогии с другими вещами и событиями универсума. Объяснение явлений представлялось как отыскание закона творения, заключающегося в аналогии между микро- и макрокосмом. Оно носило преимущественно целевой характер и дополнялось причинным объяснением. Схоластический тип знания отличается от подхода классической науки «перевернутостью». Классическая наука начинает с эмпирии и через математические интерпретации восходит к индуктивным обобщениям. Схоластика «строит» дедуктивные суждения, отталкиваясь от абсолютного бога. Это обусловлено религией как основой культуры средневековья, *мифолого-религиозным стилем познавательной деятельности*.

С появлением классической науки в Новое время утверждается принципиально иная по сравнению с античностью и средневековьем ценностная структура сознания, вызванная прежде всего социально-экономическими причинами, получившая своё развитие в эпоху Возрождения. Капитализм нуждается в машинах, а значит – в технических науках, которые базируются на естествознании. Ф. Бэкон обосновывает научно-технический прогресс как базис нового, инновационного общества. Две основные черты науки нового времени – ориентированность на практическое применение научных знаний и экспериментальная направленность. Эксперимент становится идеалом обоснования теоретического знания *и способом сокращения времени накопления опыта*. Происходит новое понимание целей и задач научного мышления и способов философствования, связанное с изменением как объекта, так и субъекта познания. Объектом науки становится природа как самоценная реальность, субъектом выступает уже не божественный, а человеческий разум.

Из античного наследия в науку Нового времени были перенесены идеал теории, требования обоснования и доказательности знания, идеал объяснения, которые были преобразованы в новые идеалы и нормативы (за исключением идеалов построения), соответствующие целям и задачам новой науки и объекту её изучения. Кроме этого, был перенесён «взгляд на логику как на науку о методах познания, о правилах открытия новых истин...» [6, с. 38]. Эпоха Нового времени разделяет, как и предшествующие ей эпохи, уверенность в достижении достоверного и окончательного знания о физическом мире. Все эти изменения происходили в ходе первой научной революции.

В философии Нового времени произошёл отказ от формальной и целевой причин существования всякой вещи и из Аристотелевых четырёх причин остались только две: материальная и движущая.

Переход от классического к неклассическому естествознанию в конце XIX в. был подготовлен изменением структур духовного производства в европейской культуре. В это время формируется новый *тип рациональности* в различных сферах духовной культуры. Сознание, постигающее действительность, в новых условиях наталкивается на ситуации своей погруженности в действительность и сильно ощущая влияние этой «погруженности» на результат по-

стижения этого мира, зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации. Переход к неклассической парадигме вынуждает отказаться от принципа элиминирования воздействия исследователя на восприятие / конструирование предмета исследования.

Идеи относительности развивались в этот период в различных сферах культуры. В искусстве конца XIX в. в импрессионизме и постимпрессионизме формировались новая художественная концепция мира, современные способы описания и осмысления жизненных ситуаций человеческого бытия. Осмысление доминирования в сознании новых структур человеческого бытия и обусловленности ими нашло выражение во многих философских идеях XIX – начала XX в., в марксизме, неокантианстве, философии жизни, психоанализе и других течениях.

Современность. Ещё в немецкой классической философии Фихте и в особенности Гегелем был разработан категориальный аппарат, позволяющий осваивать объекты нового типа системной организации – саморазвивающиеся объекты.

Большие, сложные системы представляют собой такие объекты, которым характерна уровневая организация, автономность и вариабельность подсистем, массовые стохастические взаимодействия их элементов, существование управляющего уровня и обратные связи, обеспечивающие целостность системы в отличие от малых систем, которые являлись центром исследования классического естествознания [7, с. 163; 8, с. 47].

Субъект рассматривался как детерминированный предшествующим историческим развитием средств и методов познавательной деятельности. Так утверждается постнеклассический тип рациональности. На его основе вырастает новое понимание категорий истины, объективности, факта, теории, объяснения [7, с. 164].

Современная наука ориентирована на исследование *ещё более* сложных исторически развивающихся объектов. Это уже объекты нового типа системной организации, которые отличаются от предшествующих, саморегулирующихся систем тем, что включают момент саморазвития и вызывают *новый тип рациональности: учитывают соотносительность знаний*. Такой объект должен иметь сложную иерархическую структуру, и в процессе эволюции в нём должны возникать всё новые уровни организации. Причём появление каждого нового уровня всегда приводит к трансформации уже сложившихся уровней, которыми он начинает управлять [9, с. 298]. Идеал опытного обоснования теории, каждое понятие теории во всех своих определениях должно быть с самого начала введено как схематизация опыта. «Согласно ему наблюдаем любой субъект, связанный с непосредственно наблюдаемым объектом цепью однозначных детерминаций» [10, с. 100]. Принцип наблюдаемости связан был с принципом простоты как нормативом, выражающим идеал объяснения и организации теории. Последующие применения метода математической гипотезы ввели новый слой конкретизирующих положений в принцип простоты, связав его с принципами инвариантности и симметрии [1, с. 41].

Предпосылки нового типа научной деятельности. В конце XX в. наблюдаются новые радикальные изменения в основаниях науки: *в лидеры в научном знании выдвигают кибернетику (информатику). Впрочем, нарастающее лидерство этого вида знания не умаляет значения физики, а указывает на необходимость усиления синергии между различными научными дисциплинами.*

Среди исторически развивающихся объектов современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые включён в качестве компонента сам человек (объекты экологии, биотехнологии, системы «человек – машина»). При изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений практического преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности [7, с.166]. Каким должен быть новый «формат» взаимодействия общества и науки? Ответ *необходимо искать* в усилении взаимопроникновения науки и общественной практики.

Научное знание как подсистема и сегмент культуры на протяжении своей истории пребывает в органическом взаимодействии со всеми подсистемами социума, наращая иногда в результате резких скачков (научных революций) своё влияние на них.

Можно предположить о тренде, проявившемся во второй половине XX и в начале XXI в., увеличения вовлечения субъектов социально-антропологического пространства (индивидов и социальных групп) в творческую деятельность, в поиск знаний. В капиталистических странах это проявляется в «охоте за мозгами», в социалистических – в развёртывании и демократизации системы образования.

Лавинообразное нарастание объёма научной информации усиливает проблему её упорядочения и упаковывания. Не можем ли мы взять пример с более ранних этапов развития науки? Античная система, например Аристотеля, имеет определённую «законченность», она охватывает и первоэлементы и бога. Средневековая схоластика являет похожий пример.

Проникновение научной практики в сферу социальных отношений и функционирования человеческого организма даст необходимый уровень предмета познавательного-преобразовательного действия. Наука в некотором роде предполагает существование и более высокой формы разума. Явно – концепция существования внеземных высокоразвитых цивилизаций (Циолковский, Шкловский, Кардашёв, Дайсон, Дрейк, Проект SETI). Неявно – гносеологические установки о бесконечном характере познавательной деятельности и парадигма синергетики.

Новая парадигма научного знания должна идти по пути углубления представления о вероятности становления или существования Разума Вселенной или Разумной Вселенной в ходе эволюционных процессов. И это представление может опираться на данные самой науки: например антропный принцип [8, с. 130; 11, 12]. Он устанавливает связь существования человека в качестве наблюдателя с физическими параметрами Вселенной, а также фундаментальными физическими константами (ФФК) и массами элементарных частиц. Согласно этому принципу, Вселенная должна рассматриваться как сложная самоорганизующаяся система, включённость в нее Человека не может быть проигнорирована. Именно «антропный принцип» формирует современный взгляд на Вселенную как человекоразмерный объект. Но человек не только «появляется» во Вселенной. Он может развивать свою культуру, которая «обеспечивается потенциями, раскрываемыми нами в природе» [12, с. 6].

Список источников

1. Стёпин В. С., Огурцов А. П., Мотрошилова Н. В. [и др.]. Идеалы и нормы научного исследования / ред.-сост. В. С. Стёпин. Минск: Изд-во БГУ, 1981. 431 с.
2. Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев: Наукова думка, 1974. 207 с.
3. Швырёв В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 382 с.
4. Аристотель. Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
5. Яглом И.М. Математика и реальный мир. М.: КомКнига, 2018. 64 с.
6. Лебедев С.А. Методология науки: проблема индукции. М.: КомКнига, 2013. 192 с.
7. Злобин Н.С. Ценностные аспекты развития науки. М.: Наука, 1990. 292 с.
8. Ерошенко Т.И. Фракталы социально-антропологического пространства. Очерки по теории моделирования морфологических и духовных фактов социального. Ростов н/Д.: ДГТУ, 2017. 143 с.
9. Стёпин В.С. Становление научной теории. Минск: БГУ, 1976. 320 с.
10. Левин Г.Д. Принципы сохранения и монизма как методологическая основа эпистемологии // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 91–102.
11. Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 353 с.
12. Сорокин Г.В., Украинцев Н.П. Новая научная революция и гуманитарное знание // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2019. № 1. С. 4–8.

References

1. Stepin V.S., Ogurtsov A. P., Motroshilova N. V. [et al.]. *Ideals and norms of scientific research*. Minsk: Belarusian State University Press; 1981. 431 p. (In Russ.).
2. Krymsky S.B. *Scientific knowledge and principles of its transformation*. Kyiv: Naukova dumka Publ.; 1974. 207 p. (In Russ.).

3. Shvyrev V.S. *Theoretical and empirical in scientific knowledge*. Moscow: Nauka Publ.; 1978. 382 p. (In Russ.).
4. *Aristotle. Essay* in 4 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1978. Vol. 2. 687 p. (In Russ.).
5. Yaglom I.M. *Mathematics and the real world*. Moscow: KomKniga Publ.; 2018. 64 p. (In Russ.).
6. Lebedev S.A. *Methodology of science: the problem of induction*. Moscow: KomKniga Publ.; 2013. 192 p. (In Russ.).
7. Zlobin N.S. *Valuable aspects of the development of science*. Moscow: Nauka Publ.; 1990. 292 p. (In Russ.).
8. Eroshenko T.I. *Fractals of socio-anthropological space. Essays on the theory of modeling the morphological and spiritual facts of the social*. Rostov-on-Don: Don State Technical University Press; 2017. 143 p. (In Russ.).
9. Stepin V.S. *Formation of scientific theory*. Minsk: Belarusian State University Press; 1976. 320 p. (In Russ.).
10. Levin G.D. Principles of conservation and monism as a methodological basis of epistemology. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2017;(12):91-102. (In Russ.).
11. Nalimov V.V. *I scatter my thoughts. On the way and at the crossroads*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2000. 353 p. (In Russ.).
12. Sorokin G.V., Ukraintsev N.P. New scientific revolution and humanitarian knowledge. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus region. Social Science*. 2019;(1):4-8. (In Russ.).

Информация об авторах

*Г.В. Сорокин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и мировых религий.
Т.И. Ерошенко – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и мировых религий.
Н.П. Украинцев – соискатель.*

Information about the authors

*G.V. Sorokin – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and World Religions.
T.I. Eroshenko – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and World Religions.
N.P. Ukraintsev – Applicant.*

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 01.06.2023.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-44-50

АНГЛО-ЭФИОПСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ УЧРЕЖДЕНИЯ ПЕРВОГО КОНСУЛЬСТВА ДО ВОЙНЫ МЕЖДУ ДВУМЯ СТРАНАМИ (1848–1868)

Коммунист Гирма Абера

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

abera.kommunist@yandex.ru

Аннотация. Международные отношения Эфиопии с Великобританией приобрели свою современную форму при Теодросе II. Именно в период его правления были учреждены представительство Британии и ее дипломатическая миссия в Эфиопии. Соединенное Королевство стало первой страной, открывшей свое консульство в Эфиопии в 1848 г., что явилось для британцев очень важным предприятием. Однако оно было обречено на провал, поскольку политическая ситуация в Великобритании и Эфиопии сделала невозможными эффективные торговые отношения между ними. Англо-эфиопскую политику 1848–1868 гг. можно рассматривать как известного рода триумф министров иностранных дел Пальмерстона, Рассела и премьер-министра Стэнли. В то же время император Эфиопии Теодрос II очень настороженно относился к истинным мотивам британцев. Отсутствие немедленного ответа королевы Виктории на его письмо в 1862 г., в котором содержалась просьба о военных поставках, общее предпочтение Британии эфиопским соседям не способствовали теплоте отношению императора Эфиопии к британскому консульству. Впоследствии это привело к открытому конфликту между двумя странами.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, посольство, конфликт, война, дипломатия, договор, Великобритания, Эфиопия

Для цитирования: Абера К. Г. Англо-эфиопские отношения: от учреждения первого консульства до войны между двумя странами (1848–1868) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 44–50.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ENGLISH-ETHIOPIAN RELATIONS: FROM THE ESTABLISHMENT OF THE FIRST CONSULATE TO THE WAR BETWEEN THE TWO COUNTRIES (1848-1868)

Communist G. Abera

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

abera.kommunist@yandex.ru

Abstract. Ethiopia's international relations with Great Britain obtained their modern form under Tewodros II. It happened during his reign when the British representative office and its diplomatic mission in Ethiopia were opened. The United Kingdom was the first country to open its consulate in Ethiopia in 1848. For the British, Palmerston's opening of the consulate in Ethiopia in 1848 was a very important undertaking. However, this event was doomed to failure, as the political situation in the UK and Ethiopia made the effective trade relations between them impossible. The English-Ethiopian policy of 1848-1868 can be considered as a kind of triumph of Foreign Ministers Palmerston, Russell and Prime Minister Stanley. At the same time,

© Абера К. Г., 2023

Emperor Tewodros of Ethiopia was very wary of the true motives of the British. The absence of an immediate response from Queen Victoria to his letter in 1862, which contained a request for military supplies, and Britain's general preference for Ethiopian neighbors did not contribute to the warm attitude of the Emperor of Ethiopia to the British consulate. Subsequently, this led to an open conflict between the two countries.

Keywords: foreign policy, international relations, embassy, conflict, war, diplomacy, treaty, Great Britain, Ethiopia

For citation: Abera K. G. English-Ethiopian Relations: from the Establishment of the First Consulate to the War between the Two Countries (1848-1868). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(2):44-50. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Британский интерес к Эфиопии с энтузиазмом культивировался небольшой, но активной группой британских политиков, которые решили установить с ней коммерческие отношения и контролировать прибрежные районы Красного моря, чтобы обеспечить непрерывность британской торговли с Индией. Именно лорд Пальмерстон, тогдашний министр иностранных дел Великобритании, возымел намерение вывести эпизодические контакты между двумя странами на уровень англо-эфиопской политики. В 30–40-х гг. XIX в. он помог укрепить британское влияние на берегах Красного моря, чтобы предотвратить франко-египетскую экспансию в этом направлении. Понимая, что влияние Эфиопии не распространяется на всю прибрежную равнину и там по настоящему нет реальной власти, он считал христианских правителей высокогорья частью своей системы Красного моря и возможным противовесом французам на их пути в Индию. Пальмерстон рассматривал торговлю как доступный ему инструмент для выполнения внешнеполитических задач, чтобы, контролируя побережье Красного моря, поддерживать британское господство на торговых путях в Индию и удовлетворять тем самым ее интересы в Египте [1, р. 26].

Официальные консульские отношения между Великобританией и Эфиопией оформились в 1848 г., когда в Эфиопию прибыл первый британский консул Уолтер Плауден, назначенный туда Министерством иностранных дел [2, р. 19–20]. Он обосновался в Массаве на побережье Красного моря. Целью англичан являлось расширение британской торговой деятельности в акватории Красного моря и желание приостановить французскую экспансию в регионе, которая представляла угрозу их морскому пути в Индию. Консул был вынужден посещать внутренние районы Эфиопии примерно два раза в год, чтобы установить контакты с тамошними местными правителями.

Плауден, представляющий Великобританию, смог подписать договор о торговле и дружбе с Эфиопией 2 ноября 1849 г. в месте под названием Энауга в провинции Годжам. Англо-эфиопский договор состоял из 19 статей. Соглашение было выгоднее британскому правительству и британским торговцам. Статья IV запрещала монополию торговли какой-либо страны на территории Эфиопии. Статья XIII, возложив ответственность за поддержание открытых и безопасных путей доступа между морским побережьем и Эфиопией на оба правительства, фактически передала контроль над торговыми путями Великобритании. Статья V, ограничивавшая налогообложение на уровне 5 %, была направлена на защиту от чрезмерного налогообложения импорта и экспорта. А в статье XVII говорилось, что любые незаконные действия британских подданных должны рассматриваться посольством Великобритании в Эфиопии, а не правительством Эфиопии.

Договор предоставил экстерриториальную юрисдикцию британским подданным, передав их под юрисдикцию британского консула в Эфиопии [3, р. 19–20]. Для осуществления британской внешней политики Плауден оказался очень ценным агентом, о чем свидетельствовало, в частности, одобрение его действий со стороны лорда Кларендона – весьма влиятельного члена парламента [4, р. 70]. Из-за внутренней гражданской войны в Эфиопии ратификация торгового договора королевой Викторией была осуществлена Плауденом и генералом Рас Али – фактическим правителем страны – только в 1852 г. [2, р. 19–20]. Как указывал Хенти, официальный корреспондент журнала «Standard», «г-н Плауден вступил в переговоры о заключении договора с Англией, об отправке посольства в эту страну и об учреждении британского консульства в Абиссинии, наделенного властью и юрисдикцией во всех случаях, в которых может быть заинтересован британский подданный» [5, р. 6].

Истинный мотив открытия Министерством иностранных дел консульства в Массаве был спорным, но его можно рассматривать как одно из проявлений европейского соперничества, особенно между Великобританией и Францией. Джордж, виконт Валентия, британский путешественник, посетивший Эфиопию, встревоженный прибытием французов в Эфиопию еще в 1804 г., призвал Великобританию воспользоваться случаем и наладить отношения с Эфиопией. Он заявил: «Полностью в нашей власти установить такую связь с Абиссинией, которая навсегда закроет дорогу французам, но если мы пренебрежем такой возможностью, они воспользуются нашей глупостью, как они уже сделали это в Аравии; и открытия, сделанные на восточном берегу Африки, вместо того, чтобы стать национальным благом для англичан, будут только иметь тенденцию к увеличению и без того слишком преобладающей силы ее непримиримого противника» [6, р. 264].

Хотя Плаудену удалось заключить договор с Эфиопией, влияние консульства нивелировалось тем фактом, что оно находилось в Массаве, на территории, которая была под контролем Турции. Британцы выбрали Массаву в качестве резиденции британского консульства по разным причинам: во-первых, будучи портом, она являлась местом, откуда было легко установить и поддерживать связь с Лондоном; во-вторых, Массаву были воротами во внутренние районы Эфиопии. И самое главное, это было удобное место для наблюдения и контроля за действиями французов в Красном море.

Ч. Т. Беке, член и лауреат Географического общества, посетивший Эфиопию во времена Теодроса II, описывает положение английского консульства в Массаве следующим образом: «Плауден был аккредитован в Абиссинии, а не в Массаве, которая не представляет никаких коммерческих интересов и не дает защиты англичанам. Она была ценна только как средство сообщения с Европой. В обязанности консула входило наблюдение и противодействие иностранным интригам, особенно со стороны Франции, и поддержание мира между Абиссинией и Египтом, ему следовало также добиться отмены рабства, установить и развивать торговые отношения между Великобританией и Абиссинией...» [7, р. 55–56].

Соглашение между двумя странами об облегчении торговых отношений оказалось неудачным по разным причинам. Во-первых, не удалось установить широкие торговые отношения по причине внутренней нестабильности в Эфиопии из-за гражданской войны между различными враждующими группировками. Даже консул Плауден признавал, что соглашение, подписанное в 1849 г., мало что дало [5, р. 5–9]. И еще одна причина заключается в том, что Теодрос II, пришедший к власти в качестве императора Эфиопии в 1855 г., не захотел признать это соглашение. Он был заинтересован больше в техническом и военном союзе, нежели в торговых отношениях с Соединенным Королевством. Со временем Плауден стал тем не менее доверенным лицом Теодроса II, что побудило его вмешаться во внутренние дела Эфиопии, приняв сторону императора, когда Теодрос II был вынужден сражаться со своими политическими противниками. В конечном счете это привело к убийству англичанина в 1860 г. видным лидером повстанцев, который считал Плаудена близким другом и союзником Теодроса II [8, р. 41–43].

Капитан Кэмерон был назначен Министерством иностранных дел Великобритании преемником Плаудена. Кэмерон, отозванный из консульства в Потти на Черном море, воевал в Южной Африке и служил в турецкой армии во время Крымской войны. Граф Рассел – тогдашний статс-секретарь иностранных дел Британии – дал ему указание собирать политическую информацию, но не вмешиваться во внутренние дела Эфиопии [4, р. 73–74]. Кэмерон покинул Англию в ноябре 1861 г. и прибыл в Массаву 10 февраля 1862 г. Новый консул привез винтовку и пистолеты в подарок для Теодроса II, а также письмо от Рассела [9, р. 10].

Теодрос II заявил британскому консулу, что он не хочет связывать себя договором, подписанным в 1849 г., поэтому британцам пришлось заключить новый договор с императором. Получив письма и подарки от британцев, Теодрос II попросил королеву Англии помочь ему в борьбе с его врагами, которые захватили побережье Красного моря и не позволяли Эфиопии выйти к морю [10, с. 36–38]. Очевидно, он хотел организовать военную экспедицию против турок и попросил британскую защиту эфиопских послов по всему побережью. На это ясно указал Хенти: «...Консул Кэмерон был принят с большим почетом и учтивостью императором Теодросом II, который вновь выразил желание послать посольство в Англию... На следующий день после этого император, увидев капитана Кэмерона, сказал ему, что он хорошо обдумал предмет договора, по поводу которого не

возникнет никаких затруднений, и вручил ему письмо, которое он написал ее величеству. В нем, после многих выражений уважения и добрых пожеланий, Император высказывает свое намерение напасть на турок из-за их постоянных вторжений на его земли и просит Ее Величество организовать охрану посольства, которое он готов немедленно направить в Англию» [5, р. 9].

Император настоятельно просил Кэмерона доставить это письмо в Массаву и вернуться с ответом как можно скорее. Если Англия одобрит его проект, Кэмерон возглавит посольство Эфиопии в Англии. Другие посланники Теодроса II получили аналогичные послания, адресованные правителям Франции и России [11].

Тридцатистраничный отчет Кэмерона вместе с письмом Теодроса II поступил в Министерство иностранных дел Британии 12 февраля 1863 г. Но королева не ответила на письмо императора, а его просьба о помощи британцев против его врагов не встретила одобрения со стороны Министерства иностранных дел Соединенного Королевства. Рассел сообщил Кэмерону, что «агентам Ее Величества нежелательно вмешиваться в дела Абиссинии, и вам лучше было бы вернуться на свой пост...» [12, р. 508]. Кэмерон вернулся ко двору императора после долгого отсутствия, но его положение было весьма неприятным, так как он еще не получил прямого ответа на письмо императора к королеве. Теодрос II в то же время как минимум ожидал почтительного письма от королевы. Разговор между императором и Кэмероном, приведенный Хенти, ясно отражает его чувства: «Теодрос II сказал: она (королева) не могла вежливо ответить на мое письмо, и ты не уйдешь, пока я не получу этот ответ». Представляется, что следствием этого стало то, что в июле 1863 г. капитан Кэмерон оказался в заключении [9, р. 11–12]. Действия Теодроса II не ограничились лишь задержанием консула. Его недовольство проявилось в том, что все иностранцы попали под подозрение и подверглись заключению. После осмотра документов миссионера Генри Стерна и его спутника Розенталя их также посадили в тюрьму, поскольку в книге Стерна «Путешествия среди фалашей» были обнаружены некоторые замечания о низком происхождении императора.

В мае 1864 г. Министерство иностранных дел Британии получило письмо Кэмерона, где, в частности, говорилось, что Теодрос II принял решение «не выпускать его до тех пор, пока не придет уважительный ответ на письмо императора» [13, р. 19]. Сразу же после получения сообщения в Англии о плене Кэмерона ни тогда, ни позже ни один бюрократ или министр, будь он либерал или консерватор, не рассматривали даже возможность бросить английского консула на произвол судьбы. Теодрос II отказался освобождать арестованного им британского представителя. Безнаказанное поведение такого монарха, как Теодрос II, могло иметь катастрофические последствия, особенно там, где разрозненные британские агенты работали над обеспечением стратегических и коммерческих интересов своей страны.

Непосредственным требованием в 1864 и 1865 гг. самих пленников, их родственников, прессы и консервативной оппозиции было освобождение Кэмерона и миссионеров [4, р. 130–131]. Если бы это осуществилось, память о нанесенной англичанами обиде вскоре исчезла бы сама собой. Но грубое давление было чревато убийством заключенных. Когда примирение оказалось недостижимо, тем, кто занимался этим вопросом, все чаще приходилось формулировать различные механизмы для защиты британского престижа. Наказание Теодроса II, если бы оно сопровождалось убийством заключенных, не могло бы считаться успешным; национальная честь была бы оправдана, но вполне могло возникнуть общественное возмущение по поводу того, как правительство Британии справилось с этим делом [1, р. 794]. С другой стороны, игнорирование Теодросом II требований Лондона на какое-то время могло бы серьезно подорвать британский престиж. Несомненно, еще более вредно для Министерства иностранных дел Британии было бы пытаться отсрочить решение этого вопроса и потерпеть в конечном счете неудачу.

Необходимость эфиопской кампании нельзя было отрицать, но вероятность того, что в ходе её осуществления удастся разгромить силы Теодроса II и спасти пленников, была невелика. Чтобы избежать такого сценария, летом 1864 г. коллеги Рассела по кабинету посоветовали ему вступить в переговоры с правителем Эфиопии, стремясь добиться отсрочки военной кампании. Первая идея состояла в том, чтобы оказать политическое давление на Теодроса II, дабы он освободил заключенных, а вторая – помочь повстанцам против Теодроса II, надеясь ускорить его падение. Рассел также был готов рассмотреть возможность применения силы. Ужаснувшись такой перспективе, заместитель госсекретаря указал на опасность, нависшую над заключенными, и заста-

вил военного эксперта – бригадного генерала Коглана, который был назначен британцами политическим резидентом и комендантом в Адене (1854–1863), – поручиться за невозможность поддержки повстанцев против императора Теодроса II или вторжения в Эфиопию.

Обескураженный Рассел связался с Хэммондом и Лейярдом с целью выработать примирительный подход. Чтобы выполнить требование императора Теодроса II и не повторить ошибку, допущенную из-за пренебрежения ответом на его письмо, Ормузд Рассам, армянин по происхождению, получивший британское образование и занимавший должность первого помощника комиссара Адена, срочно выехал в Массаву с письмом королевы Виктории, в котором было обещано, что императору будет разрешено отправить посольство в Лондон в случае возвращения консула Кэмерона в Англию [14, р. 17–18]. Рассам поручил перевести письмо королевы Виктории на амхарский язык, а также принять письма-обращения от коптского патриарха Египта, адресованные Теодросу II и Абун Саламу, главе Эфиопской церкви [13, р. 73]. Рассам и доктор Генри Бланк прибыли в Массаву. На первое письмо император не ответил, второе также оставалось без ответа до конца года, Рассам узнал, что его посланников держат при дворе императора.

В Англии в середине 1865 г. пресса продолжает пропагандистскую кампанию, требуя, чтобы заключенные были возвращены домой. В Палате лордов Рассел оказался в затруднительном положении. Члены парламента потребовали отозвать Рассама и заменить его более энергичным посланником, и Рассел действительно решил его отозвать. Другой, более дерзкий агент был подготовлен Министерством иностранных дел для отправки непосредственно в эфиопский суд [4]. Однако, как только агент Рассела собрался покинуть Египет, Рассам объявил, что получил приглашение от Теодроса II прибыть к его двору и передать письмо от королевы Виктории, которое Лондон подготовил в соответствии с требованием Теодроса II, запросившим, чтобы письмо было написано непосредственно королевой. В послании содержалось требование освободить британских дипломатов. «...Ваше величество не может предоставить лучшего доказательства искренности чувств, которые вы выражаете по отношению к нам, и более эффективно обеспечить продолжение нашей дружбы и доброй воли, чем уволив нашего слугу Кэмерона и любых других европейцев, которые могут пожелать этого с вашей стороны, и предоставив им всю возможную помощь и защиту на их пути к месту назначения, к которому они хотят проследовать...» [15, р. 38]. Хэммонд и Лейярд вздохнули с облегчением, но поняли, что теперь их политика меняется таким образом, что они могут избежать войны.

После встречи с Рассамом и получения письма от королевы первоначально Теодрос II согласился отпустить заключенных, но позже он передумал и заключил самого Рассама в тюрьму. Анализируя ситуацию, Рассам пришел к выводу, что император боялся британской и французской экспансии больше, чем получения писем от королевы [16, р. 350–359]. Теодрос II выбирает миссионера Генри Флада, чья семья осталась в Эфиопии, с тем, чтобы тот доставил письмо Рассама в Англию. Флад ушел с письмом от Рассама, в котором говорилось, что Теодросу II нужна техническая помощь и он хотел бы, чтобы Рассам еще немного задержался в Эфиопии [4, р. 131–132]. Осенью 1866 г. худшие опасения оправдались, когда пришло известие о том, что Теодрос II отправил британскую миссию в свою горную цитадель Макдала. Хэммонд и Мюррей признали, что примирение не удалось и применение силы стало неизбежным. Тем временем лорд Стэнли был назначен новым государственным секретарем Великобритании. Он встретился и обсудил с Фладом тяжелое положение заключенных. Сначала Стэнли предложил повезти в Эфиопию подарки в обмен на пленных. Флад настаивал на том, что требование Теодроса II о военной и технической помощи должно быть выполнено и единственный способ убедить Теодроса II освободить заключенных – переговорить с королевой и передать ее ответ Теодросу II [4, р. 108–125].

В Эфиопии ситуация для Теодроса II продолжала ухудшаться. Принц Менелик из Шоа, которого держали в заложниках в Макдале, сбежал в Тыграй – регион, расположенный на севере Эфиопии. Военачальник Касса Мирча стал еще одной угрозой трону. Для Теодроса II не только расширение территории на юг, что он осуществил став императором, оказалось маловероятным, но и власть его пошатнулась. Теодрос II теперь контролировал только те земли, на которых стояла его всё уменьшающаяся армия [17, р. 40].

Увидев такое развитие событий в Эфиопии 11 мая 1867 г., Стэнли заявил, что ждет ответа на последнее письмо, которое он отправил Теодросу II, а также предположил, учитывая новости из

Эфиопии, что восстание, вероятно, сокрушит власть Теодроса II, что приведет к освобождению заключенных и без активного британского вмешательства [18, р. 308]. 13 августа 1867 г. в Министерство иностранных дел поступило известие о том, что Теодрос II проигнорировал письмо королевы Виктории, отправленное императору через английского посланника Рассама, и после этого события Джеймс Мюррей сообщил Стэнли, что пора объявлять Эфиопии войну [19, р. 129–149].

Сэр Роберт Нейпир, офицер Британской индийской армии, был выбран для руководства британской армией [17, р. 40]. Сначала парламент вполне покорно санкционировал расходы [3, р. 138], но мнения прессы по поводу экспедиции разделились [1]. Норткот, британский консервативный политик, размышляя о грядущих опасностях, пришел к выводу, что Нейпиру следует дать политические инструкции от Министерства иностранных дел, чтобы он мог успешнее действовать в различных непредвиденных обстоятельствах, с которыми может столкнуться их непредсказуемый Теодрос II [13, р. 517]. Но когда пришли инструкции, Норткоту они не понравились. Потому что по предложению Хэммонда пленники были разделены на категории; сначала Рассам, Кэмерон и их окружение, затем миссионеры. Теодрос II был обязан освободить тех, кто принадлежал к первой категории, но в случае со второй его можно было только попросить об этом.

Экспедиция увенчалась полным успехом. Теодрос II не расправился с заключенными и не бежал; вместо этого он двинулся навстречу захватчикам в Магдалу, где освободил заложников и покончил жизнь самоубийством. Когда новости достигли Англии в мае 1868 г., пресса и парламент встретили их с энтузиазмом и театральной напыщенностью [17, р. 30]. Нейпиру было приказано немедленно покинуть Эфиопию, не обращая внимания на политическую ситуацию. Ему было трудно это сделать из-за сильного искушения выступить в роли «создателя королей», и при отъезде он подарил Кассе Мирче батарею горных пушек и мушкетов [4, р. 382]. Однако его совет Министерству иностранных дел использовать Кассу для усиления британского влияния в горной местности Эфиопии был отвергнут.

После ухода Кэмерона политика игнорирования внутренних дел в обеспечении британских интересов на побережье Красного моря окончательно оформилась, хотя ей всегда было трудно следовать. Эскалация конфликта Эфиопии и Египта в 1870-х гг. позволила британцам снова вмешаться в эфиопский вопрос во имя посредничества в конфликте на суданской границе, в то время как правители побережья искали более эффективного актора, чем эфиопы или турки. Рассел согласился передать Массаву Египту, а в 1880-х гг. британцы пригласили итальянцев аннексировать этот порт.

Для британцев учреждение первого консульства в 1848 г. стало, по крайней мере, первым шагом к укреплению их позиций на Африканском Роге путем подписания договора о дружбе и торговле. Для императора Теодроса II установление отношений с англичанами было важным шагом в его борьбе с соперниками в защите трона и отражении иностранного вторжения. Однако это мероприятие было обречено на провал, поскольку политическая ситуация в Великобритании и Эфиопии сделала ожидаемую иностранную помощь и ожидаемые торговые отношения невозможными. Англо-эфиопские отношения 1848–1868 гг. очень осложнились после того, как Теодрос II не получил ожидаемого ответа на свое первое письмо королеве Виктории. Учитывая это обстоятельство и общее британское предпочтение эфиопским соседям, неудивительно, что Теодрос II с подозрением относился к британскому консульству, что впоследствии привело к конфликту между двумя странами. Война между ними в итоге и привела к самоубийству императора Теодроса II, а в конечном счете к завершению этого периода в англо-эфиопских отношениях.

Список источников

1. The Spectator. July 4, 1868. URL: <http://archive.spectator.co.uk/article/4th-july-1868/1/news-of-tt---te-week-t-he-thanks-of-both-houses-of> (дата обращения: 20.05.2022).
2. *Hozier H.M.* The British Expedition to Abyssinia. London, 1869.
3. Parliamentary Papers, Journals of the House of Commons 1867–1868. Hansard, 1868. Vol. 123.
4. *Markham C.R., Prideaux W.F.* A history of the Abyssinian expedition. Macmillan, 1869.
5. *Henty G.A.* The March to Magdala. Vol. 1: Library of Alexandria, 1868.
6. *Mountnorris G.A.* Voyages and travels to India, Ceylon, the Red Sea, Abyssinia, and Egypt: in the years 1802-1806: Mit vielen Kupfern, Vol. III. Miller, 1809.
7. *Beke C.T.* The British Captives in Abyssinia. Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1867.
8. *Margoliouth M.* Abyssinia: Its Past, Present, and Probable Future. A Lecture, with Notes and App. Macintosh, 1866.
9. *Holland T.J.* Record of the Expedition to Abyssinia. HM Stationery Office, 1870.

10. Цыпкин Г.В., Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1989.
11. Rubenson S. King of kings: Tewodros of Ethiopia. Vol. 2. Haile Sellassie I. University Press, 1984.
12. Foreign Office 401/1. Confidential Print, December 1867 sent April 22, 1863. URL: https://ia801904.us.archive.org/35/items/abyssinia-1846-1956/FO_401-1.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
13. Foreign Office 401/2. Confidential Print, December 1867 sent May 11, 1864. URL: https://ia601904.us.archive.org/35/items/abyssinia-1846-1956/FO_401-2.pdf (дата обращения: 18.04.2022).
14. Ward A. W., Gooch G. P., eds. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Vol. III. Cambridge University Press, 1923.
15. Rassam H. Narrative of the British Mission to Theodore, King of Abyssinia: With Notices of the Countries Traversed... J. Murray, 1869.
16. Honeyman A.M. Letters from Magdala and Massawa // Bulletin of the John Rylands Library. 1962. Vol. 1, № 44 (2).
17. Zewde B. A history of modern Ethiopia, 1855–1991. Ohio University Press, 2002.
18. Vincent J., ed. Disraeli, Derby, and the Conservative Party // Journals and Memoirs of Edward. 1978.
19. Rodgers N. The Abyssinian expedition of 1867–1868: Disraeli's imperialism or James Murray's war? // The Historical Journal. 1984. Vol. 27 (1).

References

1. *The Spectator*. July 4, 1868. Available from: <http://archive.spectator.co.uk/article/4th-july-1868/1/news-of-tt--te-week-t-he-thanks-of-both-houses-of> [Accessed 20th May 2022].
2. Hozier H.M. *The British Expedition to Abyssinia*. London, 1869.
3. *Parliamentary Papers. Journals of the House of Commons 1867-1868*. Vol. 123. Hansard, 1868.
4. Markham C.R., Prideaux W.F. *A history of the Abyssinian expedition*. Macmillan, 1869.
5. Henty G.A. *The March to Magdala*. Vol. 1. Library of Alexandria, 1868.
6. Mountnorris G.A. *Voyages and travels to India, Ceylon, the Red Sea, Abyssinia, and Egypt: in the years 1802-1806*: Mit vielen Kupfern, Vol. 3. Miller, 1809.
7. Beke C.T. *The British Captives in Abyssinia*. Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1867.
8. Margoliouth M. *Abyssinia: Its Past, Present, and Probable Future*. A Lecture, with Notes and App. Macintosh, 1866.
9. Holland T.J. *Record of the Expedition to Abyssinia*. HM Stationery Office, 1870.
10. Tsyppkin G.V., Yagya V.S. *The history of Ethiopia in modern and modern times*. Moscow: Nauka Publ.; 1989. (In Russ.).
11. Rubenson S. *King of kings: Tewodros of Ethiopia*. Vol. 2. Haile Sellassie I. University Press, 1984.
12. *Foreign Office 401/1*. Confidential Print, December 1867 sent April 22, 1863. Available from: https://ia801904.us.archive.org/35/items/abyssinia-1846-1956/FO_401-1.pdf [Accessed 20th May 2022].
13. *Foreign Office 401/2*. Confidential Print, December 1867 sent May 11, 1864. Available from: https://ia601904.us.archive.org/35/items/abyssinia-1846-1956/FO_401-2.pdf [Accessed 18th April 2022].
14. Ward A. W., Gooch G. P., eds. *The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783-1919*. Vol. 3. Cambridge University Press, 1923.
15. Rassam H. *Narrative of the British Mission to Theodore, King of Abyssinia: With Notices of the Countries Traversed...* J. Murray, 1869.
16. Honeyman A.M. Letters from Magdala and Massawa. *Bulletin of the John Rylands Library*. 1962;1(44).
17. Zewde B. *A history of modern Ethiopia, 1855-1991*. Ohio University Press, 2002.
18. Vincent J., ed. Disraeli, Derby, and the Conservative Party. *Journals and Memoirs of Edward*. 1978.
19. Rodgers N. The Abyssinian expedition of 1867-1868: Disraeli's imperialism or James Murray's war? *The Historical Journal*. 1984;27(1).

Информация об авторе

К.Г. Абера – аспирант, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

C.G. Abera – Postgraduate Student, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 93/94 (929.6+929.7)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-51-61

КАЛМЫЦКИЕ МОТИВЫ В РОССИЙСКОЙ И ДОНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

Анатолий Иванович Агафонов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
anatoly-agafonov@yandex.ru

Аннотация. Изучаются этнические символы в российской и донской геральдике на примере княжеских родов Дондуковых, Дондуковых-Корсаковых, дворянских родов Корсаковых, прежде всего их визуальное сопровождение – гербы, позволявшие определить место и статус обладателей в дворянской иерархии Российской империи. Рассматриваются права и привилегии, обладание /не обладание титулами, их отражение и изменения в озаначительных символах различных исторических эпох.

Показывается, что учреждение княжеского рода Дондуковых и формирование рода Дондуковых-Корсаковых являлось частью широкой сословной и национальной политики государства, направленной на превращение феодальной аристократии окраин в свою социальную опору. Она закреплялась не только законодательно, в титулах, чинах и званиях, но и в визуальных образах, каковыми являлись гербы и символы. Наделение титулами и гербами было одним из неперемных условий включения национальной знати в состав господствовавшего класса Российской империи.

Впервые на основе опубликованных и архивных документов, исследований по истории российской геральдики подробно описывается процесс введения этнических символов в гербы и гербовое сопровождение родовитого дворянства, раскрывается методика их изучения. Отмечаются особенности формирования российского и донского дворянства и геральдики соответственно.

Выдающийся военный и политический деятель России генерал-лейтенант кн. А.М. Дондуков-Корсаков служил на Дону начальником штаба Донского войска. На это время он приписывался в состав войскового сословия и местного дворянства.

Три ветви рода Корсаковых породнились с княжеским родом Дондуковых и Дондуковых-Корсаковых, став составной частью российского дворянства. При этом они сохранили свои исторические и этнические калмыцкие, литовские и русские корни, закрепив их в гербах и символах. Калмыцкие мотивы нашли широкое отражение в символике герба. Род кн. А.М. Дондукова-Корсакова и его герб временно включались в состав донского дворянства и Донского гербовника.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкое ханство, дворянство, родовая история, гербы и символы, геральдика, этническая история, Донское казачье войско

Для цитирования: Агафонов А.И. Калмыцкие мотивы в российской и донской геральдике // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 51–61.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

KALMYK MOTIFS IN RUSSIAN AND DON HERALDRY

Anatoly I. Agafonov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
anatoly-agafonov@yandex.ru

Abstract. Ethnic symbols in Russian and Don heraldry are studied on the example of the princely families of the Dondukovs, the Dondukovs-Korsakovs, the noble families of the Korsakovs, first of all their visual accompaniment - coats of arms, which allowed to determine the place and status of the owners in the noble hierarchy of the Russian Empire. The rights and privileges, possession/non-possession of titles, their reflection and changes in the identification symbols of various historical epochs are considered.

© Агафонов А.И., 2023

It is shown that the establishment of the princely Dondukov family and the formation of the Dondukov-Korsakovs family was part of a broad class and national policy of the state aimed at turning the feudal aristocracy of the suburbs into its social support. It was fixed not only legally, in titles, ranks and titles, but also in visual images, which were coats of arms and symbols. The granting of titles and coats of arms was one of the indispensable conditions for the inclusion of the national nobility in the ruling class of the Russian Empire.

For the first time, on the basis of published and archival documents, research on the history of Russian heraldry, the process of including ethnic symbols in the coats of arms and the coat of arms of the noble nobility is described in detail, the process of their study is revealed. The peculiarities of the formation of the Russian and Don nobility, and, accordingly, heraldry, are noted.

An outstanding military and political figure of Russia, Prince A.M. Lieutenant-General Dondukov-Korsakov served on the Don as Chief of Staff of the Don Army. At this time, he was assigned to the military estate and the local nobility.

Three branches of the Korsakovs family intermarried with the princely family of the Dondukovs and the Dondukov-Korsakovs, becoming an integral part of the Russian nobility. At the same time, they preserved their historical and ethnic Kalmyk, Lithuanian and Russian roots, fixing them in coats of arms and symbols. Kalmyk motifs are reflected in the symbolism of the coat of arms. The family of Prince A.M. Dondukov-Korsakov and his coat of arms were temporarily included in the Don nobility and the Don Coat of Arms.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk Khanate, nobility, ancestral history, coats of arms and symbols, heraldry, ethnic history, Don Cossack army

For citation: Agafonov A.I. Kalmyk Motifs in Russian and Don Heraldry. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):51-61. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Известный дворянский род князей Дондуковых-Корсаковых и жизнь выдающегося военного деятеля Российской империи кн. А.М. Дондукова-Корсакова изучены достаточно хорошо, им посвящены статьи в энциклопедиях, словарях и научных журналах, в то же время родовые гербы, их история, содержание и символика остались на периферии исследований [1, с. 1–38].

Российский ученый в области геральдики А.Б. Лакиер отмечал, что русской геральдике вполне применимо правило: «Покажите мне Ваш герб, я скажу какого Вы рода» [2, с. 10]. Именно через символы раскрывается место, роль и значение рода.

Для понимания приобретения фамилии, титула и герба необходимо затронуть некоторые факты из биографий рода Дондуковых и Дондуковых-Корсаковых в связи с тем, что во многих исследованиях используются или упоминаются гербы, титулы и звания, не соответствующие времени и статусу владельцев [3, с. 23–25].

Практически все войсковые наказные атаманы и начальники штаба Войска Донского, неуроженцы Донского края, имели дворянские или титулованные родовые гербы.

Наряду с титулованными донскими родами графами Денисовыми, Орловыми-Денисовыми и Платовыми в составе донского дворянства числились другие титулованные дворяне – князь А.М. Дондуков-Корсаков, граф, генерал от кавалерии М.Н. Граббе, князь, генерал-лейтенант Н.Н. Одоевский-Маслов, князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии Н.И. Святополк-Мирский, барон, генерал-лейтенант Ф.Ф. Таубе. Представители древних титулованных российских и иностранных фамилий служили в Донском войске начальниками штаба, войсковыми наказными атаманами. Решением войсковой администрации они принимались в состав казачьего сословия и одновременно донского дворянства, записывались за станицами г. Новочеркаска или окружными станицами. Помимо жалованья по чину они получали материальное обеспечение землей из войскового запаса в соответствии с должностью.

После смерти войскового наказного атамана генерала от кавалерии М.Г. Власова (1767–1848 гг.) Донское войско до 1917 г. возглавляли лица неказачьего сословия. Титулованные войсковые атаманы, начальники штаба Донского войска имели родовые гербы и титулы, пожалованные и утвержденные в XIV – середине XIX в., до назначения их в Донское войско.

Первым представителем титулованных дворянских фамилий Российской империи являлся начальник штаба Войска Донского (1859–1863 гг.) генерал-майор кн. Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820–1893 гг.), генерал-лейтенант – с 30.08.1861 г., числился по кавалерии.

Начальник штаба Войска Донского и присутствующий в Войсковом правлении с правом голоса [4, с. 352].

Кн. А.М. Дондуков-Корсаков впервые познакомился с Донской землей во время проезда на военную службу из Санкт-Петербурга через Москву, Воронеж, Новочеркасск в Ставрополь. Осенью 1844 г. он с попутчиками переправился с большими трудностями на казачьих лодках через Дон в станице Аксайской. В своих воспоминаниях он отмечал, что «...в то время мало обратил внимания на этот край и на самый Черкасск, никак не подозревая, что через 15 лет я призван буду управлять в Войске Донском» [5, с. 199].

15 февраля 1859 г. генерал-майор кн. А.М. Дондуков-Корсаков был направлен в распоряжение войскового наказного атамана Войска Донского генерала от кавалерии М.Г. Хомутова. В мае 1859 г. он прибыл в Новочеркасск, где был назначен исполняющим обязанности начальника штаба Войска. Спустя почти год (3 апреля 1860 г.) утвержден в этой должности. В последующие три месяца исполнял обязанности наказного атамана. На время пребывания в Войске Донском зачислен в войсковое казачье сословие по станице Цимлянкой Первого Донского округа [1, с. 29].

Следует сказать, что назначения кн. А.М. Дондукова-Корсакова произошли вопреки желанию войскового атамана генерала от кавалерии М.Г. Хомутова. Военное министерство, писал донской журналист А.А. Карасев, предполагало заменить 64-летнего атамана на молодого, прославленного героя Кавказской войны, подающего надежды генерала. Отношения между войсковым атаманом и начальником штаба не сложились, усилилась рознь, что привело к разделению Новочеркасского общества на хомутовцев и дондуковцев. Непродолжительная совместная служба М.Г. Хомутова и кн. А.М. Дондукова-Корсакова сопровождалась недоверием, взаимными претензиями и обидами. Это привело в конечном итоге к отставке обоих начальников от занимаемых должностей [6, с. 18–21]. 5 октября 1863 г. генерал-лейтенант кн. А.М. Дондуков-Корсаков по личному рапорту уволен от службы начальника штаба Донского войска «за ранами» [7, с. 88; 8, с. 46].

По мнению кн. Н.А. Волконского, автора его биографии, служба на Дону стала для князя подготовлением к широкой государственной и военной деятельности. За составление и внедрение проекта положения о крестьянской реформе в Донской земле кн. А.М. Дондуков-Корсаков был пожалован 6 декабря 1860 г. орденом Св. Анны 1-й степени и чином генерал-лейтенанта (30 августа 1861 г.) [1, с. 30].

Известно, что с середины XVI в. российские монархи признавали феодальную знать горских и кочевых народов, перешедшую на службу государству, ее титулы и звания. Цари и императоры жаловали также ей новые фамилии, титулы и звания.

После смерти калмыцкого хана Дондук-Омбо ханша Джан (кабардинская княгиня Джан, урожденная Коргоуки, из рода Атажукиных) крестилась в православии вместе с детьми 16 декабря 1744 г. Восприемниками у ханши (княгини) Джан и ее детей были императрица Елизавета Петровна и духовник императрицы протоиерей Федор Яковлевич Дубянский. Крещеным даны фамилия и титул князей Дондуковых, одновременно ей был пожалован княжеский титул Российской империи. Также 6 июля 1745 г. Высочайшим указом велено дочерям и сыновьям именоваться княжнами и князьями [9, с. 220–221; 10].

Оформление прав потомственного дворянства и передача их по наследству закреплялись нормативно-правовыми актами, в частности патентом на дворянство и патентом на герб. Первый документ являлся обязательным для всех дворян, получивших права и привилегии высшего сословия Российской империи, вне зависимости от чина.

Гербы выдавались не всем подряд, а «по заслугам» дворянам, русским и иностранцам, дослужившим до обер-офицерства. Гербы приобретали также лица, которые могли доказать службу российскому государству не менее ста лет. Иностранцы, обретавшиеся на русской службе и имевшие свидетельства на дворянство и гербы, должны были их подтвердить [11].

Княжеский род Дондуковых не получил родового герба (однако его наличие неоднократно упоминается в исследованиях), а фамилия князей Дондуковых не была внесена в список князей Российской империи и в утверждённые и неутверждённые тома Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи [12–14].

Представители многочисленных ветвей рода Корсаковых трижды входили в родство с княжеским родом Дондуковых. Князь Иона Дондуков был женат на дочери Василия Васильевича Кор-

сакова – Марии Васильевне (в замужестве – Дондукова). Иона Дондуков (1733–1781) был последним владетельным князем калмыцким. За отказ от своих улусов он получил от императрицы Екатерины II в 1774 г. местечко Романово в Оршанской провинции Могилёвской губ. (бывшее имение кн. Радзивилла).

Обретение Корсаковыми фамилии и княжеского титула имело большое значение, так как в зависимости от инициатора благоприобретатель, как отмечается в различных источниках, получал фамилию и титул, фамилию и герб, или герб, фамилию и княжеское достоинство.

Принятие фамилии, титула и герба в семье Дондуковых-Корсаковых сопровождалось легендами. Чему способствовало и российское законодательство. Дворянин, не имеющий ни сыновей, ни родственников мужского пола той же фамилии, имеет право просить о передаче этой фамилии вместе с присвоенным ей гербом и титулом кому-либо из своих родственников или же мужу родственницы, носившей передаваемую фамилию до замужества [15, с. 53].

Именоваться переданной фамилией и употреблять сопряженные с ней герб и титул лица, принявшие оные, могут не ранее смерти передавателя при условии, что после него не будет законного потомства мужского пола; в противном случае передача сама собой уничтожается.

Переданная кому-либо фамилия сообщается его жене и из нисходящего его потомства всегда только одному старшему в роде.

С передачей фамилии не сопрягается никакого преимущества в праве наследования, кроме случая, указанного в ст. 1160 Законов гражданских.

Когда муж дворянского состояния примет Высочайшего утверждения фамилию жены своей по причине пресечения мужского поколения ее рода, тогда в случае бездетной жены все ее недвижимое имение, дошедшее к ней от отца, переходит мужу.

Передача фамилии, гербов и титулов совершается не иначе, как с Высочайшего соизволения по рассмотрении поданного о сем прошения в установленном порядке в Департамент Герольдии Правительствующего Сената и потом в Государственный Совет [16, с. 648–649].

Дочь князя Ионы и княгини Марии Дондуковых княгиня Вера Ионовна Дондукова вышла замуж 17 апреля 1801 г. за штаб-ротмистра Кавалергардского полка в отставке Никиту Ивановича Корсакова [1-го], (с 1802 г. – кн. Дондуков-Корсаков, 1775–1857). Сын гвардии поручика Ивана Ивановича и Агафьи Григорьевны (урожд. Коновницыной) происходил из Псковской ветви многочисленного древнего дворянского рода Корсаковых [17, с. 444; 18, с. 49].

Так, по мнению Алексея Михайловича Дондукова-Корсакова, «его дед, Н.И. Корсаков, возымел желание присоединить фамилию Дондуков и княжеский титул. Это желание было исполнено, но впоследствии, через 17 лет, что не помешало, однако, Никите Ивановичу Корсакову вскоре после свадьбы именоваться Дондуковым-Корсаковым, но и носить княжеский титул... Хотя не состоялось о том никакого Императорского указа. В 1804 г., при выезде Н.И. Корсакова с семьей за границу он в паспорте, выданном гражданским губернатором Санкт-Петербурга 7 мая 1804 г., именовался князем Дондуковым-Корсаковым. Никите Ивановичу было Всемилостивейше пожаловано именоваться князем Дондуковым-Корсаковым лишь указом от 10 сентября 1820 г.» [3, с. 61–62].

Это опровергает С. Панчулидзе, Никита Иванович правильно стал именоваться князем Дондуковым-Корсаковым, но и носить фамилию и титул. Его герб Высочайше утвержден 29 января 1816 г. По его мнению, 10 сентября 1820 г. фамилия и титул были даны Михаилу Александровичу Корсакову – капитану Преображенского полка, третьей дальней линии этой фамилии, мужу княжны Марии Никитичны [17, с. 446, сноски].

Во время путешествия за границу (май 1804 – август 1806 гг.) Н.И. Корсаков использовал на своей карете герб Корсаковых, утвержденный и внесенный в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, так как герб Дондуковых-Корсаковых еще не был сочинен [3, с. 63–65].

Инициатором передачи титула и фамилии, по мнению автора биографий кавалергардов, выступила княжна М.В. Дондукова как последняя в роде. Она ходатайствовала о передаче *фамилии и титула* своему зятю, Н.И. Корсакову [17, с. 444–445].

По мнению П.Н. Петрова, историка русского дворянства, инициатором объединения фамилий Дондуков и Корсаков выступил Никита Корсаков, на его прошение последовало в 1802 г. Высочайшее разрешение, а 1816 г. он получил и герб Дондуковых-Корсаковых [9, с. 220].

Н.М. Корнева не указывает автора решения о принятии Н.И. Корсаковым княжеского титула и фамилии Дондуков. Она отмечает [с ссылкой на архивное дело: РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 353. Л. 75. О возведении в княжеское достоинство Дондуковых-Корсаковых], что это событие произошло по решению Правительствующего Сената 15 июля 1802 г., позволившее Н.И. Корсакову принять *герб и фамилию* жены, и именоваться князем Дондуковым-Корсаковым [19, с. 79].

Данное утверждение требует пояснения. Если с объединением фамилий Дондуков и Корсаков сомнений нет, то существование княжеского герба Дондуковых ничем не подтверждается.

На основании «Грамоты на права, вольности и преимущества Благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г. императрицы Екатерины II род князей Дондуковых должен быть вписан в Первую часть Дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии [20, с. 352]. Согласно указу императора Павла I, в Первое отделение Гербовника вносились роды князей, графов, баронов и дворян российских [21, с. 671–673]. В действительности княжеский род Дондуковых в 1797 г. внесен в 5-ю часть Родословной книги дворянского депутатского собрания Санкт-Петербургской губернии, а в 1832 г. и княжеский род Дондуковых-Корсаковых записан в эту же книгу. 5-я часть Родословной книги включает дворянство, украшенное титулами как родовыми, так и пожалованными [22]. Изменения связаны с активно начавшейся работой над Общим Гербовником дворянских родов Всероссийской империи и новыми правилами его составления и губернских дворянских родословных книг.

Возникает вопрос: какой герб приобрел Никита Корсаков? – Дондуковых или Дондуковых-Корсаковых, но последний, как известно, был сочинен и утвержден только в 1816 г. Если бы князь Дондуковы обладали утверждённым (не утвержденным, самобытным) гербом, вероятно, он нашел бы отражение в многочисленных источниках и литературе по истории российского дворянства и геральдики. Отсутствие длительное время герба объясняется, возможно, тем, что только в 1798 г. император Павел I приравнял титулы и звания феодальной элиты горских и кочевых народов с российскими титулами и званиями, допустил включение их гербов и фамильных символов в «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи» [23, с. 3–4].

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи», отмечается, что передача *герба, княжеского достоинства и фамилии* Дондуковых Никите Ивановичу Корсакову произошла по прошению его жены Веры Корсаковой, дочери умершего бригадира князя Ионы Дондукова, последней в роду князей Дондуковых. 29 января 1816 г. утвержден и герб князя Дондукова-Корсакова. Копия герба выдана из Герольдии Правительствующего Сената кн. Никите Ивановичу Дондукову-Корсакову 27 июля 1820 г. [24, с. 133]. Это официальная версия. Она вошла во многие исследования по генеалогии и геральдике российского дворянства. Фактически первым гербом Дондуковых стал герб Дондуковых-Корсаковых в 1816 г. [19, с. 79; 25, с. 453–454].

Кн. Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков не приводит Сенатский указ, видимо, не зная о его существовании. Более того, некоторые исследователи не заметили принципиальной ошибки А. М. Дондукова-Корсакова. Он приписал принятие княжеского титула, фамилии и герба 10 сентября 1820 г. Никите Ивановичу Дондукову-Корсакову, в действительности титул, фамилию и герб получил Михаил Александрович Дондуков-Корсаков.

Принятие княжеского титула, фамилии и герба Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков связывает с Никитой Ивановичем Корсаковым и приездом в 1816 г. в Петербург калмыцкого князя Тюменя с миссией «по калмыцким делам», и отдельно о возвращении Никите Ивановичу Дондукову-Корсакову Бага-Цохурского улуса. Правительство отказалось возвращать улус, но вместо этого было разрешено 10 сентября 1820 г. принять фамилию Дондуков-Корсаков и княжеский титул, тогда же и был составлен герб Дондуковых-Корсаковых [3, с. 70–71].

5 ноября 1819 г. Михаил Александрович Корсаков, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, потомок третьей линии рода Корсаковых, женился на единственной дочери князя Никиты Ивановича и княгини Веры Ионовны Дондуковых-Корсаковых княжне Марии.

По мнению кн. Алексея Михайловича, после свадьбы дочери Н.И. Дондуков-Корсаков ходатайствовал о передаче фамилии и титула зятю – М.А. Корсакову, на что 10 сентября 1820 г. последовало Высочайшее соизволение, сочинен был герб, соединяющий обе эти фамилии. Этот Указ позволял Михаилу Александровичу Корсакову принять титул тестя *только после смерти последнего*, однако фактически он стал им пользоваться сразу [3, с. 70–71].

26 сентября 1829 г. Высочайшим указом титул и фамилия были распространены на все нисходящее потомство Михаила Александровича Корсакова со времени Всемилодивейшего пожалования в 1820 г. [17, с. 447].

Окончательное утверждение рода Дондуковых-Корсаковых в княжеском достоинстве Российской империи последовало при Указе Герольдии Правительствующего Сената от 5 декабря 1847 г. [26].

Согласно официальной версии, герб Дондуковых-Корсаковых был сочинен и утвержден в 1816 г. и представляет собой соединение гербов Корсаковых и Дондуковых, на чем необходимо остановиться более подробно. Дворянский герб Корсаковых восходит к XIV в., но фактически ведется его обладание и пользование от православного Полоцкого архиепископа (1552 г.) Герасима (Глеб Иванович Корсак), род которого разделился на несколько ветвей. Основной рисунок герба, отмечал А.Б. Лакиер, составлен, по объяснению одних, из двух лилий цвета черного, соположенных основаниями в поле белом, а по мнению других, из двух положенных в Андреевский крест рукояток сабель, или из двух якорей, или, наконец, датских алебард (табл. XX, рис. 24). Род Корсаков очень древен в Литве. У нас см. гербы Корсаковых (I, 83); Дондуковых-Корсаковых (X, 133) и Римских-Корсаковых (II, 52) [27, с. 435–436].

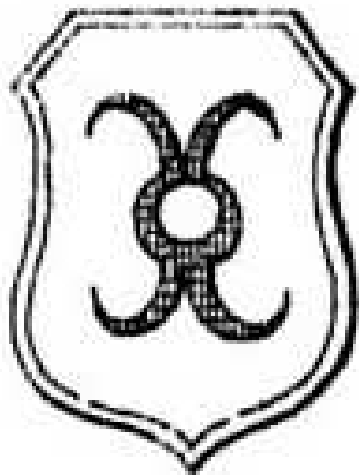

Рис. 1. Герб Корсак. Источник: [27, с. 435–436. Табл. XX, № 24]. Fig. 1. Coat of arms Korsak. Source: [27, p. 435–436, Table XX, No. 24]

Род Корсак внесен в VI часть родословной книги Виленской, Витебской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской губерний Российской империи. Герб Корсак являлся старшим в роду и имел только одну фигуру, которая в гербах последующих поколений и новых гербообладателей обязательно присутствует в первой или во второй четверти главы герба, второй и третьей частях нового герба. Независимо от ветви рода, всех их связывает эмблема, доказывающая единство происхождения [См.: гербы Корсак, Корсаковых, Дондуковых-Корсаковых, Римских-Корсаковых].

Основанием для герба Дондуковых-Корсаковых послужил герб Корсаковых. Если бы существовал княжеский герб Дондуковых, то согласно «Жалованной грамоты дворянству» и правилам геральдики, главным (базовым) гербом выступал бы старший в сословной иерархии титулованный герб князей Дондуковых. Форма герба Корсаковых французского типа, четырехугольная, заостренная книзу, утвержденная в 1797 г. для составления Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи. Таковые преобладали в российской дворянской родовой, городской и знаменной геральдике.

«Щит четверочастный, посредине находится малый щиток, имеющий семь полос, из которых одна вверху голубая с тремя на ней изображенными горизонтально серебряными шестиугольными звездами, а прочие полосы серебряные и красного цвета; по верху сего щитка наложена дворянская корона, над которою виден серебряный Полумесяц рогами вверх обращенный и золотой над ним Крест. В первом голубом поле, идущий налево серебряный Медведь; во втором красном поле два серебряные якоря связанные кольцом; в третьем красном же поле положены крестообразно две серебряные Сабли остроконечием обращенные к подошве щита; в четвертом голубом поле серебряная Башня с двумя зубцами. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом со страусовыми перьями. Намет на щите с правой стороны голубой, а с левой красный, подложенный серебром» [28, с. 83].

Первым обладателем герба князей Дондуковых-Корсаковых являлся кн. Никита Иванович – Дондуков-Корсаков (с 1816 г.), т.е. до свадьбы Михаила Александровича Корсакова в 1819 г. и приобретения им фамилии и титула Дондуковых-Корсаковых.

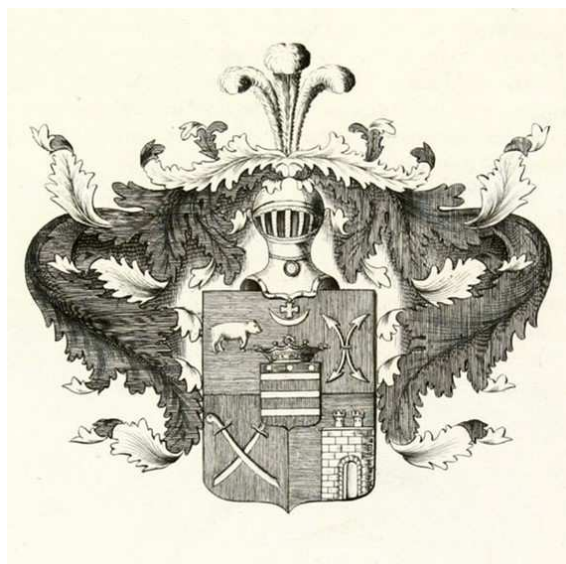

Рис. 2. Герб рода Корсаковых. Источник: [28, с. 83] /
Fig. 2. The coat of arms of the Korsakov family [28, с. 83]

Рис. 3. Герб рода Дондуковых-Корсаковых. Источник: [Официальная версия. Общий Гербовник. Ч. 9. 1816. С. 133]. Fig. 3. The coat of arms of the Dondukov-Korsakov family. [Official version. OG. Ch. 9. 1816. P. 133]

«К дворянскому гербу рода Корсаковых, по случаю дозволения Полковнику Корсакову принять герб и фамилию Князя Дондукова, прибавлена вершина, в которой в правом горностаевом поле видна выходящая из облака в латах рука держит серебряную булаву; в левом золотом поле, ездок в латах, скачущий на белом коне в левую сторону, с поднятым вверх мечем.

Щит увенчан дворянскими шлемом и дворянской короной с страусовыми перьями. Намет на щите голубой и золотой, подложенный серебром и красным, располагается внутри мантии. Щитодержателями поставлены: с правой стороны воин с копьём, а с левой калмык, имеющий на бедре саблю, а за плечами колчан со стрелами. Весь щит покрыт княжескою мантией и княжеской шапкой» [24, с. 133].

Княжеская мантия из пурпурного бархата, отделанного золотой бахромой и подбита горностаевым мехом, что всегда служило отличительным признаком власти. Изображается черными значками, усеянными по белому полю. В княжеском гербе изменился цвет намета, добавлен золотой, более высокий уровень.

По мнению кн. Алексея Михайловича Дондукова-Корсакова, внизу под щитом висел Мальтийский крест. Никита Иванович был членом Мальтийского ордена, но в печатной версии герба, Мальтийский орден исчез [3, с. 71]. Следует сказать, что в гербе Римских-Корсаковых присутствует под малым щитом рантованный (просверленный) условный пятилистник, который нередко указывал на место в родовой иерархии.

В многочисленных исследованиях по истории российской геральдики – А.Б. Лакиера, В.К. Лукомского, барона фон Н.А. Типольта, фон П.П. Винклера и других ученых – дается характеристика фигур, цветов и символов, использовавшихся в российской геральдике, раскрывающая личные качества гербообладателя и его рода. Малый щит в центре большого (основного) щита – пересечен семью полосами, из которых верхняя голубая с тремя на ней изображенными горизонтально серебряными шестиугольными звездами, [голубой цвет – величие, красота, ясность; три серебряные шестиугольные звезды – достижение чинов и званий службой, по другим данным – три основные ветви рода Корсаковых – Корсаковы, Дондуковы-Корсаковы, Римские-Корсаковы]. Серебряные полосы – невинность, белизна, девственность; красные полосы – храбрость, мужество, неустрашимость; дворянская корона означает пожалование прав и привилегий высшего сословия от Высочайшего имени; над которой расположен серебряный полумесяц, обращенный

рогами вверх и золотой над ними крест – часто в геральдике трактуется, как победа христианства над исламом или связь с исламом (в данном случае подчинение буддизма христианству, намек на крещение в православие княгини Джан и ее детей в 1744 г.).

Шапка княжеская венчает мантию – признак власти, мантия горностаевая – принадлежность к княжескому достоинству. Горностаевый мех наряду с беличьим причислен к геральдическим цветам, означающий чистоту и власть.

Предметы военного быта являются наиболее распространенными в российской геральдике, они относятся к искусственным фигурам, нашли также отражение в гербах Корсаковых и Дондуковых-Корсаковых. Рука в латах с булавой, выходящая из облака в горностаевом поле – символ власти, принадлежности к казачеству, верности государственной и военной службе (Корсаковы и Римские-Корсаковы служили в полку Конной гвардии офицерами, а Александр Римский-Корсаков и командиром полка, кн. Иона Дондуков служил в Преображенском полку) [29].

Булава – принадлежность калмыков к казачьей службе (указание на участие калмыков в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. в составе казачьих частей и иррегулярной конницы).

В золотом поле всадник, скачущий в левую (негеральдическую) сторону – символ принадлежности к кавалерии (коннице); золотой цвет означает богатство, силу, верность, чистоту, постоянство. По мнению кн. Алексея М. Дондукова-Корсакова всадник на коне – литовский герб, исторические корни рода Корсаковых [3, с. 71].

В голубом поле серебряный медведь, (проходящий) идущий в левую негеральдическую сторону – символ силы и предусмотрительности, нередко изображается черной финифтью.

В красном поле два серебряных якоря, связанных кольцом – красный цвет означает храбрость, мужество, неустрашимость, военный быт гербообладателя.

В красном поле две перекрещенные сабли – атрибуты мусульман и буддистов, обращенных в христианство и заслуживших дворянство на поле брани; лучшие свидетельства военной доблести.

В голубом поле серебряная крепость с двумя небольшими башнями (негеральдическая искусственная фигура), означавшая историческое право на владение городами и местностями, принадлежности гербообладателя к городам и местности. Ворота крепости открыты, а башенные окна закрыты.

Щитодержатели свидетельствуют о представлениях создателей гербов о средневековом рыцарстве и калмыках, указывают на исторические литовские и калмыцкие корни рода Дондуковых-Корсаковых и причину пожалования княжеского достоинства.

Воин в западноевропейском рыцарском одеянии с копьем в правой руке и калмык обращены к щиту, головы чуть повернуты в сторону смотрящего на герб. Согласно требованиям геральдики, щитодержателей имели право помещать на герб только лица внесенные в 4-ю, 5-ю и 6-ю часть Губернской Дворянской родословной книги.

Калмык в национальной одежде второй половины XVIII – начала XIX в. – халат распашной, посередине, длиной не доходя до земли 7–10 вершков. Бешмет, отрезной по талии, с прилегающим силуэтом в верхней части. П.С. Паллас писал о мужской одежде этого времени: «Носят кафтан с узкими рукавами, полукафтанье или бешмет, который застегивают и опоясывают кушаком. Зажиточные калмыки носят также короткую спереди распашную рубашку, и сшитые из холста или китайки портки» [30, ч. 1, с. 460].

Обувь – сапоги кожаные, одетые поверх вязаных (валяных) шерстяных чулков. Шапка небольшая, круглая с опушкой.

Следует отметить, что помимо официально утвержденного существуют различные варианты герба князей Дондуковых-Корсаковых. Самобытные, неутвержденные, помещенные в исследованиях по истории российского дворянства [9, с. 220].

Калмыцкие мотивы в российской геральдике получили дальнейшее продолжение. Многочисленный род Дондуковых-Корсаковых пресёкся по мужской линии в начале XX в. после смерти 13 ноября 1902 г. князя Владимира Михайловича Дондукова-Корсакова, последнего мужчины в роду князей Дондуковых-Корсаковых. 12 января 1907 г. было Высочайше утверждено положение 1-го департамента Сената: отставному гвардии полковнику Льву Иванову Изъединову дозволено присоединить к своим фамилии и гербу-фамилии, герб и титул князей Дондуковых и именовать-

ся впрямь князем Дондуковым-Изъединовым с ограничениями, установленными в ст. 10 и 11 прил. к статье 79 Зак. сост. изд. 1889 г. [31, с. 6].

Фамилия и герб рода Дондуковых-Корсаковых были присвоены мужу его дочери Надежды, полковнику Льву Изъединову. Герб Дондуковых-Изъединовых не внесен в Общий Гербовник, Гербовник Царства Польского или Дипломные сборники [32].

Во второй половине XIX – начале XX в. деятельность Гербового отделения департамента Герольдии Сената оживилась под руководством А.П. Барсукова, позже – В.К. Лукомского. Однако до 1917 г. герб Дондукова-Изъединова не был оформлен и утвержден, а после Великой Октябрьской социалистической революции, когда потеряли значение все сословные различия, дворянские гербы и сопутствующие им материалы сохранялись как исторические источники.

Итак, в российской геральдике этнические русские, калмыцкие, литовские и иные мотивы остаются важным показателем формирования господствовавшего класса, политики привлечения к государственному сотрудничеству национальной феодальной знати. Смешение родов и гербов повышало статус их обладателей, открывало широкие возможности на военной, статской (гражданской) и придворной службе

Список источников

1. Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис: Тип. Главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1882. Приложение. Н.А. Волконский. Портрет и биография генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. 506 с.
2. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб.: Тип. 2-го отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1855. Кн. 1. 304 с.
3. *Дондуков-Корсаков А.М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. 108 с.
4. Список генералам по старшинству. СПб.: Военная тип., 1863. 664 с.
5. Мои воспоминания. 1840–1844. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна : ист. сб. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. Кн. 5.
6. Донские картинки. № 4. Из памятной книжки А.А. Карасева. Новочеркасск: Тип. Ф.М. Туникова, 1908. 21 с.
7. Список генералам по старшинству. СПб.: Военная тип., 1885. 864 с.
8. Иллюстрированная хроника войны. 1878. № 56, Т. 2, № 6. Приложение к № 461. 440 с.
9. *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб.: Герман Гоппе, 1885. Т. 1. 400 с.
10. *Митиров А.Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с. URL: <http://kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/mitirov/dondukdashi2.htm> (дата обращения: 10.07.2021).
11. Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). Т. VI. СПб., 1830. № 3890. П. 5, 11, 15. С. 486, 492.
12. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 1–10. СПб., 1803–1840.
13. Сборник дипломных гербов российского дворянства, невнесенных в Общий гербовник (Дипломный сборник). Ч. 1–20. URL: <https://gerbovnik.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
14. Гербы, невнесенные в Общий гербовник, Гербовник Царства Польского и дипломные сборники; дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / сост. А. Бобринский. Ч. 1, 2. СПб.: Тип. М.А. Стасюлевича, 1890. 795 с.
15. *Канторович Я.А.* Законы о состояниях (свод законов Т. IX, изд. 1899 г., по Прод. 1906, 1908 и 1909 гг.): с разъяснениями, извлеч. из Кодификационной объяснительной записки к Законам о состояниях, изд. 1899 г. [и др.]. 2-е изд., значит. доп. СПб.: Право, 1911. XX, 1032 с.
16. Законы о состояниях с дополнительными узаконениями по 1-е июля 1901 г. / сост. Я.А. Канторович. К Своду Законов о состояниях. Т. IX. Кн. 1. Изд. 1899. СПб.: Изд. Я.А. Канторовича, 1901. 1032 с.
17. Сборник биографий кавалергардов: 1724–1899: по случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества государыни Императрицы Марии Федоровны полка: 1762–1801 / под ред. С. Панчулидзева. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. Т. 2. 470 с.
18. Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб.: Тип. Н.Е. Евстифеева, 1893. 66 с.
19. *Корнева Н.М.* К истории родов Дондуковых, Корсаковых и Дондуковых-Корсаковых // Псков. 2001. № 14. С. 77–85.
20. Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). СПб., 1830. Т. XXV, № 16187. С. 352.
21. Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). СПб., 1830. Т. XXIV, № 18081. С. 671–673.

22. Российское дворянство. URL: <http://goldarms.narod.ru/sankt-peterburg.htm> (дата обращения: 12.08.2021).
23. Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). Т. XXV. СПб., 1830. № 18302. С. 3–4.
24. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. IX. С. 133.
25. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / сост. А. Бобринский. Ч. 2: От начала XVII столетия до 1885 года. СПб.: Тип. М.А. Стасюлевича, 1890. 795 с.
26. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 353. – О возведении в княжеское достоинство рода Дондукова-Корсакова. 1848 г.
27. Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1855. Кн. 2.
28. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 1–10. СПб., 1797–1816. Ч. 1. С. 83.
29. История лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848 / составлена полковым адъютантом лейб-гвардии Конного полка, флигель-адъютантом ротмистром Анненковым. СПб.: Тип. Академии наук, 1849. Ч. 1. 359 с.; Ч. 4. 326 с.
30. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1773. Ч. 1. 786 с.
31. Бухе А.А. Список титулованным родам и лицам Российской империи с 1894 до 1908 года / сост. б. пом. обер-секретаря Деп. герольдии Правительствующего сената А. Бухе. М.: Ист.-родослов. о-во в Москве, 1908. 14 с.
32. РГИА. Ф. 1343. Оп. 42. Д. 15. 1907 г. 48 л. Дело Департамента Герольдии Правительствующего Сената по всеподданнейшему прошению состоявшего в звании камергера Высочайшего Двора князя Владимира Михайлова Дондукова-Корсакова, о присоединении фамилии князей Дондуковых, с присвоенным ей гербом и титулом к фамилии мужа старшей дочери его полковника Льва Изъединова.

References

1. *The Caucasian calendar for 1883*. Tiflis: Main Directorate of the Commander-in-Chief of the Civil Unit in the Caucasus Press; 1882. Appendix. N.A. Volkonsky. Portrait and biography of Adjutant General Prince Alexander Mikhailovich Dondukov-Korsakov. 506 p. (In Russ.).
2. Lakier A.B. *Russian Heraldry*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1855. Book 1. 304 p. (In Russ.).
3. Dondukov-Korsakov A.M. *The family of Princes Dondukov-Korsakov*. Tiflis: Office of the Commander-in-Chief of the civil unit in the Caucasus Press; 1886. 108 p. (In Russ.).
4. *List of generals by seniority*. St. Petersburg: Military Printing House; 1863. 664 p. (In Russ.).
5. My memories. 1840-1844. Prince Dondukov-Korsakov. *Antiquity and novelty*. Historical collection. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich; 1902. Book 5. (In Russ.).
6. *Don pictures. No. 4. From the memorial book of A.A. Karasev*. Novocherkassk. Printing House of F.M. Tunikov; 1908. 21 p. (In Russ.).
7. The list of generals by seniority. St. Petersburg: Military Printing House; 1885. 864 p. (In Russ.).
8. *Illustrated chronicle of the war*. 1878. No. 56, Vol. 2, No. 6. Appendix to No. 461. 440 p. (In Russ.).
9. Petrov P.N. *History of the clans of the Russian nobility*. St. Petersburg: German Hoppe Publ.; 1885. Vol. 1. 400 p. (In Russ.).
10. Mitirov A.G. *Oirats-Kalmyks: centuries and generations*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1998. 384 p. Available from: <http://kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/mitirov/dondukdashi2.htm> [Accessed 10th July 2021]. (In Russ.).
11. *The complete collection of laws of the Russian Empire* (the first collection). Vol. VI. St. Petersburg, 1830. No. 3890. 5, 11, 15: 486, 492. (In Russ.).
12. *The General Coat of Arms of the noble families of the All-Russian Empire, started in 1797*. Parts 1-10. St. Petersburg: 1803-1840. (In Russ.).
13. *Collection of diploma coats of arms of the Russian Nobility, not included in the General Coat of Arms (Diploma Collection)*. Part 1-20. Available from: <https://gerbovnik.ru> [Accessed 20th March 2019]. (In Russ.).
14. *Coats of arms not included in the General Coat of Arms, the Coat of Arms of the Kingdom of Poland and Diploma collections; Noble families included in the General Coat of Arms of the All-Russian Empire*. Comp. by A. Bobrinsky. Parts 1, 2. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich; 1890. 795 p. (In Russ.).
15. Kantorovich Ya.A. *Laws on states: (Code of Laws Vol. IX, ed. 1899, according to the Prod. 1906, 1908 and 1909): with explanations, extracted from: Codification Explanatory Note to the Laws on States, ed. 1899 [and others]*. 2nd ed., cor. add. St. Petersburg: Pravo Publ.; 1911. XX, 1032 p. (In Russ.).

16. *Laws on states with additional legalizations by July 1, 1901*. Comp. Ya.A. Kantorovich. To the Code of Laws on States. Vol. IX. Book 1. Ed. 1899. St. Petersburg: Printing House of Ya.A. Kantorovich; 1901. 1032 p. (In Russ.).

17. *Collection of biographies of cavalry guards: 1724-1899: on the occasion of the centenary of the Cavalry Guards of Her Majesty Empress Maria Feodorovna regiment: 1762-1801*. Vol. 2. Ed. by S. Panchulidzev. St. Petersburg: Expedition of Procurement of State Papers Press; 1904. 470 p. (In Russ.).

18. *List of persons of the Korsakov family, Rimsky-Korsakov and Princes Dondukov-Korsakov with brief biographical information*. St. Petersburg: Printing House of N.E. Evstifeev; 1893. 66 p. (In Russ.).

19. Korneva N.M. On the history of the Dondukov, Korsakov and Dondukov-Korsakov genera. *Pskov*. 2001;(14):77-85. (In Russ.).

20. *The complete collection of laws of the Russian Empire (The first collection)*. St. Petersburg, 1830;XXV(16187):352. (In Russ.).

21. *The complete Collection of laws of the Russian Empire (The first collection)*. St. Petersburg, 1830; XXIV(18081):671-673. (In Russ.).

22. *Russian nobility*. Available from: <http://goldarms.narod.ru/sankt-peterburg.htm> [Accessed 12th August 2021]. (In Russ.).

23. *The complete collection of laws of the Russian Empire (The first collection)*. St. Petersburg, 1830;XXV(18302):3-4. (In Russ.).

24. *The General Coat of Arms of the noble families of the All-Russian Empire*. Part IX. 133 p. (In Russ.).

25. *Noble families included in the General Coat of Arms of the All-Russian Empire were made by Count Alexander Bobrinsky*. Part 2. From the beginning of the 17th century to 1885. St. Petersburg: Printing House of M.A. Stasyulevich; 1890. 795 p. (In Russ.).

26. *Russian State Historical Archive*. Fund 1343. In. 46. File 353. On the elevation of the Dondukov-Korsakov family to princely dignity. 1848. (In Russ.).

27. Lakier A.B. *Russian heraldry*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1855. Book 2. (In Russ.).

28. *The general Coat of Arms of the noble families of the All-Russian Empire, begun in 1797*. Parts 1-10. St. Petersburg, 1797-1816. Part 1. 83 p. (In Russ.).

29. *History of the Life Guards of the Cavalry Regiment. 1731-1848*. Part 1. Compiled by the regimental adjutant of the Life Guards of the Cavalry Regiment, wing-adjutant Captain Annenkov. St. Petersburg: Academy of Sciences Press; 1849. 359 p.; Part 4. 326 p. (In Russ.).

30. Pallas P.S. *Journey through different provinces of the Russian Empire*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press; 1773. Part 1. 786 p. (In Russ.).

31. Buhe A.A. *List of titled families and persons of the Russian Empire from 1894 to 1908*. Comp. by deputy Chief Secretary of the Dep. Herald of the Governing Senate by Alexander Buhe. Moscow: Historical and Genealogical Society in Moscow Press; 1908. 14 p. (In Russ.).

32. *Russian State Historical Archive*. Fund 1343. In. 42. File 15. 1907. L. 48. The case of the Department of the Heraldry of the Governing Senate, at the most sincere request of Prince Vladimir Mikhailov Dondukov-Korsakov, who held the rank of chamberlain of the Highest Court, to attach the surname of the Princes Dondukov, with the coat of arms and title assigned to it, to the surname of the husband of his eldest daughter, Colonel Lev Izvedinov. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Агафонов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культурологии.

Information about the author

A.I. Agafonov – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 94(410)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-62-71

ВЗГЛЯДЫ Г. КЭМПБЕЛЛ-БАННЕРМАНА И ЛИБЕРАЛ-РАДИКАЛЬНОЙ ФРАКЦИИ В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ ЛИБЕРАЛОВ В ОППОЗИЦИИ ПО ВОПРОСАМ АНГЛО-ГЕРМАНСКОГО СДЕРЖИВАНИЯ И КОЛОНИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Олег Олегович Бойко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
boykooleg9059@gmail.com

Аннотация. Изучается деятельность политиков радикальной фракции либеральной партии и их непосредственной роли в выработке внешнеполитического курса Великобритании в конце XIX – начале XX в. Анализируются причины и условия, которые оказали влияние на поляризацию мнений внутри радикальной фракции либеральной партии в период пребывания либералов в оппозиции в отношении политики государства за рубежом. Исследование базируется на широком круге источников: мемуарах участников событий, публичных речах предвыборных кампаний, материалах частных переписок политических деятелей Великобритании. Поражение либеральной партии на выборах в 1895 г. привело к ее внутреннему расколу. Либерал-империалисты стали активно поддерживать внешнеполитический курс правительства консерваторов, считая, что именно такая политика даст возможность Британии вернуть себе власть в мире. Внутри радикальной фракции не существовало единого мнения. Некоторые политики, к ней принадлежащие, стремились решать проблемы мирным путем, опираясь на идеи, описанные в философии «нового либерализма». Иные крупные политики, такие как Д. Кимберли и Ч. Дильк считали, что призывы к миру будут расцениваться в негативном свете. Другие стремились действовать по обстоятельствам. Таким образом, к 1903–1904 гг. у радикальной фракции все еще не было конструктивной программы и альтернативной политики в колониальных вопросах и относительно европейских дел.

Ключевые слова: Великобритания, либерал-радикалы, Д. Морли, У. Харкорт, Ч. Дильк, Г. Кэмпбелл-Баннерман, англо-германское сдерживание, колониальная борьба

Для цитирования: Бойко О.О. Взгляды Г. Кэмпбелл-Баннермана и либерал-радикальной фракции в период пребывания либералов в оппозиции по вопросам англо-германского сдерживания и колониальной борьбы в конце XIX – начале XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 62–71.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE VIEWS OF H. CAMPBELL-BANNERMAN AND THE LIBERAL-RADICAL FRACTION IN THE PERIOD OF THE LIBERALS IN OPPOSITION ON ISSUES OF THE ENGLISH-GERMAN CONTAINMENT AND THE COLONIAL STRUGGLE IN THE END OF THE 19th - BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Oleg O. Boyko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
boykooleg9059@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of politicians of the radical faction of the Liberal Party and their direct role in the development of the foreign policy of Great Britain in the late 19th - early 20th century. The author analyzes the causes and conditions that influenced the polarization of opinions within the radical faction of the Liberal Party during the period when the liberals were in opposition to state policy

abroad. The study is based on a wide range of sources: memoirs of participants of the events, public speeches of election campaigns, materials of private correspondence of significant political figures in the UK. The defeat of the liberal party in the elections in 1895 led to its internal split. The liberal-imperialists began to actively support the foreign policy of the Conservative government, believing that such a policy would enable Britain to regain power in the world. There was no consensus within the radical faction. Some politicians belonging to it sought to solve problems peacefully, relying on the ideas described in the philosophy of “new liberalism”. Other major politicians, such as D. Kimberley and C. Dilk, believed that calls for peace would be viewed in a negative light. Others strove to act according to circumstances. Thus, by 1903-1904, the radical faction still lacked a constructive program and alternative policy in colonial and European affairs.

Keywords: Great Britain, liberal radicals, D. Morley, W. Harcourt, C. Dilk, H. Campbell-Bannerman, English-German containment, colonial struggle

For citation: Boyko O.O. The Views of H. Campbell-Bannerman and the Liberal-Radical Fraction in the Period of the Liberals in Opposition on Issues of the English-German Containment and the Colonial Struggle in the End of the 19th - Beginning of the 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):62-71. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В 1890-х гг. внешняя политика Великобритании в отношении Германии и по колониальному вопросу нуждалась в существенных коррективах из-за стремительно меняющегося миропорядка. В результате обновления либеральной философской мысли в конце XIX в. произошла трансформация взглядов среди правящей либеральной элиты Великобритании. Либерал-империалисты во главе с А. Розбери, находившиеся у власти в 1894–1895 гг., считали необходимым проводить агрессивную империалистическую внешнюю политику для защиты интересов Британии. Другой позиции придерживались либералы радикального толка. Хронологическими рамками работы являются конец XIX – начало XX в. (период изменений в идеологической подоплеке либерализма и раскол в либеральной партии на фоне необходимости резкой смены внешнеполитического курса Великобритании).

Историография проблемы представлена трудами британских и американских авторов XX – XXI вв. Исследованию особенностей формирования внешнеполитического курса Великобритании периода 1890–1900-х гг. посвящены работы таких ученых в области политической истории, как А. Дэннис [1], Д. Лоуренс [2] и Д. Ким [3]. Британские историки В. Эми [4], А. Сайкс [5] уделяли внимание изучению причин расцвета и упадка либерализма в Британии, политическим и экономическим факторам проведения реформ власти, а также трансформации либеральных идейных концептов государственного устройства. Исследователи Д. Спендер [6] и Р. Дженкинс [7] анализировали общие тенденции в британской либеральной политической среде и деятельность отдельных государственных мужей.

Цель данной статьи – изучение идеологических концепций и практических шагов видных либерал-радикальных политических деятелей Великобритании в период оппозиции касательно внешней политики державы.

В период с 1894 по 1895 г., будучи министром иностранных дел, А. Розбери игнорировал принципы экс-премьер-министра У. Гладстона в пользу преемственности политики уходящих консерваторов. Конфронтация между ними активно наметилась еще во время нахождения У. Гладстона у власти в 1892–1894 гг. Фракция радикалов во главе с У. Гладстоном считала неприемлемым нахождение английских войск в Египте и дальнейшую экспансию Британии в Северную и Восточную Африку. Однако А. Розбери и империалистически настроенные либералы видели в расширении территорий Англии жизненную необходимость [1]. А. Розбери осуждал гладстоновский индивидуализм как внутри страны, так и за рубежом и, наоборот, связывал имперскую экспансию с социальными реформами. Конфликт радикалов и империалистов касался и увеличения расходов на вооружение, необходимого для экспансии в Египте и Судане.

За потребностью увеличить расходы стояла международная напряженность, возникшая в результате конфронтации между Британией и Францией и растущего сближения Франции с Россией [2]. Внутренняя борьба радикальных политиков с другими проимпериалистически настроенными политическими и военными силами в стране привела к их уходу с различных государ-

ственных постов в 1894 г. на фоне возможной войны с Францией из-за конфликта интересов в долине Нила. Партию разделяли несколько фундаментальных вопросов, решение которых имело основополагающее значение для ее долгосрочного будущего, а именно политики в отношении империализма и отношений с рабочим и средним классами [5].

Поражение либеральной партии на выборах в 1895 г. произошло из-за двух важных причин, во-первых, не было эффективного руководства, а во-вторых – единой программы, вокруг которой партия могла бы объединиться. Либерал-империалисты стали активно поддерживать внешнеполитический курс правительства консерваторов, считая, что именно такая политика даст возможность Британии вернуть себе власть в мире [5]. Британский либерал-радикальный политик и историк Д. Морли был сторонником политики У. Гладстона. В 1895 г. в ответ на письмо У. Харкорта, номинального лидера в партии после ухода А. Розбери, он отмечал, что ни один лидер оппозиции никогда не сталкивался с более обескураживающей задачей, чем возглавить либеральную партию в Палате общин после ее великого поражения в 1895 г. [8]. Таким образом, важно отметить, что поражение для партии после резкой смены курса в период главенства А. Розбери поставило все ее фракции под удар. Британии было необходимо так или иначе реагировать на внешние вызовы в Африке и на Востоке, а также не проявлять слабость в европейской политике. Либерал-империалисты считали, что более не возможно проводить политику изоляции, так как страна может потерять влияние в мире. Либералы с радикальными взглядами придерживались иного мнения [4].

Представитель радикальной фракции либеральной партии У. Харкорт стремился решать существующие проблемы мирным путем. Важно отметить, что он хотел свести к минимуму основания для возникновения противоречий с Францией в Африке, так как понимал, что ситуация в мире складывается не в пользу Британии. Именно в 1895 г. У. Харкорт писал по этому поводу либеральному политику и дипломату Д. Кимберли: «...мы должны рассчитывать на враждебность Германии. Важно учитывать это в наших отношениях с Францией по африканским вопросам. Мы можем быть уверены, что если у Германии будет возможность поставить нам подножку, она это сделает...» [9]. Следовательно, политик видел в Германии и Тройственном союзе угрозу для Британии. Он был уверен в том, что Германия будет следовать собственным интересам в отличие от Франции, с которой можно прийти к соглашению.

С приходом к власти консерваторов между ними и либералами, занимающими должности в палате общин, начинается конфронтация. В мемуарах У. Харкорт как лидер либеральной партии в Палате общин писал: «...меня не снабжают бумагами и не информируют о намерениях Министерства иностранных дел. Чем больше я прошу их (официальные бумаги. – О.Б.), тем больше я их не получаю...» [9]. Либеральные империалисты во главе с А. Розбери с опорой на идеи «нового либерализма» продолжали идеологически отдаляться от партии и стремились проводить империалистический курс. Философское течение «нового либерализма» развивалось вне официальной риторики, т. е. в дискуссионных обществах, в прессе и специализированных газетах, таких как «Прогрессивное обозрение», «Нация» [4].

Новое течение оказало влияние не только на приверженцев империалистического курса. Некоторые радикалы поддерживали позицию британского экономиста и политика Д. А. Гобсона, который считал, что с помощью перераспределения доходов, создания расширенного внутреннего рынка можно устранить необходимость имперской экспансии [7]. Значит, в либеральном радикализме также происходили изменения. Соответственно, это способствовало появлению в радикальных кругах новых приоритетов и смены восприятия политической аргументации.

Несмотря на идейный раскол в либеральной партии, империалисты первыми мобилизовались для продвижения собственной политической линии в отличие от радикалов. Вокруг А. Розбери образовался круг близких ему империалистически настроенных либералов – Г. Асквит, Р. Холдейн, Э. Грей, Г. Фаулер. Он стремился сформировать группу людей, которая бы смогла оказывать давление на других политиков и в конечном итоге захватить лидерство в партии. В данном контексте необходимо обратить внимание на позицию радикалов в противовес империалистам. В своих мемуарах либеральный политик Д. Кимберли пишет, что относится к зарождающейся либеральной лиге с абсолютным презрением, однако старается избрать золотую середину между А. Розбери и Г. Кэмпбелл-Баннерманом [10].

Положение внутри радикального крыла партии было неоднозначным. Подтвердить это позволяют записи либерального политика радикального толка Ч. Дилька. Он отмечает, что хотя У. Харкорт победил на дополнительных выборах в 1896 г. и был номинальным лидером, но прогрессивным крылом партии все еще не была сформулирована единая политическая линия [11]. Внутрипартийное противостояние усугублялось разногласиями по зарубежной политике, возникшими в результате критики либеральными империалистами У. Харкорта и Д. Морли за приверженность идеям «Малой Англии». Тем не менее радикальные политики, оправившись от кризисного провала на выборах 1895 г., также стали стремиться создать программу реформирования государства и внешней политики, чтобы одержать верх на следующих выборах [12].

Следовательно, именно поэтому в 1896 г. на первый план дискуссий британских радикалов вместо экономики и ирландского вопроса выходит внешняя политика. Обратим внимание на высказывания либерала Д. Морли касательно будущего курса Великобритании. В ежегодной речи в избирательном округе Монтроуз Бергс в конце 1896 г. он сделал акцент на необходимости вести себя осмотрительнее во внешней политике: «...состояние Европы, каково оно есть, потребует от нас всей осторожности, всего мужества...» [8]. Также Д. Морли подчеркивал, что острое международное соперничество уже вторглось в сферу торговли и успешный прогресс других стран начал вызывать в Англии беспокойство. По его мнению, несмотря на попытки наладить отношения с Рейхом в начале 1890-х гг., соперничество с Германией фактически стало гораздо ближе [8].

Либерал У. Харкорт в своих мемуарах пишет: «Франция бросала нам вызов в долине Нила. Германия под влиянием молодого императора агрессивно проявила себя на Ближнем Востоке...» [9]. Отсюда можно сделать вывод, что крупные радикальные политики осознавали возможные угрозы со стороны как Франции, так и Германии. Наибольшее беспокойство у Харкорта вызвала телеграмма немецкого кайзера Вильгельма II президенту Южно-Африканской Республики П. Крюгеру. По его мнению, это привело к разрыву между двумя европейскими нациями. Исходя из высказываний У. Харкорта и других радикалов, следует отметить, что возможность войны с Германией часто фигурировала в дискуссиях радикалов и была причиной серьезных опасений [9].

В отличие от империалистов радикалы не стремились создать свою собственную организацию. Они настаивали на более активной роли Национальной либеральной федерации, но их требования противоречили взглядам влиятельных империалистически настроенных членов федерации, которые по существу предпочитали вигийский стиль политики. Представители радикальной фракции подчеркивали, что «основным принципом либеральной федерации является участие всех членов партии в формировании и направлении ее политики...» [4].

Делегация Радикального комитета, собранная в августе 1895 г. во главе с Ч. Дильком, Г. Лабушером и У. Харкорт, стремилась к тому, чтобы Совет либеральной федерации был открыт для свободного обсуждения любого вопроса, затрагивающего принципы либеральной партии [4]. Таким образом, к 1896 г. радикальная фракция продолжала пытаться обрести лидерство в Национальной либеральной федерации с целью получения поддержки населения на местах. Уже состоящие в федерации либералы радикального толка должны были сосредоточить свои усилия на демократизации британского парламента. Успех был достигнут в 1897 г., когда радикальное крыло Национального либерального клуба смогло избрать новый политический комитет во главе с либерал-радикалом Г. Лабушером в качестве председателя. Таким образом, фракция планировала перенаправить внешнюю политику по иному вектору с опорой на рабочий класс [4].

Неудачный рейд Джеймсона 1895–1896 гг., призванный вызвать восстание шахтеров в Южно-Африканской Республике Трансвааль, привел к парламентскому расследованию в 1897 г. [1]. Политики из радикальной фракции либеральной партии стремились своевременно ответить на внешний вызов, создавший общественный резонанс в Британии и напрямую связанный с нивелированием империалистической повестки дня. Радикал У. Харкорт крайне негативно оценивал действия консерваторов в колониальной политике, в частности рейд Джеймсона, подчеркивая, что именно наглая и беззаконная агрессивность людей типа Джеймсона и Родса сделала весь мир нашими врагами [9].

У. Харкорт в первую очередь хотел выяснить, с чьего позволения в высших эшелонах власти был организован рейд. Следовательно, он подразумевал, в частности, сотрудничество капиталистических и империалистических кругов в Британии с консерваторами. Другой радикальный по-

литик Г. Лабушер, придерживавшийся более традиционных радикальных взглядов, требовал расследовать финансовую и политическую деятельность частных компаний в южноафриканском регионе. В докладе на заседании комитета по расследованию рейда он отмечал: «...Мистер Бейт – немецкий подданный вместе с Родсом разжигал революцию в государстве, находящимся в дружеских отношениях с Британией. Эти два человека опозорили доброе имя Англии...» [13]. Г. Лабушер также придерживался точки зрения о недопущении подобных инцидентов и стремился изменить внешнеполитический курс государства на менее воинственный. Он считал комитет недостаточно радикальным, что могло привести к оправданию действий военных.

В 1897 г., выступая с речью в Палате общин, У. Харкорт отмечал: «Я не желаю блестящей изоляции для Англии, но я против всех соглашений, которые связывают Англию опасными обязательствами с великими военными и деспотическими державами...» [9]. Таким образом, либерал явно подчеркивал необходимость переориентации внешнеполитического курса Великобритании, смена которого избавит страну от потребности заключать союз с кем-либо в Европе. В письме к коллеге радикалу Д. Морли У. Харкорт выражает эту мысль более четко: «...Всеобщая враждебность к Англии за рубежом естественна и неизбежна. Как может быть иначе, когда мы развязно заявляем о своем превосходстве в каждом уголке земного шара, а затем считаем национальным преступлением против себя, если другая нация осмеливается захватить что-либо. Это – абсурдно» [9].

Но мнения радикалов по данному вопросу расходились. Например, либерально-радикальный политик Д. Кимберли в своих дневниках отмечал, что замечания У. Харкорта по поводу южноафриканских дел неразумны [10]. Жесткий язык, который использовал У. Харкорт, наверняка будет истолкован как «мир любой ценой», а значит, идет вразрез с принципами национального патриотизма [10]. Логично предположить, что внутри радикальной фракции существовали различия во взглядах на курс британского государства за рубежом. Некоторые политики стремились завершить войну как можно скорее, другие признавали, что поражение нанесет государству ущерб, и поддержка такой модели политики будет предательством по отношению к собственному народу.

Подтверждением этому служат записи радикального политика Ч. Дилька [11]. Он отмечал, что партийные неурядицы совпали с чередой серьезных зарубежных кризисов, вызванных империалистическим соперничеством, и после отставки Розбери в конце 1890-х гг. либеральному руководству не хватало знаний и опыта для проведения критики консервативной внешней политики единым фронтом [12]. В комитете по расследованию рейда Джеймсона было немало крайних радикалов, но при этом основная их часть относилась к традиционным радикалам. Именно они в отличие от радикалов, приверженных философии «нового либерализма», стремились не допустить подобной агрессии в будущем и в основе своих действий в рамках комитета опирались на эту позицию. Вызов империалистическим настроениям исходил главным образом от традиционных радикалов во главе с Г. Лабушером, У. Лоусоном, Ч. Дильком и Ф. Стенхоупом [4]. Соответственно, радикальный блок не был сплоченным образованием, также у радикалов к 1898 г. не было конструктивной альтернативной политики в Англо-бурской войне и европейской дипломатии.

Завоевание Судана британцами во главе с Г. Китченером и Фашодский кризис 1898 г., возникший в результате конфронтации с Францией, вызвали отставку Д. Морли и У. Харкорта [7]. Представитель радикалов Г. Кортни подчеркивал, что завоевание Судана может привести к войне с Францией, учитывая ту силу, которую продемонстрировали французские военные в деле Дрейфуса [14]. По мнению Г. Кортни, Британия была бы неправа, если бы изгнала французов силой из Фашоды, не выслушав их аргументов. Но если Франция откажется уйти, необходимо исчерпать все средства мирного урегулирования, прежде чем прибегать к оружию [14].

Учитывая обращение Г. Кортни к Королевскому статистическому обществу в конце 1898 г., следует отметить глубокую убежденность политика в том, что тропические территории доставляют больше проблем, чем стоят. В докладе «Эксперимент по коммерческой экспансии» он рассматривает войну в Трансваале как одну из попыток Бельгии открыть новые территории в Африке [14]. Свое мнение Г. Кортни высказывал в письмах к британскому консерватору и журналисту Л. Амери, касаясь англо-германских отношений: «...сейчас неизбежная война с Францией и Германией уладилась, ссора была исчерпана до того момента, пока “новый Бисмарк” снова ее не разжег...» [14].

Можно с уверенностью сказать, что радикал Г. Кортни в первую очередь стремился избежать конфликта с Францией из-за мелких колониальных вопросов. Политик считал, что если вопросы с Францией можно уладить, то Германия – это более опасный соперник Британии. Схожей позиции придерживался и Д. Морли. Он заявлял, что завоевание Судана будет ошибкой, так как страну ослабят блокирование части военных сил и обострение ненужной вражды с Францией [15].

К 1898 г. вопрос о необходимости взятия под контроль Трансвааля обострился. Д. Морли был уверен, что войны можно избежать. По его мнению, президент П. Крюгер получил выгоду от провала вышеупомянутого рейда и занимался развитием олигархической системы, чтобы накопить ресурсы для войны, и уже заручился поддержкой за рубежом [16]. Несмотря на свои пацифистские взгляды, он отмечал: «...если бы моя партия была у власти, она была бы вынуждена действовать так же, как г-н Чемберлен, только немного медленнее...» [16]. Следовательно, он одновременно был сторонником буров, с одной стороны, с другой – приверженцем концепции «Малой Англии». В отличие от Д. Морли, его коллега У. Харкорт в письме к сестре утверждал, что он сделал все для предотвращения этой войны. Он негативно оценивал и сам рейд, и тех радикалов, кто его поддерживал. Также он был недоволен тем, что Д. Чемберлен называл рейд ошибкой; сам политик считал его преступлением [9].

Академик Г. Кортни, будучи радикалом, на выступлении в Палате общин весной 1898 г. выразил решительный протест против растущей волны «ура-патриотизма»: «Я полагаю, что опасности войны с Россией нет, но существует реальная опасность войны с Францией. Поступают жалобы на то, что она ведет себя недружелюбно в Сиаме, Тунисе, Мадагаскаре...» [14]. Таким образом, он констатировал факт, что премьер-министр Р. Солсбери сбивал с толку общество и прочих политиков довольно прямым отрицанием напряженности с Францией. Г. Кортни не отрицал возможность войны с Францией, но и не стремился к союзу с каким-либо государством, выступая против «ура-патриотизма» и любой возможной войны.

Ч. Дильк в заметках и выступлениях 1898 г. неоднократно критиковал политику консерваторов в Египте, оккупацию Хартума и миссию в Фашоде [11]. Он был уверен, что такая недалёко-видная политика привела Францию и Великобританию на грань конфликта. Однако, несмотря на свои радикальные взгляды, касаясь политики на Дальнем Востоке, где в этот период Россия, Франция и Германия добивались уступок от Китая, ослабленного победой Японии в 1895 г., Ч. Дильк отдавал предпочтение более интервенционистской политике и обвинял Р. Солсбери в бездействии [11]. Его позиция стала ближе к центристской, хотя политик и не говорил об экспансии прямо, но явно выражал беспокойство касательно экономических интересов на Дальнем Востоке. В отличие от коллег радикалов он не желал урезать расходы на армию, так как усиление военно-морского флота было крайне необходимо для сохранения превосходства Британии на море.

Лидер либеральной партии Г. Кэмпбелл-Баннерман был согласен с У. Харкорт и Д. Морли относительно отсутствия необходимости в развязывании войны [6]. С другой стороны, сильный импульс внутри партии, если не к поддержке войны, то к позиции о нейтралитете, исходил от А. Розбери и империалистической фракции. Следует обратить внимание на более позднее заявление политика Д. Морли, в частности в октябрьском выступлении в Карнарвоне 1898 г. [13]. После того как война началась и началась с поражения Великобритании, Д. Морли изменил позицию. Он уже не критиковал саму войну, которая, по его мнению, должна продолжаться, но требовал полной свободы обсуждать и критиковать политику, которая привела к войне. В данном контексте из записей политика следует, что он был приверженцем не империи, а федерации, центром которой будет Англия [16].

Значит, понимание причин, приведших к войне в Южной Африке, отличалось от мнения его бывших коллег. Д. Морли был осторожен и не делал заявлений, которые можно было бы истолковать как призыв к немедленному прекращению войны. Здесь важно отметить позицию действующего лидера либеральной партии Г. Кэмпбелл-Баннермана. В ответ на письмо У. Харкорта он писал: «...у нас есть существенное право на интервенцию, потому что состояние Трансвааля угрожает всеобщему миру...» [9]. Следовательно, Г. Кэмпбелл-Баннерман, несмотря на личные пацифистские взгляды, стремился в перспективе взять под контроль обе фракции партии и найти общие реперные точки для диалога с группой А. Розбери с целью консолидации партии.

Таким образом, к выборам в 1899 г. либералы пришли с явным кандидатом в лидеры, коим являлся Г. Кэмпбелл-Баннерман. Мнение среди радикалов не были едины. В частности, У. Харкорт отмечал, что Г. Кэмпбелл-Баннерман был лучшим кандидатом в силу своих антиимпериалистических убеждений и преграждал путь А. Розбери [9]. Другой радикал Ч. Дильк наоборот поддерживал Г. Асквита против Г. Кэмпбелла-Баннермана. Таковую позицию он аргументировал тем, что сможет добиться от Асквита необходимых перемен в трудовой политике [12].

Сложная ситуация в Южной Африке после неудачного рейда Джеймсона вела к необходимости со стороны Британии идти на следующий шаг. Д. Морли, выступая перед избирателями в Аброате в сентябре 1899 г., подчеркивал важность формирования британской политики в ключе привлечения симпатий буров в Южной Африке [8]. Исходя из его утверждений, после успешной войны Трансвааль придется превратить в колонию, но к исчерпыванию конфликта сможет привести только политика слияния [16]. Это необходимо для того, чтобы не дать возможности бельгийцам и немцам развернуть экспансию на британские колониальные земли.

Таким образом, напряженность между Великобританией и бурскими республиками в Южной Африке летом и осенью 1899 г. сопровождалась растущей поляризацией среди либералов на про-бурские и либерально-империалистические группировки. Это подтверждают записи Д. Кимберли, в которых он отмечает, что дезорганизация партии усилилась [10]. В течение 1900 г. Г. Кэмпбелл-Баннерман, чьи личные симпатии в целом были на стороне буров, снова старался занять центристское положение между фракциями, а именно одновременно и осуждать довоенную дипломатию правительства, как провокационную, и признавать необходимость доведения войны до конца [17].

Британский радикальный политик Г. Лабушер летом 1900 г. в письме к министру по делам колоний Д. Чемберлену при правительстве Р. Солсбери подчеркивал, что он солидарен с мнением своего лидера Г. Кэмпбелл-Баннермана в том, что войны можно и нужно было избежать [13]. Он сделал акцент на возможности ее урегулирования с помощью такта и самообладания, если бы буры никогда не были подстрекаемы к войне. Он видел в этом противостоянии не просто войну с южноафриканскими республиками, а косвенную борьбу с Голландией и Германией, которые стремились усилить свое влияние в регионе [13]. Поставил на повестку дня вопрос о необходимости формулирования политики по сдерживанию Германии и восстановлению отношений с Францией. В частности, либерал Г. Кортни в переписке с журналистом и консервативным политиком Л. Амери отмечал, что войну защищали не столько из-за недовольства чужеземцев, сколько из-за заговора голландцев с целью изгнания Британии из Африки [14]. Значит, империалисты и некоторые радикалы стали поддерживать войну, так как видели в этом не просто махинации капиталистов, а угрозу британскому влиянию в мире.

Победа консерваторов на всеобщих выборах 1900 г. означала продолжение захватнической политики за рубежом, которую активно поддерживали влиятельные либерал-империалисты А. Розбери, Р. Холдейн, Г. Асквит и др. Радикал Д. Морли не смог участвовать в выборах, но в своем выступлении в октябре 1900 г. отмечал: «...я рассматриваю войну, как пагубный зачин в ретроградной политике...» [16]. Позиция У. Харкорта была весьма двояка. Либерал поддерживал необходимость военных расходов, но осуждал ведение войны и просчеты правительства. По его мнению, ошибка консерваторов состояла в том, что они воевали с президентом П. Крюгером, а не с голландской нацией [9]. Из этого следует, что партизаны, умело орудующие против британских войск в Африке, явно демонстрировали тем самым конфликт наций за сферы влияния. Продолжение войны бурскими партизанами углубило разобщенность английских либералов.

Разоблачение Г. Кэмпбелл-Баннерманом в июне 1901 г. «методов варварства», т. е. обнаружение фактов о концентрационных лагерях и поджогах сельских хозяйств британской армией в Южной Африке, спровоцировало открытый раскол с либеральными империалистами [17]. В дебатах по законопроекту о финансах в середине 1901 г. У. Харкорт неоднократно высказывался по поводу ведения войны и ее последствий, в частности по прокламации консерваторов относительно военных действий. Согласно ей, так как Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство теперь являлись частью Британской империи, бурские офицеры, продолжавшие оказывать сопротивление, больше не имели права вести войну. Не сдавшиеся в плен, они будут изгнаны из Южной Африки [9]. У. Харкорт расценил прокламацию в парламенте как политику, противоречащую

международному праву [9]. В этом вопросе он спорил с либерал-империалистом Г. Асквитом, который не дал вразумительных комментариев касательно прокламации и её противоречия законам войны.

В конце 1901 г. Генеральный комитет Национальной либеральной федерации принял резолюцию в пользу мира и отправки миссии для его установления. Предусматривалась смена колониального администратора А. Мильнера. Против выступили либеральные империалисты. Э. Грей выразил мнение, что это будет иметь катастрофические последствия. Можно констатировать, что раскол в либеральной партии еще сильнее усугубился, но тем не менее либералам удалось надавить на консервативное правительство и скорректировать политику в отношении концлагерей. Большую роль сыграло то, что общественное мнение в Британии склонялось к миру. Таким образом, к концу 1901 г. у либеральной партии, и в частности у её радикальной фракции, все еще не было четкой цели и плана во внешней политике. В отличие от них либерал-империалисты во главе с А. Розбери заявляли, что нужно начать все с чистого листа. Подход, озвученный А. Розбери в декабре 1901 г. в Честерфилдской речи, предполагал полный отказ от гладстоновского идеализма во внешней политике в пользу активного империализма [1].

В своих мемуарах Г. Кэмпбелл-Баннерман так высказывался по поводу империалистического курса, предложенного А. Розбери: «Все, что он говорил о чистом листе и эффективности, было оскорблением либерализма и чистой воды болтовней...» [17]. По его мнению, «эффективность» была не политикой, а респектабельным прикрытием для стремления к власти. Г. Кэмпбелл-Баннерман, даже несмотря на свои центристские взгляды, считал, что либеральный империализм и доктрина эффективности являются тупиком для «нового либерализма» [17].

После заключения мира в 1902 г. большинство радикалов были довольны его условиями. Теперь внимание политиков захватили проблемы на Дальнем Востоке в связи с Англо-японским союзом и ускоренным строительством военного флота в Германии. У. Харкорт отмечал, что в конце 1902 г. Г. Кэмпбелл-Баннерман возродил идею о необходимости наладить контакт с лордом А. Розбери. У. Харкорт предложил в качестве альтернативы, чтобы Г. Кэмпбелл-Баннерман пригласил также Э. Грея, Г. Асквита и Г. Фаулера прийти и обсудить курс Британии на съезде Национальной либеральной федерации в 1903 г.

В заключение можно сделать вывод, что за период нахождения в оппозиции мнения и шаги либеральных политиков с радикальными взглядами претерпевали различные изменения. Большинство представителей радикальной фракции действительно стремились к прекращению войны в Африке и на Ближнем Востоке, опираясь на идеи, описанные в философии «нового либерализма». Их суть заключалась в возможности процветания без дальнейшей колониальной экспансии. Некоторые крупные политики, такие как Д. Кимберли и Ч. Дильк считали, что призывы к миру будут расцениваться в негативном свете. Также в оценках европейских дел они считали ошибочной переменчивую политику в отношении Франции, так как видели в немцах потенциального врага, который при любой ошибке мог проявить свою агрессивность. В отличие от остальных эти деятели стремились не урезать расходы на вооружение, а наоборот, считали крайне необходимым иметь большой флот для обеспечения морского превосходства Британии. Такие крупные фигуры, как У. Харкорт, Д. Морли, Г. Кэмпбелл-Баннерман, стремились действовать по обстоятельствам. Д. Морли неоднократно подчеркивал опасность всеобщей враждебности за рубежом и отмечал, что соперничество с Германией может привести к войне. Несмотря на то, что политик был сторонником идей «Малой Англии», он постепенно переходил к риторике о необходимости заручиться поддержкой союзников, если война с Германией будет неизбежна. Г. Кэмпбелл-Баннерман осуждал действия консерваторов в войнах, если они переходили черту морали и нравственности. Однако при других обстоятельствах политик был готов к решительным действиям. Это также было обусловлено его стремлением подчинить себе влиятельных либерал-империалистов. Следовательно, радикальный блок не являлся сплоченным образованием, и к 1903–1904 гг. у радикальной фракции все еще не существовало конструктивной программы и альтернативной политики в колониальных вопросах и относительно европейских дел.

Список источников

1. Dennis A. Tendencies in British Foreign Policy Since Disraeli // *Proceedings of the American Political Science Association*. 1909. Vol. 6. P. 109–120, <https://doi.org/10.2307/3038569>.
2. Lawrence D. R. Liberalism, Imperialism and colonial expansion // *Naturalist and his Beautiful Islands*. London: ANU Press, 2014. 420 p.
3. Kim D. J. *Compound Containment: A Reigning Power's Military-Economic Countermeasures against a Challenging Power*. Michigan: University of Michigan Press, 2022. 212 p., <https://doi.org/10.3998/mpub.11622137>.
4. Emy H. V. *Liberals, Radicals and Social Politics*. London: Cambridge University Press, 1973. 344 p.
5. Sykes A. *The rise and fall of British liberalism, 1776–1988*. New York: Longman, 1942. 321 p. URL: <https://archive.org/details/riseandfallofbritis0000syke> (дата обращения: 18.01.2023).
6. Spender J. A. *The Life of Sir Henry Campbell Bannerman*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1924. 351 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.181902> (дата обращения: 18.01.2023).
7. Jenkins R. *The British Liberal Tradition: From Gladstone Through to Young Churchill, Asquith, and Lloyd George*. Toronto: Victoria University, 2001. 84 p.
8. Khan A. *The Life Of Lord Morley*. London: Sir I. Pitman and sons, 1923. 356 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.211020> (дата обращения: 18.01.2023).
9. Gardiner A.G. *The Life of Sir William Harcourt*. New York: George H. Doran Company, 1923. 686 p. URL: <https://archive.org/details/lifeofsirwilliam0001gard> (дата обращения: 18.01.2023).
10. Wodehouse J. *The journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, for 1862–1902*. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1997. 560 p.
11. Gwynn S. *The life of Sir Charles W. Dilke*. London: J. Murray, 1917. 608 p. URL: <https://archive.org/details/lifeofsircharles02gwynuoft> (дата обращения: 18.01.2023).
12. Nicholls D. *The lost prime minister: a life of Sir Charles Dilke*. London: Hambledon Press, 1995. 389 p.
13. Labouchere T.A. *The Life of Henry Laboucher*. London: Constable and company, 1913. 550 p. URL: <https://archive.org/details/cu31924028316580> (дата обращения: 18.01.2023).
14. Gooch G. P. *Life of Lord Courtney*. London: Macmillan and Co, 1920. 650 p. URL: <https://archive.org/details/lifeoflordcourtn00goociala> (дата обращения: 18.01.2023).
15. *Amaranatha M. Selections From The Writing Of Lord Morley*. London: Macmillan and Co, 1920. 359 p.
16. *Morley J. The works of Lord Morley*. London: Macmillan, 1921. 403 p. URL: <https://archive.org/details/workslordmorley01morlgoog> (дата обращения: 18.01.2023).
17. O'Connor T. *Sir Henry Campbell-Bannerman*. London: Hodder and Stoughton, 1908. 180 p.

References

1. Dennis A. Tendencies in British Foreign Policy Since Disraeli. *Proceedings of the American Political Science Association*. 1909;6:109-120, <https://doi.org/10.2307/3038569>.
2. Lawrence D. R. Liberalism, Imperialism and colonial expansion. *Naturalist and his Beautiful Islands*. London: ANU Press; 2014. 420 p.
3. Kim D. J. *Compound Containment: A Reigning Power's Military-Economic Countermeasures against a Challenging Power*. Michigan: University of Michigan Press, 2022. 212 p., <https://doi.org/10.3998/mpub.11622137>.
4. Emy H. V. *Liberals, Radicals and Social Politics*. London: Cambridge University Press; 1973. 344 p.
5. Sykes A. *The rise and fall of British liberalism, 1776-1988*. New York: Longman Publ.; 1942. 321 p. Available from: <https://archive.org/details/riseandfallofbritis0000syke> [Accessed 18th January 2023].
6. Spender J. A. *The Life of Sir Henry Campbell Bannerman*. Boston: Houghton Mifflin Company; 1924. 351 p. Available from: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.181902> [Accessed 18th January 2023].
7. Jenkins R. *The British Liberal Tradition: From Gladstone Through to Young Churchill, Asquith, and Lloyd George*. Toronto: Victoria University Press; 2001. 84 p.
8. Khan A. *The Life of Lord Morley*. London: Sir I. Pitman and sons Publ.; 1923. 356 p. Available from: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.211020> [Accessed 18th January 2023].
9. Gardiner A.G. *The Life of Sir William Harcourt*. New York: George H. Doran Company Publ.; 1923. 686 p. Available from: <https://archive.org/details/lifeofsirwilliam0001gard> [Accessed 18th January 2023].
10. Wodehouse J. *The journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, for 1862-1902*. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge; 1997. 560 p.
11. Gwynn S. *The life of Sir Charles W. Dilke*. London: J. Murray Publ.; 1917. 608 p. Available from: <https://archive.org/details/lifeofsircharles02gwynuoft> [Accessed 18th January 2023].
12. Nicholls D. *The lost prime minister: a life of Sir Charles Dilke*. London: Hambledon Press; 1995. 389 p.

13. Labouchere T.A. *The Life of Henry Laboucher*. London: Constable and company Publ.; 1913. 550 p. Available from: <https://archive.org/details/cu31924028316580> [Accessed 18th January 2023].

14. Gooch G. P. *Life of Lord Courtney*. London: Macmillan and Co. Publ.; 1920. 650 p. Available from: <https://archive.org/details/lifeoflordcourtn00goociala> [Accessed 18th January 2023].

15. Amaranatha. M. *Selections From The Writing Of Lord Morley*. London: Macmillan and Co. Publ.; 1920. 359 p.

16. Morley J. *The works of Lord Morley*. London: Macmillan Macmillan and Co. Publ.; 1921. 403 p. Available from: <https://archive.org/details/workslordmorley01morlgoog> [Accessed 18th January 2023].

17. O'Connor T. *Sir Henry Campbell-Bannerman*. London: Hodder and Stoughton Publ.; 1908. 180 p.

Информация об авторе

О.О. Бойко – аспирант, кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

O.O. Boyko – Postgraduate Student, Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-72-77

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОРИКИ О КРЕСТЬЯНСТВЕ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ВРЕМЕНИ: НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Елизавета Евгеньевна Глазунова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
elv@sfedu.ru

Аннотация. Тема истории крестьянства в России при Екатерине II начала активно изучаться в отечественной историографии с середины XIX в. И.Д. Беляевым и В.И. Семевским исследование велось в свете историко-социального и экономического анализа. С начала XX в. в трудах В.О. Ключевского, В.А. Мякотина, в работе по истории русской общественной мысли Г.В. Плеханова такой подход был дополнен культурно-историческим анализом. В «Курсе русской истории» В.О. Ключевского и в труде Г.В. Плеханова было положено начало историко-антропологическому методу с выявлением такого культурно-исторического типа, как просвещенный русский дворянин екатерининского времени, который сложился под влиянием усвоения внешних проявлений культуры Просвещения и крепостного права. Исследование проблемы дореволюционными историками открывало перспективы ее дальнейшего изучения.

Ключевые слова: крестьянство и крепостное право при Екатерине II, И.Д. Беляев, В.И. Семевский, В.О. Ключевский, В.А. Мякотин, Г.В. Плеханов, культура Просвещения в России при Екатерине II

Для цитирования: Глазунова Е.Е. Дореволюционные историки о крестьянстве екатерининского времени: начало исследования проблемы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 72–77.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PRE-REVOLUTIONARY HISTORIANS ABOUT THE PEASANTRY OF THE CATHERINE'S TIME: THE BEGINNING OF THE STUDY OF THE PROBLEM

Elizaveta E. Glazunova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
elv@sfedu.ru

Abstract. The theme of the history of the peasantry in Russia under Catherine II began to be actively studied in Russian historiography from the middle of the 18th century. In the works of I.D. Belyaev and V.I. Semevsky the research was conducted in the light of historical social and economic analysis. Since the beginning of the 20th century in the works of V.O. Kluchevsky, V.A. Myakotin in the study of history of Russian public thought by G.V. Plekhanov, this approach has been supplemented by analysis in the light of cultural-historical approach. Russian History course of V.O. Kluchevsky and work of G.V. Plekhanov marked the beginning of the historical and anthropological approach, with the identification of such a cultural and historical type as an enlightened Russian nobleman of Catherine's time, which was formed under the influence of assimilation of the external manifestation of the culture of Enlightenment and serfdom. The study of the problem by pre-revolutionary historians opened up prospects for its further study.

Keywords: peasantry and serfdom under Catherine II, I.D. Belyaev, V.I. Semevsky, V.O. Kluchevsky, V.A. Myakotin, G.V. Plekhanov, culture of Russia under Catherine II

For citation: Glazunova E.E. Pre-Revolutionary Historians About the Peasantry of the Catherine's Time: The Beginning of the Study of the Problem. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(2):72-77. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Екатерининское время справедливо рассматривается как период наивысшего развития в России крепостного права. Для того имеются самые серьезные основания, так как власть помещиков над крестьянами в это время значительно усилилась, причем настолько, что в российской общественной мысли выдвигался на первый план крестьянский вопрос. Не случайно после Екатерины II наметилась тенденция к постепенному ограничению крепостного права, на первых порах чисто формальному. Но изучение феномена российского крепостного права в целом может быть успешным только в результате всестороннего учета положения крестьянства за годы ее царствования.

Между тем к изучению этого важнейшего вопроса, относящегося к внутреннему положению и внутренней политике в государстве, приступили поздно. В целом в русской исторической мысли главное место занимала сама императрица. По отношению к ней сложились две ярко выраженные точки зрения. Одна из них представляла собой ее апологетику, наиболее заметно выраженную в «Историческом похвальном слове Екатерине II» и написанную в торжественно-напыщенном стиле. Как с пафосом писал Н.М. Карамзин, «все бесчисленные народы царств Российских» «обожали Великую» [1, с. 158]. Такая апологетика, возможно, объяснялась тем, что произведение было написано в 1801 г., когда завершилось царствование крайне непопулярного в дворянской среде Павла I, а Александр I восстановил екатерининскую «Жалованную грамоту дворянству». Затронул также Н.М. Карамзин крестьянский вопрос. По поводу обсуждения отмены крепостного права он писал, что «для твердости бытия Государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надо готовить человека исправлением нравственным» [2, с. 322]. Он таким образом не советовал властям торопиться с отменой крепостного права.

Возникла и другая точка зрения по отношению к императрице, несравненно более взвешенная и критическая. Свое выражение она нашла в памфлетной записке А.С. Пушкина «О русской истории XVIII века». Характеризуя Екатерину II в качестве «Тартюфа в юбке и в короне», А.С. Пушкин обратил внимание на негативные последствия ее царствования, на «ошибки в ее политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия». Он также указал на политику в отношении крестьянства. Екатерина II «уничтожила звание (вернее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т.е. свободных хлебопашцев) и закрепила вольную Малороссию и польские провинции» [3, с. 163–165]. Положение крестьян не было главной темой для Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина. Но их характеристики императрицы показывали ее понимание политики крепостного права.

Острота положения крестьян, обсуждение его накануне реформы 1861 г. поставили данный вопрос огромного общественного значения в историческую плоскость. В 1860 г. вышел в свет первый большой труд по истории крестьянства в России, созданный историком славянофильского направления И.Д. Беляевым. С этого времени до 1903 г. книга выдержала четыре издания. Последний раздел под характерным названием «Окончательное обращение крестьян в полную частную собственность помещиков» относился ко времени Екатерины II. В положении крестьян с конца XVI в. И.Д. Беляев отметил существенные изменения. Из «прикрепленных к земле» они «в продолжении двух сот лет, мало по малу, при посредстве большею частью разных частных узаконений, к концу XVIII столетия окончательно были обращены в полную частную и даже безгласную собственность своих помещиков» [4].

Согласно И.Д. Беляеву, положение их было очень тяжелым. В екатерининское время они были «лишены почти всякой обороны от злоупотреблений помещичьей власти, и в отношении своей человеческой личности и в отношении к имуществу». Говоря о правовой стороне, И.Д. Беляев указывал на запрет подачи жалоб на помещика и о наказании за жалобу кнутом и ссылкой в Нерчинск. При этом, отмечал историк, «закон, во все царствование Екатерины II, не представляет ни одной черты в защиту крепостных людей от произвола владельцев». Единственной заботой государства в отношении крестьян было то, чтобы была обеспечена уплата крестьянами подуш-

ной подати. Поэтому власти следили «лишь бы крепостные люди по ревизским сказкам значились приписанными к тому или к другому недвижимому имению» [4, с. 294].

Он также обращал внимание на распространенность продажи крестьян без земли. При этом «запрещалась только продажа с молотка, как предосудительная для Европейского государства». Получалось, указывал И.Д. Беляев, что для законодателя возникало противоречие. Он «с одной стороны стыдится публичной продажи людей, а с другой стороны признает ее законною, и не решается отменить закон, за который сам краснеет» [4, с. 295]. По существу, тем самым И.Д. Беляев не только охарактеризовал положение крестьян. Он подтвердил характеристику Екатерины II А.С. Пушкиным «Тартюф в юбке и в короне», поскольку мольеровский образ Тартюфа был в европейской культуре нового времени символом лицемерия.

В отличие от книги И.Д. Беляева, в которой рассматривалось крестьянство начиная со времени Русской Правды, в двухтомном труде историка-народника В.И. Семевского хронологические рамки были более ограниченными. Но это давало возможность подробнее изучить крестьянство этого времени. В первом томе рассматривались «Помещичьи (крепостные) крестьяне», во втором – «Посессионные крестьяне» на частных и казенных предприятиях центральных уездов и Урала. В.И. Семевский стремился охватить разные категории крестьян и отношение к ним. Он рассматривал вопросы об источниках крепостного состояния, о повинностях крестьян и их общинной организации, об особой категории дворовых крестьян, о торговле людьми и наказаниях крепостных, об управлении имениями.

Затрагивались вопросы о казенных повинностях крестьян и о крестьянских волнениях. Что касается посессионных крестьян, то В.И. Семевский особо останавливался на происхождении этой группы. Он анализировал их положение на суконных мануфактурах центра страны и в металлургии Урала, зарплату и детский труд, волнения посессионных. Использование разнообразных источников, к которым относились законодательство, данные ревизий (третьей, четвертой, пятой), коллекции дел Сената и коллегии экономии, документы вотчинных архивов помещиков, материалы генерального межевания и другие материалы, позволило автору собрать большой материал и обеспечить доказательность и конкретность выводов, относившихся к положению крестьян.

К наиболее тягостным сторонам крепостного права В.И. Семевский, основываясь на данных источников, отнес «неограниченность повинностей по закону, продажу крепостных без земли, неограниченность наказаний при вотчинной расправе и беззащитность в имущественном положении от помещичьего произвола». Некоторое облегчение их положения он видел в том, что «в их (крестьян. – Е.Г.) пользовании находилось большое количество земли, и что оброчная система была широко развита» [5, с. 25].

Как подчеркивал В.И. Семевский, «при полной почти беззащитности крепостных от помещиков» крестьянам «приходилось нередко спасаться бегством от своей злой доли» и бежать на отдаленные территории государства. Правительство далеко не всегда могло обеспечить возврат беглых. Поэтому, по словам В.И. Семевского, «приходилось оставлять беглых в малонаселенных окраинах государства, зачитывая их помещикам в рекруты». Он, кроме того, указывал на случаи, когда «выведенные из терпения дворовые и крестьяне решались и на убийство помещика», и «такие убийства не были явлением совершенно исключительным». При этом приводилась их статистика [5, с. 24].

Таким образом, в отечественной историографии второй половины XVIII в. тема крестьянства в период царствования Екатерины II благодаря трудам И.Д. Беляева и В.И. Семевского заняла место, соответствовавшее ее значимости, и позволяла более детально представить процесс разложения крепостного строя. Оба историка давали самую резкую характеристику крепостного права, что присуще для славянофилов и тем более для революционной демократии. В обоих выдающихся трудах присутствует социальный анализ русского общества екатерининского времени, в котором в его структуре выделялись помещики и крепостные крестьяне. Это соответствовало не только теме их исследования, но и реальному положению в стране, оставшейся на уровне традиционного общества. Социальный анализ дополнялся в труде В.И. Семевского анализом экономическим, который описывал более конкретно состояние крестьянского хозяйства, степень тяжести ренты в ее натуральных и денежной формах.

Социологический подход к исследованию крестьянства при Екатерине II, который имел место в трудах И.Д. Беляева и В.И. Семевского, соответствовал общему возрастанию интереса к социо-

логии, переживавшей период становления как научной дисциплины. Но он не давал, однако, полного представления о связи крепостного права с общим культурным состоянием российского общества того времени. Его могло дать соединение социальной истории с историей культуры, к которой на рубеже XIX – XX вв. также было привлечено повышенное внимание. Такой подход замечен в лекционном курсе истории России В.О. Ключевского, где 80-я лекция посвящена развитию крепостного права после Петра I, а 81-я – влиянию крепостного права на культуру России.

В.О. Ключевский выделил особенность крепостного права при Екатерине II. По его мнению, до середины XVII в. «зависимость крепостных» оформлялась «по договору». Затем по Уложению 1649 г. и по законодательству Петра I оно «превратилось в потомственную зависимость от землевладельцев по закону, обусловливаемой обязательной службой землевладельцев». При Екатерине II оно «превратилось в полную зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев, не обусловливаемой и обязательной службой последних». На этом основании В.О. Ключевский считал, что императрицу «можно назвать виновницей крепостного права», которое при ней «из колеблющегося факта, оправдываемого временными нуждами государства, превратилось в признанное законами право, ничем не оправдываемое» [6, с. 147].

В этой связи В.О. Ключевский обращал внимание на оговорку Екатерины II в ее «Наказе» Уложенной комиссии, где она сказала, что закон должен сделать «нечто полезное и “для собственных рабов имущества”». Противоречие состояло в том, что рабом назван крестьянин, но крестьянин «нес государственное тягло, а рабы не подлежат тяглу» [6, с. 140]. Но оговорка была не случайной. Дворяне в самом деле смотрели на крестьян как на рабов, а крестьяне на себя точно так же, и факт уплаты ими подушной подати несколько этому не мешал. В.О. Ключевский отмечал, что по жалованной грамоте дворянству 1785 г. императрица «не выделяла крестьян из общего состава недвижимого дворянского имущества». Тем самым, указывал историк, помещичья власть, «лишившись прежнего политического оправдания, приобрела при Екатерине более широкие юридические границы» [6, с. 145].

Согласно В.О. Ключевскому, при Екатерине II «крепостное право сообщило своеобразное направление умственной и нравственной жизни самого высшего общества» [6, с. 161–162]. Оно обеспечивало дворян в материальном отношении, а вместе с избавлением от обязательной службы еще по манифесту Петра III о вольности дворянства оно «почувствовало себя без настоящего серьезного дела». Возникло «дворянское безделье», которое стало «чрезвычайно важным моментом в истории нашего образованного общества, следовательно, в истории нашей культуры» [6, с. 162]. В то же время в этой социальной среде усиливалось влияние французской культуры, получившей распространение еще в царствование Елизаветы Петровны.

Однако В.О. Ключевский подчеркивал, что это усвоение было поверхностным. В России не понимали нередко сути идей французского Просвещения, которое сформировалось в борьбе против старого «порядка, основанного на предании», против феодализма и католицизма [6, с. 175]. Погоня русских дворян за модными веяниями вела к тому, что усвоение ее было поверхностным. Ими не только усваивались «великосветские манеры» [6, с. 174]. Хуже было то, что среди высшего класса русского общества имела место в результате этого «утрата привычки, утрата охоты к размышлению», а также «потеря понимания окружающей действительности». Отвлеченные идеи, общие места, громкие слова, украшавшие умы людей екатерининского времени, несколько не действовали на чувства», – писал В.О. Ключевский. Поэтому, подчеркивал он, «под этими украшениями сохранилась удивительная черствость, отсутствие чутя к нравственным стремлениям» [6, с. 176]. Можно, таким образом, сказать, что В.О. Ключевский исключительно глубоко показал внутреннюю связь крепостного бесправия крестьян и дворянского безделья, увлечения просвещенных помещиков поверхностно усвоенными сторонами французской культуры, которые они не могли связать с российской реальностью.

Мысль о самой тесной связи между крепостным правом и дворянской культурой екатерининского времени получила в отечественной историографии свое дальнейшее развитие. Историк-народник и народный социалист В.А. Мякотин в свою историю русского общества включил очерк, посвященный А.Н.Радищеву. Говоря об условиях формирования личности и общественно-политических взглядах этого известного писателя, он обратил внимание на особенности дворянской культуры России екатерининского времени. Как отмечал В.А. Мякотин, русские дворяне

«располагавшие теперь большим досугом и щедро наделенные материальными средствами, жадно набросились на внешнюю оболочку европейской цивилизации, мало обращая внимание на внутреннее ее существо» [7]. Заметно определенное отличие мысли В.А. Мякотина от мысли В.О. Ключевского. Так, если В.А. Мякотин полагал, что на «существо» европейской ситуации русские дворяне обращали мало внимания, то В.О. Ключевский считал, что в России существенные стороны в культуре французского Просвещения они и не могли понять. Возможно, что в этом отношении оба историка были по-своему правы. «Идеи, составлявшие на Западе величайшее завоевание человеческой мысли, дававшие содержание жизни целых поколений, – писал В.А. Мякотин, – переносились в Россию в качестве более или менее красивых декораций барского быта, не оказывая на него сколько-нибудь глубокого влияния». Более определенно, чем В.О. Ключевский, показывал В.А. Мякотин связь усвоения просветительской культуры Франции с крепостным правом. Фразы о равенстве людей, по словам историка, «спокойно уживались в этом быту рядом с грубейшими насилиями крепостного права, восхваления свободы нисколько не мешали широкому распространению культа бесправия» [7, с. 4]. Тем самым он четко указал на своего рода раздвоение в сознании русского просвещенного дворянина второй половины XVIII в.

На такую раздвоенность указывал марксист Г.В. Плеханов на примере поэта и дворянского публициста А.П. Сумарокова. Это был, по его словам, «искренний обличитель неправды, гремевший против “доморазорителей” и ехидно напоминавший помещикам, что не следует “торговать людьми” и “сдирать кожу с крестьян”» [8]. Но на вопрос Вольного экономического общества о крепостном праве он отвечал, что «общее блаженство» «предполагает наличность ... крепостной неволи для крестьянина» [8, с. 263]. Г.В. Плеханов уделял самое существенное внимание особенностям сознания русского общества. Говоря об обсуждении в Уложенной комиссии «прав благородных», крупнейший дворянский идеолог, как подчеркивал Г.В. Плеханов, князь М.М. Щербатов, говорил, что «российский народ еще нуждается в просвещении, которое может быть получено им только от помещиков». Г.В. Плеханов писал: «Особенность российского “умоначертания” в том, что в нашей стране вообще неприменимы свободные учреждения» [8, с. 270].

С культурно-историческим подходом тесно связан подход историко-антропологический. Проявление его выразилось во внимании дореволюционной исторической мысли к феномену русского просвещенного дворянина. В сознании его, как подчеркивал Г.В. Плеханов, имело место стремление соединить идеи Просвещения в том виде, как он их понимал, и в целом западное культурное влияние с реалиями российских крепостнических порядков. Он соглашался со словами А.И. Герцена из его большой статьи «О развитии революционных идей в России», где революционер-демократ подчеркивал принципиальное отличие просветительских идей во Франции накануне революции и в екатерининской России. По словам А.И. Герцена, приведенным Г.В. Плехановым, «во Франции новое учение (идеи Просвещения. – *Е.Г.*), освобождая человека от его старых предрассудков, внушало ему также более высокие нравственные стремления». Но в России было по-иному. «Русские вольтерьянцы охотно откликались на призыв к наслаждению жизнью, “но в их души не проникал торжественный звук набата, звавший людей к великому воскресению”» [9, с. 52]. В этой связи он указывал на морально-нравственную изворотливость просвещенного помещика екатерининского времени. По словам Г.В. Плеханова, «некоторые европеизированные русские люди пользовались новым учением, как средством для усыпления своей совести, т.е. для оправдания перед самим собой, а иногда перед другими, своих безнравственных поступков» [9, с. 52].

Тема морально-нравственной характеристики просвещенного дворянства как часть культурно-антропологического подхода к проблеме представляет исключительный интерес, поскольку соответствует представлению об историческом исследовании как о научном познании человека и его культуры. В данном случае таким человеком выступал просвещенный помещик. В.О. Ключевский наметил в своей 81-й лекции направления такого исследования, выделив своеобразные культурные типы в рамках этого феномена. Он указал на «два любопытных типических представителя», возникших еще при Елизавете Петровне, получивших «характерные названия “петриметра” и “кокетки”» [6, с. 169]. Он также привел примеры некоторых конкретных дворян, в том числе княгини Е.Р. Дашковой, подруги Екатерины II, ставшей президентом Академии наук. Она в юности «зачитывалась до нервного расстройства» произведениями французских просветителей,

«сделала блестящую карьеру», но в конце концов «уединилась в Москве», «бесцеремонно дра-лась со своей прислугой», и дрессировала крыс. «Начать с Вольтера и кончить ручной крысой могли только люди екатерининского времени», – как бы заключал В.О. Ключевский [6, с. 177].

Таким образом, тема крестьянства и крепостного права поднималась в дореволюционной отече-ственной историографии со второй половины XIX в. В ней выделилось несколько направле-ний. И.Д. Беляев и В.И. Семевский, которые поставили эту тему на одно из ведущих мест в оте-чественной историографии, задали ее исследование в контексте прежде всего социальной и эконо-мической истории. В дальнейшем в исследованиях начала XX в. этот подход был дополнен культурно-историческим подходом с элементами исторической антропологии. Труды дореволю-ционных историков по проблеме крестьянства, крепостного права екатерининского времени и его последствий закладывали основу для исследований последующего времени.

Список источников

1. Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 158–218.
2. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Избран-ные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279–350.
3. Пушкин А.С. О русской истории XVIII века // Собр. соч. : в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 7. С. 161–165.
4. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в рус-ском обществе. 2-е изд. М., 1879. 306 с.
5. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1. 643 с.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : в 8 т. М.: Соцэкгиз, 1955. Т. 5, ч. 5. 504 с.
7. Мякотин В.А. На заре русской общественности. Ростов н/Д.: Донская речь, 1904. 80 с.
8. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 21, кн. 2. 296 с.
9. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 22, кн. 3. 364 с.

References

1. Karamzin N.M. A historical word of praise to Catherine II. *Selected works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1910:158-218. (In Russ.).
2. Karamzin N.M. About ancient and new Russia in its political and civil relations. *Selected works*. Mos-cow: ROSSPEN Publ.; 1910:279-350. (In Russ.).
3. Puskhin A.S. About the Russian History of the 18th century. *Collected works*: in 10 vols. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ.; 1976;7:161-165. (In Russ.).
4. Belyaev I.D. *Peasants in Russia. A study on the gradual change in the importance of peasants in Russian society*. 2nd ed. Moscow, 1979. 306 p. (In Russ.).
5. Semevsky V.I. *Peasants in the reign Empress Catherine II*. 2nd ed. St. Petersburg, 1903. Vol. 1. 643 p. (In Russ.).
6. Kluchevsky V.O. Russian History Source. *Essays*: in 8 vols. Moscow: Sotsekgiz Publ.; 1955. Vol. 5, ch. 5. 504 p. (In Russ.).
7. Myakotin V.A. *At the dawn of the Russian Public*. Rostov-on-Don: Donskaya rech' Publ.; 1918. 80 p. (In Russ.).
8. Plekhanov G.V. History of Russian social thought. *Essays*. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ.; 1925. Vol. 21, book 2. 296 p. (In Russ.).
9. Plekhanov G.V. History of Russian social thought. *Essays*. Moscow, Leningrad: Gosizdat Publ.; 1925. Vol. 22, book 3. 364 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Е. Глазунова – аспирант, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

E.E. Glazunova – Postgraduate Student, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 327

doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-78-82

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ТУРЦИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКЕ ЗАПАДНОБАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ (2014–2021 гг.)

Дамир Римович Исламов

Казанский федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия
dam1948@yandex.ru

Аннотация. С момента запуска Берлинского процесса в 2014 г., в рамках которого стали проходить саммиты «Западные Балканы», Евросоюз начал продвигать повестку инфраструктурного сопряжения региона со своими странами-членами в энергетической и транспортной сферах. Впоследствии было выделено более 1 млрд евро на реализацию 45 проектов в этих секторах. Параллельно с 2015–2016 гг. стали осуществляться два крупных газовых проекта – «Турецкий поток» и «Южный газовый коридор» (ЮГК), которые превращали Турцию в одну из крупнейших стран-транзитеров газа в Европу, в том числе и на Балканы. Помимо этого, «для борьбы с зависимостью от российского газа» ЕС активно поддерживал ЮГК с ответвлением на Трансадриатический газопровод (ТАР) через Грецию, Албанию, Италию, который позволил бы получать азербайджанский газ. Подобная ситуация побуждала лидеров стран Западных Балкан заранее формировать более тесные персональные связи с президентом Р. Эрдоганом. А с 2020 г. после запуска Турецкого потока и Трансадриатического газопровода Турция начала себя позиционировать в качестве надежного посредника в поставках газа в Центральную и Юго-Восточную Европу. Следовательно, целью исследования является рассмотрение влияния Евросоюза и Турции на энергетическую безопасность и транспортную политику западнобалканских государств.

Ключевые слова: Европейский союз, Турция, Западные Балканы, Берлинский процесс, «Турецкий поток», «Балканский поток», «Южный газовый коридор», повестка сопряжения

Для цитирования: Исламов Д.Р. Роль Европейского союза и Турции в энергетической и транспортной политике западнобалканских государств (2014–2021 гг.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 78–82.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ROLE OF THE EUROPEAN UNION AND TURKEY IN THE ENERGY AND TRANSPORT POLICIES OF THE WESTERN BALKANS (2014-2021)

Damir R. Islamov

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
dam1948@yandex.ru

Abstract. Since the Berlin Process was launched in 2014, as part of which the “Western Balkans Summits” have been held, the EU has been promoting an agenda for the regional infrastructure integration (Connectivity Agenda) with its member states in the energy and transport sectors. More than €1 billion was subsequently allocated to 45 projects in these sectors. At the same time, two major gas projects, the TurkStream and the Southern Gas Corridor, were launched in 2015/2016, turning Turkey into one of the largest gas transit countries for Europe, including for the Balkans. In addition, “to solve the problem of dependence on Russian gas”, the EU actively supported the Southern Gas Corridor with a leg to the Trans Adriatic Pipeline (TAP) via Greece, Albania and Italy, which would make it possible to obtain Azerbaijani gas. This situation encouraged the leaders of the Western Balkans to develop closer personal ties with President R. Erdoğan in advance. And

© Исламов Д.Р., 2023

since 2020, after the launch of the TurkStream and the Trans Adriatic Pipeline, Turkey began to hold itself out as a reliable intermediary for gas deliveries to Central and South Eastern Europe. Consequently, the aim of the paper is to examine the impact of the EU and Turkey on the energy security and transport policies of the Western Balkans.

Keywords: European Union, Turkey, Western Balkans, Berlin Process, TurkStream, Balkan Stream, Southern Gas Corridor, Connectivity Agenda

For citation: Islamov D.R. Role of the European Union and Turkey in the Energy and Transport Policies of the Western Balkans (2014-2021). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):78-82. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Взаимодействие ЕС и Западных Балкан в энергетической и транспортной сферах

В 2014 г. ЕС принял новую политику в области транспортной инфраструктуры, направленную на создание общей европейской транспортной сети путем формирования Трансъевропейской транспортной сети (TEN-T core network), которая представляет двухуровневую структуру и включает в себя опорную (базовую) сеть (Core Network) и всеобъемлющую (комплексную) сеть (Comprehensive Network). Западные Балканы считались перспективным регионом потенциального расширения Евросоюза. Поэтому в 2014 г. был запущен новый формат саммитов «Западные Балканы» в рамках Берлинского процесса. Именно тогда заговорили о необходимости инфраструктурного развития региона и его сопряжения (Connectivity) со странами-членами ЕС, чему и должен был в первую очередь способствовать так называемый Берлинский процесс, созданный под эгидой ФРГ в лице канцлера А. Меркель. Следовательно, в 2015 г. Евросоюз и страны Западных Балкан договорились о расширении TEN-T на регион, позже утвердив карту базовых и комплексных сетей, что и было закреплено на втором саммите Западных Балкан в рамках Берлинского процесса в Вене [1, p. 3].

Официальное оформление произошло во время четвертого саммита в Триесте в 2017 г. после подписания Договора о создании транспортного сообщества между ЕС и Западными Балканами. Целью являлось образование интегрированного рынка инфраструктуры (наземного, внутреннего водного и морского транспорта) и приведение законодательства стран Западных Балкан в соответствие с правовой системой ЕС. Процесс ратификации и вступления в силу Договора затянулся до 2019 г., а финансовые расходы делились в следующей пропорции: ЕС – 80 %, страны региона – 20 % [2]. Но существовало достаточное количество проблем, чтобы осуществить планы, запрограммированные в Договоре.

Во-первых, низкая плотность железных дорог и автомагистралей в регионе, что создавало инфраструктурный разрыв стран Западных Балкан и ЕС. Поэтому три коридора TEN-T расширили до Западных Балкан – «Средиземноморский», «Восточно-средиземноморский» и «Рейн/Дунай», чтобы попытаться решить эту проблему. Во-вторых, электрификация железных дорог. По мнению Еврокомиссии, железные дороги в регионе по-прежнему сильно зависят от ископаемого топлива: более 30 % опорных сетей TEN-T и примерно 50 % всеобъемлющих сетей не электрифицированы [3, p. 5].

Другим важным аспектом принципа взаимосвязанности являлась сфера энергетики. В 2015 г. Евросоюз принял стратегию формирования Энергетического союза. На фоне этого на саммите в Вене того же года шесть стран региона имплементировали специальные меры в области энергетики, чтобы создать региональный рынок электроэнергии. Данное соглашение включало, в частности, торговлю электроэнергией на интегрированных спотовых рынках, региональном рынке для балансирования электроэнергии и распределения мощности, а также устранение существующих правовых и регулирующих барьеров путем полной реализации Третьего энергетического пакета ЕС и т.п. [4].

В апреле 2016 г. операторы системы передачи, национальные регуляторы, министры энергетики обязались реализовать меморандум о взаимопонимании (MoU), устанавливающий общие принципы сотрудничества, а также конкретные действия по развитию регионального рынка электроэнергии. Во-первых, предусматривалась интеграция рынков на сутки вперед хотя бы с одной

соседней страной или страной-членом ЕС к 2018 г.¹ Во-вторых, налаживание сотрудничества в рамках балансирующего рынка электроэнергии на Западных Балканах [5, p. 231].

Однако выстраивание регионального рынка электроэнергии имело определенные ограничения. Например, в декабре 2019 г. во время конференции в г. Тиват представители министерств, операторов систем передачи и распределительных систем, генерирующих компаний, институтов стран Западных Балкан и ЕС отметили, что, если национальные проекты дали конкретные результаты, то региональные проекты, например интеграция рынка на сутки вперед, сотрудничество в рамках балансирующего рынка электроэнергии, расчет пропускной способности и т.д., нуждались в дальнейшем развитии и внедрении [6].

Главной проблемой, выделяемой Постоянным секретариатом энергетического сообщества, являлось доминантное использование ископаемого топлива, в частности угля, при производстве электроэнергии. Следовательно, основным направлением должен был стать процесс декарбонизации электроэнергетики с расширением возможности возобновляемых источников энергии. Кроме того, на рынок электроэнергии влияли и вопросы политического характера. Например, в 2021 г. Постоянный секретариат возбудил дело об урегулировании споров против Сербии за то, что сербская сторона не согласовала распределение трансграничной пропускной способности через границу с Косово и не предоставила максимальную мощность участникам рынка [7].

Роль Турции в энергетической безопасности Балканских государств

С двумя газовыми проектами «Турецкий поток» и «Южный газовый коридор» Турция начала играть еще более значимую роль в энергетической политике Балканских стран. Стоит отметить, что Турция рассматривает Балканы как целостностный регион, не признавая политический конструкт «Западные Балканы», созданный Евросоюзом, куда входят страны, не являющиеся членами ЕС (Албания, Босния и Герцеговина, Сербия, Северная Македония, Черногория, частично признанное Косово).

Идея проекта «Турецкий поток» появилась после отмены в 2014 г. схожего газового проекта «Южный поток», по которому природный газ из РФ должен был транспортироваться через Черное море в Болгарию, а затем в европейские страны. В конце того же года президент РФ В. Путин официально объявил об отмене «Южного потока», так как компания «Газпром» подписала меморандум о взаимопонимании с турецкой BOTAS Petroleum Pipeline о строительстве «Турецкого потока», которая должна была состоять из двух параллельных трубопроводов с общей пропускной способностью 31,5 млрд м³ газа в год. Первый из них должен был удовлетворять потребности в газе саму Турцию, а второй был предназначен для транспортировки газа в страны Центральной и Юго-Восточной Европы через Болгарию, Сербию и Венгрию.

В ноябре 2018 г. завершилось строительство морского участка газопровода, а в конце 2019 г. – наземного участка до Болгарии. С января 2020 г. «Газпром» начал поставки газа через «Турецкий поток» в Турцию, Болгарию, Грецию и Северную Македонию. По данным турецких СМИ, в 2020 г. через данный маршрут было транспортировано около 5,8 млрд м³ газа [8]. Вскоре были построены дополнительные участки так называемого «Балканского потока» в Болгарии и Сербии, что позволило нарастить пропускную способность до 20 млрд м³ газа в год. В январе 2021 г. «Газпром» начал полноценные поставки газа на сербский рынок, а с апреля – в Боснию и Герцеговину через Сербию, чьи потребности в газе из России в 2019 г. составляли примерно 2,13 и 0,24 млрд м³ соответственно [8]. Кроме того, аналогичные поставки осуществлялись из Болгарии в Румынию. С 1 октября 2021 г. начались поставки российского природного газа в Венгрию и Хорватию по «Балканскому потоку». В целом за 2020–2021 гг. через «Турецкий поток» в Европу было прокачено 16,8 млрд м³ газа [9].

Параллельно с «Турецким потоком» начал работать проект «Южный газовый коридор» (ЮГК), состоящий из трех газопроводов: Южнокавказский (Баку – Тбилиси – Эрзурум), турецкий Трансанатолийский (TANAP) и Трансадриатический (TAP) – через Грецию, Албанию до Италии. Евросоюз стал рассматривать данный проект в качестве альтернативы для «избавления

¹ Рынок на сутки вперед (РСВ) – конкурентный отбор ценовых заявок поставщиков и покупателей за сутки до реальной поставки электроэнергии с определением цен и объемов поставки на каждый час наступающих суток.

от зависимости от российского газа в Юго-Восточной Европе». С завершением строительства последнего элемента Трансадриатического трубопровода (ТАР) в конце 2020 г. Азербайджан начал коммерческие поставки газа в Европу по ЮГК и в 2021 г. по данному маршруту было поставлено около 8,1 млрд м³ газа [10].

Заключение

Следовательно, за 2020–2021 гг. после полноценного запуска двух проектов Турция превратилась в серьезного транзитера как российского, так и азербайджанского газа в Европу. При этом надо понимать, что Турция и Азербайджан являются очень близкими союзниками в последние годы, а турецкое руководство желает еще больше «насытить газом» ЮГК с возможностью подключения газа из Туркменистана. Однако заманчивые предложения со стороны Турции транспортировать туркменский газ в Европу пока не возымели успеха. Но, исходя из того, что Турция превратилась в полноценного транзитера газа, лидеры Центральной и Юго-Восточной Европы вынуждены выстраивать очень тесные персональные связи с президентом Турции Р. Эрдоганом, который контролирует основные рычаги управления во внешней политике страны. Наиболее успешные примеры в этом направлении относились к премьер-министру Албании Э. Раме, президенту Сербии А. Вучичу и премьер-министру Венгрии В. Орбану. Даже те балканские политические лидеры, например М. Додик, которые настороженно относились к проникновению Турции в регион [11, с. 350], из-за роста энергетической взаимозависимости Анкары и Балкан тоже наращивали взаимодействие с турецкими официальными лицами.

Таким образом, Евросоюз в отличие от Турции и других геополитических игроков на Западных Балканах предлагает комплексный подход в развитии энергетической и транспортной сфер западнобалканских государств. За 2015–2020 гг. в рамках Берлинского процесса было выделено более 1 млрд евро на реализацию 45 проектов в обозначенных секторах [4]. Стоит отметить, что турецкие компании сами активно работали над транспортными и энергетическими проектами, инициированными Еврокомиссией. Например, в 2010-е гг. турецкая компания Епка была вовлечена в строительство двух автотрасс R6 Приштина — Хани-и-Элезит в сторону Северной Македонии и R7 им. И. Руговы в сторону Албании как части Панъевропейского транспортного коридора X [4]. К тому же в 2020–2021 гг. наметился тренд сближения интересов Евросоюза и Турции с точки зрения развития и расширения ЮГК в качестве частичной альтернативы российскому газу прежде всего на Балканах.

Список источников

1. Instrument for Pre-accession Assistance (IPA II) 2014–2020. Multi-Country Co-financing of Connectivity Projects in the Western Balkans // European Commission. 2016. URL: <https://clck.ru/33XgXx> (дата обращения: 14.02.2023).
2. Council Decision (EU) 2019/392 of 4 March 2019 on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Treaty establishing the Transport Community // Official Journal of the European Union. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2019/392/oj> (дата обращения: 14.02.2023).
3. Guidelines for the Implementation of the Green Agenda for the Western Balkans // European Commission. 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020SC0223> (дата обращения: 14.02.2023).
4. EU for the Western Balkans investments for the future Connectivity Agenda // European Commission. 2020. URL: <https://clck.ru/33Xn6W> (дата обращения: 14.02.2023).
5. *Shkurti A.* Analysis of the Western Balkans Power Market Prices within the ENTSO-E framework // European Journal of Sustainable Development. 2019. Vol. 8, № 1. P. 229–236. Doi: 10.14207/ejsd.2019.v8n1p229.
6. Annual Implementation Report 2020 // Energy Community Secretariat. 2020. URL: https://www.energy-community.org/dam/jcr:0af3b17a-3759-4a23-a2ef-3134784e217c/EnC_IR2020.pdf (дата обращения: 14.02.2023).
7. Energy Community: Serbia is preventing electricity trade with Kosovo // Balkan Green Energy News. 2022. URL: <https://balkangreenenergynews.com/energy-community-serbia-is-preventing-electricity-trade-with-kosovo/> (дата обращения: 14.02.2023).
8. TurkStream on the diversifying south-eastern European gas market // OSW. 2021. URL: <https://clck.ru/33Xn9F> (дата обращения: 14.02.2023).

9. Kılıç Z. 34.8 billion cubic meters of gas carried through TurkStream in 2 years // Anadolu Agency. 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/energy-projects/348-billion-cubic-meters-of-gas-carried-through-turkstream-in-2-years/34380> (дата обращения: 14.02.2023).

10. Lmahamad A. Minister: Azerbaijan exports 8.3 bcm of gas to Europe in 9M2022 // Azernews. 2022. URL: https://www.azernews.az/oil_and_gas/200806.html (дата обращения: 14.02.2023).

11. Гуськова Е.Ю. Милорад Додик – сербский политический лидер в Боснии и Герцеговине // Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 342–363.

References

1. Instrument for Pre-accession Assistance (IPA II) 2014-2020. Multi-Country Co-financing of Connectivity Projects in the Western Balkans. *European Commission*. 2016. Available from: <https://clck.ru/33XgXx> [Accessed 14th February 2023].

2. Council Decision (EU) 2019/392 of 4 March 2019 on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Treaty establishing the Transport Community. *Official Journal of the European Union*. 2019. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2019/392/oj> [Accessed 14th February 2023].

3. Guidelines for the Implementation of the Green Agenda for the Western Balkans. *European Commission*. 2020. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020SC0223> [Accessed 14th February 2023].

4. EU for the Western Balkans investments for the future Connectivity Agenda. *European Commission*. 2020. Available from: <https://clck.ru/33Xn6W> [Accessed 14th February 2023].

5. Shkurti A. Analysis of the Western Balkans Power Market Prices within the ENTSO-E framework. *European Journal of Sustainable Development*. 2019;8(1):229-236, doi: 10.14207/ejsd.2019.v8n1p229.

6. Annual Implementation Report 2020. *Energy Community Secretariat*. 2020. Available from: https://www.energy-community.org/dam/jcr:0af3b17a-3759-4a23-a2ef-3134784e217c/EnC_IR2020.pdf [Accessed 14th February 2023].

7. Energy Community: Serbia is preventing electricity trade with Kosovo. *Balkan Green Energy News*. 2022. Available from: <https://balkangreenenergynews.com/energy-community-serbia-is-preventing-electricity-trade-with-kosovo/> [Accessed 14th February 2023].

8. TurkStream on the diversifying south-eastern European gas market. *OSW*. 2021. Available from: <https://clck.ru/33Xn9F> [Accessed 14th February 2023].

9. Kılıç Z. 34.8 billion cubic meters of gas carried through TurkStream in 2 years. *Anadolu Agency*. 2022. Available from: <https://www.aa.com.tr/en/energy/energy-projects/348-billion-cubic-meters-of-gas-carried-through-turkstream-in-2-years/34380> [Accessed 14th February 2023].

10. Lmahamad A. Minister: Azerbaijan exports 8.3 bcm of gas to Europe in 9M2022. *Azernews*. 2022. Available from: https://www.azernews.az/oil_and_gas/200806.html [Accessed 14th February 2023].

11. Guskova E.Yu. Milorad Dodik – Serbian political leader in Bosnia and Herzegovina. *New elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: political portraits. The end of the 20th – beginning of the 21st century*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Press; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2022:342-363. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.Р. Исламов – аспирант, Институт международных отношений.

Information about the author

D.R. Islamov – Postgraduate Student, Institute of International Relations.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-83-92

ДОНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ИСТОКИ И РОЖДЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА (СЕРЕДИНА XVI – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Инна Германовна Кислицына
Kislizins@yandex.ru

Аннотация. Исследуются истоки и предпосылки распространения на казачьем Дону XVI – XVII вв. русской грамотности и письменной культуры. Предполагается, что они попали на Дон по установившимся между ним и Москвой каналам связи и стали известны не позднее 1549 г., когда донские казаки впервые были упомянуты в летописи. Временной промежуток между первыми свидетельствами об известности русской грамотности на Дону и переходом к обучению грамоте составлял около двух столетий. Позднее появление в регионе в сравнении с центральной Россией первых учебных заведений говорит о стадильном отставании Дона в этом отношении. Отмечается, что наряду с первыми очагами православия своеобразными центрами русской грамотности на средневековом казачьем Дону были казачьи войсковые канцелярии, что составляло особенность этого региона.

Определяются правовой статус Латинской семинарии, приходских училищ Министерства народного просвещения в отличие от церковно-приходских школ Синода, личность первого директора Малого и Главного народных училищ, сословный казачий характер старейшей на Юге России Новочеркасской гимназии. Рождение феномена донского просвещения оценивается как качественный скачок в истории казачьего Дона, произошедший в середине XVIII в. и определивший его последующее поступательное развитие. Отличаясь большим своеобразием, донское просвещение изначально вписано в общероссийское образовательное пространство и развивалось по его законам.

Ключевые слова: донское просвещение, грамотность, «навычное» обучение, казачья канцелярия, войсковая грамота, войсковой дьяк, домашнее обучение, Латинская семинария, Черкасское духовное училище, Малое и Главное народное училище, Новочеркасская гимназия

Для цитирования: Кислицына И.Г. Донское просвещение: истоки и рождение социокультурного феномена (середина XVI – начало XIX века) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 83–92.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

DON ENLIGHTENMENT: ORIGINS AND BIRTH OF SOCIO-CULTURAL PHENOMENON (MID-16th - EARLY 19th CENTURY)

Inna G. Kislitsyna
Kislizins@yandex.ru

Abstract. The origins and prerequisites of the spread of Russian literacy and written culture on the Cossack Don of the 16th-17th centuries are investigated. The opinion is formulated that they got to the Don through established communication channels between them and Moscow and became known no later than 1549, when it was first mentioned in the chronicle. It is shown that along with the first centers of Orthodoxy, the Cossack military offices were the original centers of Russian literacy on the medieval Cossack Don, which was a feature of this region. The belated appearance of the first spiritual and secular educational institutions testifies to the stadium lag in this respect of the Cossack Don from central Russia. The legal status of the Latin Seminary, the parish schools of the Ministry of Public Education, as opposed to the church-parish schools of the Synod, the personality of the first director of the Small and Main Public Schools, the estate Cossack character of the

oldest in the South of Russia Novocherkassk gymnasium are determined. The birth of the phenomenon of the Don enlightenment is estimated as a qualitative leap in the history of the Cossack Don, which occurred in the middle of the 18th century and determined its subsequent progressive development. It is shown that, differing in great originality, the Don enlightenment was originally inscribed in the all-Russian educational space and developed according to its laws.

Keywords: Don enlightenment, literacy, “habitual” training, Cossack chancery, military diploma, military clerk, home schooling, Latin Seminary, Cherkasy Theological School, Small and Main National School, Novocherkassk gymnasium

For citation: Kislitsyna I.G. Don Enlightenment: Origins and Birth of Socio-Cultural Phenomenon (mid-16th - early 19th century). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(2):83-92. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Донское просвещение – один из базовых факторов истории Донского края и региональной историографии. В ней сложилась традиция, согласно которой возникновение донского просвещения относится к середине – второй половине XVIII в., когда на Дону появились первые официальные учебные заведения – духовные и светские. Такой подход вполне обоснован, но неизбежно возникают вопросы, с какого времени на казачьем Дону были известны русская грамотность и письменная культура, каковы их истоки и каналы распространения, и т.п. Долгое время исследователи считали, что «сегодня сложно судить о том, когда и как на Дону появились грамотные казаки» [1, с. 88]. Вместе с тем *достигнутый* сегодня уровень источниковедения и историографии истории Дона и донского казачества позволяют, на наш взгляд, попытаться это установить, не ограничиваясь только констатацией прежних сведений о первых учебных заведениях Дона.

Согласно Н.М. Карамзину, первое упоминание в летописи о донских казаках относится к 1549 г., когда их вождь Сарыязман, именуясь подданным Иоанна, строил крепости на Дону [2, с. 190]. Московское правительство стало обращаться к казакам при решении тех или иных задач на своих юго-восточных рубежах, первыми свидетельствами чего являются царские грамоты на Дон, датированные 1570 и 1571 гг. В последующие годы это стало постоянной практикой.

Известный исследователь истории казачества С.Г. Сватиков писал: «Формою сношений царя с Доном стали царские грамоты, посылавшиеся через Посольский приказ с особым посланником, а иногда и с русскими послами в Турцию, ехавшими по Дону через Азов в Константинополь, иногда – с гонцами» [3, с. 66]. На Дону выработался церемониал встреч царских послов, одним из центральных моментов которого было зачитывание привезенных из Москвы грамот. Это входило в задачи прибывших на Дон послов, но не был исключен и иной вариант. Так, В.Д. Сухоруков описал, как в июле 1620 г. в Монастырский городок на Дону прибыли с царскими грамотами и жалованьем российские посланники Кондырев и Бормасов. Для их встречи был собран Войсковой круг, на котором послы вручили казакам царские грамоты, а атаман Исай Мартемьянов «со всем войсковым кругом выслушал речи посланников и с благоговением в круг и, *прочтя* (курсив наш. – И.К.) грамоты царские, отвечал» [4, с. 173]. В.Д. Сухоруков установил, что в XVI – XVII вв. между Москвой и Доном осуществлялась двусторонняя переписка: с Дона в Москву, в Посольский приказ посредством так называемых зимовых станиц отправлялись войсковые отписки, челобитные и другие документы.

Обратим внимание на хронологию войсковых отписок в Москву, исследованных В.Д. Сухоруковым: 1617, 1625, 1630, 1637, 1646 гг. и более позднего времени [4]. Сейчас документы и материалы, характеризующие отношения Москвы и Дона в XVI – XVII вв. и отложившиеся тогда в Посольском приказе, ведавшим этими отношениями с 1613 г., т.е. с начала царствования Михаила Романова, хранятся в ЦГАДА. Значительная их часть опубликована комиссией В.Г. Дружинина в 1898–1917 гг. [5].

Установившиеся между Москвой и Доном связи объективно наряду с прочим сыграли роль канала их культурного взаимодействия, по которому на Дон попали разнообразные образцы русской грамотности и письменной культуры. Согласно С.Г. Сватикову, наряду с Москвой в

XVI – XVII вв. Войско имело внешние сношения также «...с Азовом, крымским ханом, с турецким султаном, с польским королем, с персидским шахом, главами орд Ногайской, татар и калмыков, казачьими войсками Запорожья, Яика, Терека» [3, с. 67]. Одним из наиболее ранних документов из этой переписки, который упоминает С.Г. Сватиков, является грамота донских казаков Волжским, Терским и Яицким атаманам и казакам, датированная 1614 г. [3, с. 68].

Донские и запорожские казаки, являясь ближайшими соседями, создали Запорожскую Сечь и Войско Донское, неоднократно совершали различные совместные акции, вели переписку. С.Г. Сватиков привел грамоту запорожцев донским казакам 1650 г., которую «рукою власною» (собственной. – *И.К.*) подписал Богдан Хмельницкий [3, с. 68]. В то время запорожские казаки весьма активно взаимодействовали с турками. Так, по мнению Яворницкого (1855–1940), известного исследователя истории запорожского казачества, в основу картины И. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» был положен реальный исторический факт, связанный с событиями начала 1670-х гг. [6, с. 538].

Как видим, в середине XVI – XVII вв. в результате письменной коммуникации между Москвой, Доном и его ближайшими соседями образовался большой массив документов и материалов, который убедительно свидетельствует: русская грамотность и письменная культура были известны на Дону не позднее первых сведений о нем в летописи (1549 г.). Их основные носители – выходцы из центральной России, являвшиеся, по мнению исследователей, главным источником пополнения рядов донского казачества в эпоху позднего средневековья. Это были представители различных слоев общества: крестьяне, посадские люди, мелкие служилые люди и даже дворяне, встречавшиеся среди атаманов донских казаков [7]. В числе приходивших на Дон были, несомненно, люди, владевшие грамотой. Исследователи предполагают, что грамотность стала распространяться достаточно широко в различных местностях Московского государства уже в XV в. от столицы и до окраин Севера и Сибири [8, с. 36–37]. Тем более это относится к моменту, когда Россия находилась на пороге Нового времени, и традиции грамотности и просвещения, известные со времен Древней Руси, постоянно приумножались.

На Дон приходили как миряне, так и представители православного клира, как правило, владевшие грамотой. Исследователь истории русской православной церкви на Дону С.В. Римский установил, что вполне достоверные сведения о православных общинах на Дону относятся к XVI – XVII вв. В документах того времени упоминаются культовые постройки на Дону (в основном часовни), духовенство, церковные книги, предметы церковной утвари. В 1650 г. в Черкасске была основана первая казачья церковь, в 1652 г. – первый на Дону Усть-Медведицкий Спасо-Преображенский монастырь. Нарождавшиеся на Дону православные духовные структуры объективно, как и везде, становились центрами русской грамотности и письменной культуры, сохранения памятников православной культуры.

Жизнь в условиях враждебного окружения и постоянной внешней угрозы поставила казаков перед необходимостью строить специальные поселения военного типа. С течением времени в казачьих городках сформировались канцелярии в составе атамана, есаула, дьяка и подьячего. С.Г. Сватиков писал, что дьяк был, так сказать, «...генеральным секретарем Войска, через него шли все внутренние дела и внешние сношения, считался дьяк на Дону “человеком знатным”, ибо был у государевых дел и войсковых писем» [3, с. 38]. Н.А. Мининков сделал вывод, что во второй половине XVII в. грамотные казаки на Дону «обязательно встречались в каждом городке, поскольку между войском и городками существовала переписка» [7, с. 457]. По данным В.Н. Королева, к концу XVI в. на Дону и его притоках насчитывалось свыше 30 казачьих городков, а в 1670-х гг. – около сотни [9].

Можно предположить, что в последней трети XVII в. в казачьих городках было не менее сотни дьяков и подьячих, т. е. людей, владевших грамотой и практикой ведения войскового делопроизводства. В казачьих канцеляриях родились многочисленные образцы официального делового письма донского казачества с неповторимым языком и образным стилем, весьма далеким от сухих канцеляризов. Б.В. Лунин обратил внимание на то, что деловая переписка Дона с Москвой в XVI – XVII вв. была очень литературна. Не случайно одним из родоначальников письменной литературной традиции на Дону исследователи считают казачьего канцеляри-

ста Федора Порошина, очевидца и участника азовских событий 1641 г., бежавшего ранее на Дон из холопства у видного государственного деятеля России XVII в. князя Н.И. Одоевского.

Именно Ф. Порошина считают автором выдающегося памятника средневековой русской литературы Поэтической повести об Азовском осадном сидении 1641 г. Примечателен следующий факт, описанный в повести: *«Почели к нам толмачи их кричать, чтоб им говорить с нами, а то уж у нас речи не было, потому что язык наш от истома нашей во устах наших не воротится. И оне, бусорманы, догадалися – к нам на стрелах почали ерлыки метать. А в ерлыках они своих пишут – просят у нас пустова места азовского, а дадут за него выкуп... И мы им напротив пишем...»* [цит. по: 10, с. 102–103]. Судя по тону автора повести, переписка турок с казаками во время осады Азова не являлась чем-то необычным, не вписывавшимся в сложившуюся практику их общения. Позднее В.Д. Броневский (1784–1835) писал о так называемом «навычном просвещении», которое получали донцы во время военных походов по разным местам Европы и Азии.

Если в центральных районах средневековой Руси главными центрами грамотности и письменной культуры были церкви и монастыри, то на казачьем Дону XVI – XVII вв. наряду с ними такую же роль играли казачьи канцелярии. По мере увеличения их числа и расширения территорий, где они появлялись, их роль постоянно возрастала, что способствовало процессу распространения русской грамотности и письменной культуры на Дону в эпоху позднего средневековья.

В отечественной историографии известен феномен так называемых «прелестных» грамот и писем, родившийся в ходе массовых народных движений на Дону под предводительством С. Разина в 1670–1671 гг. и К. Булавина в 1708–1709 гг. Эти документы обычно рассматриваются исследователями как важный источник по истории данных событий, но в контексте нашей работы предлагаем оценить их с точки зрения известности и распространенности на казачьем Дону XVII – начала XVIII в. грамотности и письменной культуры. Анализ текстов показывает, что они были написаны в стиле и по канонам войсковых грамот. Авторы вероятней всего были людьми хорошо знакомыми с работой казачьих канцелярий и владевшими навыками написания (составления) различных деловых бумаг, выходивших из их стен. Важно учесть, что эти обращения, которые «прельщали» народ выступить против власти, были прямо адресованы рядовым казакам, умевшим читать и понимать их. Образный, самобытный, яркий язык «прелестных» грамот и писем чрезвычайно роднит их с повестями Азовского цикла, по сути они представляют еще одну драматическую повесть о событиях на Дону в начале Нового времени, написанную их непосредственными участниками и очевидцами.

Распространение грамотности и письменной культуры на казачьем Дону закономерно привело к качественному скачку – переходу к обучению грамоте, т.е. собственно к началу развития просвещения. Во-первых, казачья верхушка стала посылать своих детей на учебу в города за пределами Дона. В.Н. Королев документально установил, что в 1676–1677 гг. в Москве обучались сыновья атамана Н. Самаренина и П. Степанова [9]. Во-вторых, непосредственно на Дону примерно тогда же появилось домашнее обучение силами дяжков, пономарей и других грамотных людей.

В.О. Ключевский считал, что начатки школьного образования были посеяны в России в XVII в. «Не думайте, – писал он, – что это были настоящие правильно устроенные на наш взгляд школы с выработанным уставом, с учебными планами и программами, постоянным преподавательским штатом и т.п. Первоначальный вид русской школы в XVII в. был прямым продолжением древнерусского способа обучения грамоте: духовные лица или особые мастера брали детей на выучку за установленную плату» [11, с. 261].

Первое официальное учебное заведение появилось на Дону по указу Елизаветы Петровны 1746 г. «Об обучении детей донского духовенства для замещения освобожденных церковнослужительских мест». В указе говорилось: «...отослать для обучения в домовую епархиального вашего архиерея семинарию и содержать там их своим коштом, а буде в архиерейскую семинарию отсылать и тамо их на своем коште содержать, по вашей необыкновенности, тяжело и неудобно, то позволить иметь в Черкасске или в другом по вашему рассмотрению, пристойном месте семинарию же или училищный дом и содержать оной на своем коште» [12, с. 417].

Как установил первый исследователь истории семинарии А.А. Кирилов (1856–1922), Войско остановило свой выбор на втором варианте учреждения семинарии в Черкасске. В обнаруженной им грамоте войскового атамана Данилы Ефремова от 10 августа 1752 г. говорилось о существовании в Черкасске войсковой семинарии [13, с. 31]. Таким образом, временной промежуток между первым свидетельством об известности на средневековом казачьем Дону русской грамотности и переходом к обучению грамоте, т.е. собственно к просвещению, составил около двух столетий.

В региональную историографию данная семинария вошла под названием *Латинской*, именно так называл ее А.А. Кирилов. Тональность сюжетов о семинарии современных авторов зачастую создает ошибочное впечатление некой исключительности этого учебного заведения, учрежденного в «Земле донских казаков» в середине XVIII в. Но это не так. Латинская семинария в Черкасске принадлежала к определенному типу учебных заведений Российской империи, начало истории которого связано с Духовным Регламентом 1721 г., требовавшим создавать при домах епархиальных владык архиерейские школы для обучения церковнослужительских детей. В 1730-х гг. в некоторых из них стали преподавать латинский язык и называть их семинариями. Время учреждения первого официального учебного заведения на Дону, контингент воспитанников – церковнослужительские дети, перечень преподававшихся в нем предметов, включая латинский язык, – все это говорит о том, что именно такая семинария была учреждена в Черкасске по указу 1746 г. Особенность ее заключалась в том, что донским казакам ввиду их «необыкновенности» было позволено открыть семинарию вне архиерейского дома: в то время Земля донских казаков входила в состав Воронежской епархии и не имела на своей территории архиерейского дома. Известно, что в 1757 г. семинария прекратила существование в результате пожара.

Спустя несколько лет после прекращения работы Латинской семинарии епископ Воронежский Тихон писал, что в «...полудиком пространстве Донского края народ коснеет в невежестве», а большинство приходских священников малограмотны [14, с. 7]. В 1766 г. в Черкасске по его распоряжению было открыто духовное училище для обучения детей лиц духовного звания, но оно прекратило свое существование в 1779 г. из-за материальных трудностей и отказа донского духовенства делать денежные взносы на обучение своих детей [14, с. 13].

Латинская семинария (1746–1757) и Черкасское духовное училище (1766–1779) в общей сложности просуществовали немногим более 20 лет, но их значение для становления донского просвещения трудно переоценить. По словам А.А. Кирилова, они породили в среде населения «сознание в необходимости образования». Это подтверждает и следующий факт: «В конце лета 1776 г. донская канцелярия отправила шесть казачьих детей обучать в Московский университет и одного в Харьковский коллегиум. Семь молодых людей – капля в море, но все-таки» [15, с. 21].

Распространение на казачьем Дону просвещения открыло новую страницу в его истории. С.М. Соловьев, автор «Истории Российской с древнейших времен до наших дней», писал что лишь в царствование Елизаветы Петровны «...многостороннее воздействие петровского западничества сказалось в полной мере, и результат его может быть назван Российским просвещением, умственные интересы начинают находить более доступа в обществе» [16, с. 307].

Вместе с тем в степной глубинке огромного Донского края ростки грамотности пробивались с трудом. В «Истории или повествовании о донских казаках» А.И. Ригельмана, доведенной им до 1770-х гг., рассказывается о происхождении и менталитете казачества, его привычках, традициях, но нет ни одного упоминания о грамотных казаках. От себя скажем, что ко времени появления на Дону Латинской семинарии и Черкасского духовного училища существовало уже значительное по сути *стадиальное отставание* Земли войска Донского от центральной России в развитии народного образования. Являясь низшим типом духовных учебных заведений, семинария и училище были созданы в то время, когда в Москве начал действовать первый в России университет (1755).

Образовавшаяся на Дону после прекращения работы Латинской семинарии и Черкасского духовного училища пауза в развитии образования пришлась на время, когда Российская империя проводила на своих южных рубежах активную внешнюю политику. Участвуя в русско-турецких войнах, Войско Донское столкнулось с острой нехваткой грамотных казаков. Войско-

вая администрация в марте 1785 г. разработала грамоту о мерах к обучению старшинских и казачьих детей [17, с. 134–135]. В документе уже не шла речь об обучении грамоте детей лиц духовного звания.

Появление грамоты практически совпало по времени с введением в действие Устава народных училищ 1786 г. – первого в России подобного документа, разработанного по распоряжению Екатерины II специальной комиссией во главе с сенатором Завадовским. Согласно Уставу, в губернских городах должны были создаваться Главные (4-годичные), а в уездных Малые (2-годичные) училища. Преемственность в обучении достигалась общностью учебных планов Малых и первых двух классов Главных народных училищ. В 1786 г. намечалось открыть народные училища в 25 так называемых внутренних губерниях страны, продолжив этот процесс в 1788 в окраинных губерниях, к которым относилась тогда Земля войска Донского. Основные рычаги этой большой и впервые проводившейся на Дону работы были отданы в руки князя Потемкина, являвшегося в то время наместником Астраханским, Новороссийским и Азовским. Непосредственным исполнителем указаний центра был А.И. Иловайский, войсковой атаман Земли войска Донского в 1775–1797 гг.

А.Г. Филонов утверждал: «Первое учебное заведение на Дону под названием Главное народное училище было основано 1790 года в 1 день апреля» [18, с. 153]. А.А. Кирилов, опираясь на выявленные им в начале XX в. в войсковом архиве (Новочеркасск) документы, установил, что в действительности события разворачивались по-иному. В течение 1790 г. в Черкасске развернулась подготовительная работа по учреждению Малого народного училища, открытие которого состоялось не ранее 2 октября 1790 г. Принимать в училище планировали мальчиков «без требования какой-либо платы». Первые учителя в училище были присланы Санкт-Петербургской комиссией народных училищ, а именно «Дмитрий Божковский со товарищи», всего 4 человека [19, с. 156].

После публикации работы А.Г. Филонова в региональной литературе утвердилась точка зрения, которая тиражируется до настоящего времени, что первым директором училища стал полковник Петр Алексеевич Иловайский, сын войскового атамана [20, с. 224]. Документы свидетельствуют о ее ошибочности. 29 мая 1790 г. войсковой атаман А.И. Иловайский писал князю Г.А. Потемкину: «Приемлю смелость рекомендовать пред вашей светлостью служащего при Донском войске штаб-лекаря Андрея Ягодина, имеющего на звание сие довольно хорошую способность по разумению его знаний и языков, долженствующих преподаваться по уставу в народном училище. Он готов, если ваша светлость соизволит повелеть и для прочности служения имеет желание, переменить род службы, включен буде в Донское войско, льстя себя надеждою высоких вашей светлостей милостей в награждении чином соразмерно учиненной об нем в коллежского асессора рекомендации» [21, с. 99–100]. В последующем в ряде документов идет речь о А. Ягодине как директоре Малого, затем Главного народного училищ [17, с. 9; 19, с. 159].

Согласно Уставу 1786 г., по истечению двух учебных лет Малое народное училище было преобразовано в Главное 4-годичное. Документы говорят о том, что открытие обоих народных училищ в Черкасске было обставлено весьма торжественно: божественная литургия и благодарственный молебен, речи учителей и демонстрация для присутствовавших «образа учения», пушечная пальба и фейерверк. Как отмечается в литературе, это было повсеместной практикой, так как для каждой губернии и уезда открытие народных училищ было весьма важным событием. Дорогостоящие церемонии имели целью представить населению провинции Екатерину II как просвещенного монарха и привязать местные элиты к школе [22, с. 300]. Так в конце XVIII в. донское просвещение было включено в единое общероссийское образовательное пространство и стало его неотъемлемой частью.

Главное народное училище просуществовало более 10 лет. В начале XIX в. в нем было 4 обычных класса и пятый рисовальный. Учеников II, III и IV классов обучали французскому и немецкому языкам, а в последние годы существования училища – риторике и логике. Число учителей в училище возросло до 8 человек. Обучение велось по учебникам, рекомендованным Санкт-Петербургской комиссией училищ [17, с. 12–13]. К этому времени наряду с Главным народным училищем действовало еще два Малых народных училища в таких крупных станциях, как Нижне-Чирская (1802) и Усть-Медведицкая (1803). Помимо училищ много детей про-

ходили так называемое домашнее обучение. Ссылаясь на данные Директора училищ, А.Г. Филонов писал, что в 1804 г. в г. Черкасске «один казак, одна обер-офицерская жена, семь казачьих жен и одна девица учат в своих домах детей мужского пола – 210, женского – 49, всего – 259. Заметим еще, что учителя Главного училища имели пансионеров: у Божовского учился сын Атамана Платова, другие имели по 10 и менее пансионеров» [18, с. 159]. Таким образом, первые немногочисленные официальные учебные заведения начинали работать в условиях сохранения практики домашнего образования.

В марте 1801 г. новым российским императором стал Александр I. «...Дней Александровых прекрасное начало...», – так обозначил А.С. Пушкин первые годы его царствования, отмеченные возрождением политики «просвещенного абсолютизма». Именно в начале XIX в. в России были заложены основы системы народного образования, характерной для всего последующего времени, вплоть до 1917 г. В 1802 г. было создано Министерство просвещения во главе с графом Завадовским, вся территория страны разделена на 6 учебных округов во главе с попечителями. Центрами учебных округов были определены университеты, число которых возросло до шести.

В 1804 г. был введен в действие новый Устав учебных заведений, который сохранил екатерининский принцип открытого доступа к образованию, но при этом создал более сложную и разветвленную структуру системы образования. Ее основными звеньями являлись гимназия – уездное училище – приходское училище. Гимназии создавались на основе Главных народных училищ. Они имели 4-летний учебный курс и предназначались для юношей, окончивших уездные училища независимо от сословия и национальности. Уездные училища создавались на основе Малых народных училищ, имели 2-летний учебный курс и предназначались для подготовки учащихся «всякого звания» к поступлению в гимназию.

Одногодичным учебным заведениям было дано название приходских училищ, причем отныне они должны были учреждаться не только в городах, но и в сельской местности. В средневековой Руси церковный приход, как установили исследователи, имел не только церковное значение, но одновременно являлся мелкой земской единицей с функцией земского самоуправления. Длительное сохранение на Руси этой традиции и обусловило название народных училищ в мелких земских единицах как приходских училищ [23, с. 17]. В них принимались дети «всякого сословия» без различения «полу и лет». Выпускники приходских училищ могли продолжить обучение в уездных училищах.

Земля войска Донского вошла в состав Харьковского учебного округа, включавшего обширные области Центральной России и Украины, а также новороссийские земли и территории Донского и Черноморского казачьих войск. Центром Харьковского учебного округа стал Харьковский университет, открытый в 1805 г., попечителем округа – сенатор граф Северин Потоцкий. Живя в столице и регулярно участвуя в коллегиальном обсуждении всех вопросов развития просвещения, попечители учебных округов должны были периодически объезжать свои округа. При Харьковском университете, как и при других, был создан Училищный комитет, ведавший учебными заведениями округа.

На территории Харьковского учебного округа «визитатором» учебных заведений был назначен профессор русского права И.Ф. Тимковский (1772–1783), показавший себя на этом посту настоящим энтузиастом просвещения. Первую инспекционную поездку на Дон проф. Тимковский предпринял в мае 1805 г. в связи с введением в действие Устава 1804 г. и предусмотренного им открытия гимназии на базе Главного народного училища. Обстоятельства этого визита нашли отражение в документах, хранящихся в РГВИА, свидетельствующих о беспокойстве казаков: не приведет ли введение нового школьного устава к тому, что молодежь позабудет свое главное занятие – военное дело. Визитатору Тимковскому пришлось разъяснять, что получение знаний, в том числе гражданского свойства, будет только полезно для будущей военной карьеры. В конечном счете атаман М. Платов согласился финансировать уездное училище при гимназии, если в нем будет преподаваться тактика боя. При этом он продолжал выступать против совместного обучения детей мещан, крестьян и казаков [22, с. 490].

11 июля 1805 г. в Черкасске была торжественно открыта первая на Дону гимназия на базе преобразованного Главного народного училища, а также уездное училище при ней. На церемо-

нии открытия профессор Тимковский прочитал «Рассуждение о настоящей необходимости учебных заведений и зависимости крепости народа от его просвещения», выдержанное в философском духе [14, с. 132]. Как сообщалось в отчете Харьковского университета, на учительские должности в гимназию были зачислены ранее преподававшие в Главном народном училище титулярный советник Дмитрий Южковский (физика и математика), протоиерей Алексей Оридовский (философия, изящные науки и словесность), коллежский регистратор Павел Яновский (латинский язык), а также определенные в гимназию Христиан Арнольди (немецкий язык), отставной мичман Антон Панин (французский язык). Учитель Золотарев, преподававший в народном училище историю, «по слабости его знаний» был уволен [14, с. 142–143].

А.Г. Филонов писал: «1805 год должен составить замечательную страницу в истории просвещения на Дону, пробуждены были силы и многие почувствовали потребность к образованию. Явились благомыслящие люди, которые жертвовали капиталами своими на заведение новых училищ. Генерал-майор Курнаков изъявил желание открыть Михайловское училище, два нечиновных человека – казак Павел Леонтьев Шрамков и Острогжский, купец Филипп Федоров Стюденикин предлагали за свой счет завести училище в Аксае...» [18, с. 178–179].

Что касается гимназии, то в 1805–1806 гг. администрация Войска Донского приняла ряд решений, которые должны были создать у казаков и их детей стимул к получению образования. Так в 1805 г. было решено «не наряжать на службу обучающихся в училищах, покуда не окончат учение, хотя бы они пришли в совершеннолетие, а при том для большего поощрения к наукам некоторых из отличающихся успехами учеников гимназии производить в урядники и унтер-офицеры» [17, с. 144].

Первым директором гимназии стал А.Г. Попов, впоследствии известный также как автор «Истории о донских казаках» (1814). В справке об А.Г. Попове, составленной в Министерстве просвещения по итогам специальной проверки работы Донских училищ Войска Донского и подведомственных учебных заведений (1818) сообщалось: «Из студентов Московского университета. В службу поступил в канцелярию Войска Донского писарем и землемером 29 июля 1782 г., был директором Главного училища с 20 ноября 1797 г. по 18 января 1799. Потом 4 декабря 1801 г. снова определен директором училищ в Войске Донском, по свидетельствованию бывшего войскового Атамана гр. Платова к бывшему министру просвещения гр. Разумовскому о отличной службе его на пользу вверенных ему учебных заведений. 7 июля 1811 г. пожалован кавалером св. Владимира 4 степени. Старанием его учреждены в Войске Донском уездные и приходские училища. За успехи учеников тамошней гимназии и Черкасского уездного училища, оказываемые ими при открытых испытаниях, получал от управлявших Донским войском благодарность, также и от попечителя Харьковского учебного округа за отличное усердие к службе, деятельность и попечение о пользе подведомых ему училищ объявлена ему благодарность. От роду имеет 55 лет» [19, с. 180–181]. (А.Г. Попов был бессменным директором гимназии вплоть до выхода в отставку в 1824 г. Скончался в 1844 г. в возрасте 80 лет.)

Согласно ведомости училищного комитета Харьковского университета, с 1806 по 1918 г. включительно гимназию закончило 79 человек, причем самым многочисленным был гимназический выпуск 1806 г. – 12 человек [19, с. 185–189]. За эти же годы в Харьковский университет поступило 26 выпускников. Еще шести выпускникам гимназии в приеме было отказано «за слабыми в науках успехами» [19, с. 183–184].

В журнале Войсковой канцелярии за 10 ноября 1819 г. была сделана запись, свидетельствовавшая о большой востребованности возвращавшихся на Дон выпускников университета. 2 чел. работали лекарями, 2 – учителями, в училищах, 2 – занимались статистическим землеописанием, 2 – служили при войсковой и 1 – при атаманской канцелярии, 1 – при Донской артиллерии [24, с. 157]. По свидетельству казачьего историка Н.И. Краснова, в начале 1820-х гг. в штабе войскового наказного атамана Войска Донского была собрана лучшая образованная казачья молодежь – Сухоруков, Селиванов, Колесников, Кушнарев, Кучеров и другие питомцы университета.

Грамотность, знания, получение образования в учебных заведениях Дона и за его пределами считались важными характеристиками казачьей элиты, создававшими возможности для успешного продвижения по службе и карьерного роста как в военной, так и в гражданской областях.

Просвещение становилось одним из основных факторов развития Донского края, определявших его перспективы.

Список источников

1. Казачий Дон. Очерки истории. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. облИУУ, 1995. Ч. II. 208 с.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов н/Д., 1990. Т. VIII, кн. 3.
3. Сватиков С.Г. Россия и Дон. Белград: Донская ист. комиссия, 1924. 592 с.
4. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. 2-е изд. Ростов н/Д.: ГинГО, 2001. 514 с.
5. Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д.: Приазовский край, 2001. 380 с.
6. Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев; Москва: Евролинц, 2003. 630 с.
7. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1998. 510 с.
8. Цирульников А.М. Из тайных архивов русской школы. История образования в портретах и документах. М.: Дело; РАНХиГС, 2021. 504 с.
9. Королев В.Н. Донские казачьи городки // Донская археология. 1999. № 1. С. 5–23.
10. Лунин Б.В. Азовская эпопея 1637–1941 годов. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1988. 109 с.
11. Ключевский В.О. Курс истории. М.: Мысль, 1988. Ч. 3. 416 с.
12. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-лейтенантом А.А. Лишиным. Новочеркасск: Областное правление Войска Донского, 1894. Т. 2, ч. 2. 513 с.
13. Сборник Областного войска Донского статистического комитета (СОВДСК). Новочеркасск, 1902. Вып. 3. 159 с.
14. СОВДСК. Новочеркасск, 1904. Вып. 4. 148 с.
15. Лесин В.И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. 403 с.
16. Соловьев С.М. Соч. М.: Мысль, 1993. Кн. XI. 629 с.
17. СОВДСК. Новочеркасск, 1905. Вып. 5. 148 с.
18. Филонов А.Г. Очерки Дона. СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. 195 с.
19. СОВДСК. Новочеркасск: Новочеркасск, 1906. Вып. 6. 222 с.
20. История Донского казачества : в 3 т. Ростов н/Д.: Золотое сечение, 2020. Т. 2. 296 с.
21. СОВДСК. Новочеркасск, 1901. Вып. 2. 143 с.
22. Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. / пер. с нем. А.И. Савина. М.: РОССПЭН, 2018. 613 с.
23. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект-Пресс, 1996. 366 с.
24. СОВДСК. Новочеркасск: Частная дон. тип., 1907. Вып. 7. 166 с.

References

1. *Cossack Don. History essays*. Rostov-on-Don: Rostov Regional Institute of Teacher Improvement Press; 1995. Part II. 208 p. (In Russ.).
2. Karamzin N.M. *History of Russian Government*. Rostov-on-Don, 1990. Vol. VIII, book 3. (In Russ.).
3. Svatikov S.G. *Russia and Don*. Belgrade: Don Historical Commission Press; 1924. 592 p. (In Russ.).
4. Sukhorukov V.D. *Historical description of the Land of the Don Cossacks*. 2nd ed. Rostov-on-Don: GinGO Publ.; 2001. 514 p. (In Russ.).
5. Agafonov A.I. *History of the Don region (16th - first half of the 19th century. Historical sources and their study)*. Rostov-on-Don: Priazovskii kraj Publ.; 2001. 380 p. (In Russ.).
6. Shumov S., Andreev A. *History of the Zaporozhian Sich*. Kyiv; Moscow: Evrolints Publ.; 2003. 630 p. (In Russ.).
7. Mininkov N.A. *Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)*. Rostov-on-Don: Rostov State University Press; 1998. 510 p. (In Russ.).
8. Tsurulnikov A.M. *From the secret archives of the Russian school. The history of education in portraits and documents*. Moscow Delo Publ.; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Press; 2021. 504 p. (In Russ.).
9. Korolev V.N. Don Cossack towns. *Donskaya arkheologiya = Don Archeology*. 1999;(1):5-23. (In Russ.).
10. Lunin B.V. *The Azov epic of 1637-1941*. Rostov-on-Don: Book Publishing House; 1988. 109 p. (In Russ.).
11. Klyuchevsky V.O. *History course*. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. Part 3. 416 p. (In Russ.).

12. *Acts, related to the history of the Don troops, collected by Lieutenant General A.A. Lishin*. Novocherkassk: Regional Board of the Don Army Press; 1894. Vol. 2, ch. 2. 513 p. (In Russ.).
13. *Collection of the Regional Army of the Don Statistical Committee (CRADSC)*. Novocherkassk, 1902;3. 159 p. (In Russ.).
14. *CRADSC*. Novocherkassk, 1904;4. 148 p. (In Russ.).
15. Lesin V.I. *Ataman Platov*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 2005. 403 p. (In Russ.).
16. Soloviev S.M. *Essays*. Moscow: Mysl' Publ.; 1993. Book XI. 629 p. (In Russ.).
17. *CRADSC*. Novocherkassk:1905;5. 148 p. (In Russ.).
18. Filonov A.G. *Don's essays*. St. Petersburg: Printing House of Korolev and Co; 1859. 195 p. (In Russ.).
19. *CRADSC*. Novocherkassk: Novocherkassk Publ.; 1906;6. 222 p. (In Russ.).
20. *History of the Don Cossacks*: in 3 vols. Rostov-on-Don: Zolotoe sechenie Publ.; 2020. Vol. 2. 296 p. (In Russ.).
21. *CRADSC*. Novocherkassk: 1901;2. 143 p. (In Russ.).
22. Kusber Ya. *Education of elites and public education in the Russian Empire in the 18th - first half of the 19th century*. Transl. from German by A.I. Savin. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2018. 613 p. (In Russ.).
23. Klibanov A.I. *Spiritual culture of medieval Rus'*. Moscow: Aspekt-Press Publ.; 1996. 366 p. (In Russ.).
24. *CRADSC*. Novocherkassk: Private Don Printing House; 1907;7. 166 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.Г. Кислицына – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

I.G. Kislitsyna – Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-93-104

РАПОРТ И. Я. ГЕРШТЕЙНА ПО ДЕСАНТУ НА МИУССКОМ ПОЛУОСТРОВЕ 9–14 ИЮНЯ 1918 ГОДА

Александр Викторович Миргородский
Администрация города Таганрога, Таганрог, Россия
mirgorodski@mail.ru

Аннотация. Рассматривается документ, имеющий существенное научное значение для истории Красного десанта 1918 г. и Гражданской войны на Юге России. Это объяснительная записка комиссара Азовской военной флотилии Герштейна, адресованная следственным органам Кубано-Черноморской советской республики. Основная задача статьи – введение в научный оборот документа, ранее неизвестного исторической науке. В отличие от других отечественных первоисточников, здесь впервые представлены не поздние воспоминания, а рапорт, подготовленный одним из главных действующих лиц по горячим следам событий. И. Я. Герштейн рассказывает историю десанта в хронологической последовательности – от зарождения самой идеи в Ейском отделе до непосредственной высадки под Таганрогом, сопровождавших её проблем, и, наконец, его собственного видения причины поражения десантников.

Ключевые слова: Таганрог, Ейск, Батайск, Гражданская война, Азовская флотилия, И. Я. Герштейн, Красный десант 1918 г.

Для цитирования: Миргородский А.В. Рапорт И. Я. Герштейна по десанту на Миусском полуострове 9–14 июня 1918 года // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 93–104.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

REPORT OF I. YA. GERSHTEIN ON THE LANDING ON THE MIUS PENINSULA ON JUNE 9–14, 1918

Alexander V. Mirgorodsky
Taganrog City Administration, Taganrog, Russia
mirgorodski@mail.ru

Abstract. The article deals with the document of significant research importance for the history of the Red Landing in 1918 and the Civil war in the South of Russia. This is an explanatory note by the Azov military flotilla commissioner Gershtein, addressed to the investigating authorities of the Kuban-Black Sea Soviet Republic. The main objective of the article is the introduction into research circulation of a document previously unknown to historical science. Unlike other domestic primary sources, here for the first time we are dealing not with late memories, but with a report prepared by one of the main characters in the hot pursuit of events. I. Ya. Gershtein tells the story of the landing in chronological order - from the birth of the idea itself in the Yeisk department to the direct landing near Taganrog, the problems that accompanied it, and, finally, his own vision of the cause of the defeat of the paratroopers.

Keywords: Taganrog, Yeysk, Bataysk, Civil War, Azov flotilla, I. Ya. Gershtein, Red Landing in 1918

For citation: Mirgorodsky A.V. Report of I. Ya. Gershtein on the Landing on the Mius Peninsula on June 9-14, 1918. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):93-104. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

© Миргородский А.В., 2023

Красный десант, высаженный в германском тылу у города Таганрога, относится к числу самых масштабных десантных действий периода Гражданской войны. Вечером 9 июня 1918 г. суда Азовской военной флотилии осуществили высадку примерно 6 тыс. бойцов революционных войск Черноморско-Кубанской федеративной республики на Миусском полуострове. Цель отправленного из Ейска тактического десанта и одновременного наступления красных под Батальском заключалась в освобождении оккупированного немцами города Таганрога. Крайне неудачные места для высадки, многочисленные ошибки, допущенные командованием Азовского боевого участка красных, неудовлетворительная подготовка десантных сил, составленных из недавно бывших рабочих, крестьян и шахтёров, привели к гибели свыше 5 тыс. человек. При этом порядка 1,5–2 тыс. из них составляли сдавшиеся в плен красноармейцы, ставшие жертвами карательных акций немцев 14 июня.

История Красного десанта 1918 г. до сих пор недостаточно изучена и изобилует «белыми пятнами». Романтизация и героизация этих событий привели к формированию множества исторических мифов, чему способствовал выход ряда книг и брошюр в полубеллетристической форме [1, с. 3–16].

В связи с плохой сохранностью российской источниковой базы, во многом утраченной в годы Гражданской войны, основная часть отечественных первоисточников по истории Красного десанта 1918 г., введённых до настоящего момента в научный оборот, представляет собой воспоминания непосредственных участников событий или их пересказ. К ним, в частности, относятся: воспоминания командира 1-го Ейского революционного полка И. Л. Хижняка [2], командира 1-го Кубанского кавалерийского полка В. Н. Лысенко [3], бывшего адъютанта особых поручений 1-й внеочередной дивизии Ейского отдела П. А. Мельника [4], бывшего командующего Азовской военной флотилией в изложении его родственника А. Я. Герштейна [5], адъютанта штаба Красной армии Северного Кавказа Ф. Ф. Крутоголова [3], Ф. Н. Балала [6], А. Г. Федяева [7], М. С. Плотникова [8], медсестры М. И. Чаленковой [9], И. Ф. Грицаенко [10], а также показания попавших к немцам в плен красных десантников, в том числе комбрига В. П. Лебедева [11]. Необходимо отметить, что многие факты в изложении вышеуказанных лиц порой сильно противоречат друг другу.

Значительную часть пробелов по теме удалось ликвидировать благодаря целому ряду изданных материалов, в большинстве своём хранящихся в германских архивах. Военные донесения и другие документы подразделений корпуса Кнёрцера¹ и журналы боевых действий Керченского морского отдела и германо-турецких военных кораблей позволили воссоздать детальную картину событий 9–14 июня 1918 г. на суше и на море. Результатом работы по изучению истории высаженного на Миусском полуострове красного десанта стала вышедшая в 2022 г. монография [1].

В 2023 г. на портале «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов» [12], созданном Министерством обороны России при поддержке Федерального архивного агентства и Российского исторического общества, был опубликован интересный документ из Российского государственного военного архива (РГВА), авторство которого принадлежит И. Я. Герштейну². Эта рукописная объяснительная записка подготовлена комиссаром Азовской военной флотилии уже после гибели красного десанта и адресована следственным органам Кубано-Черноморской

¹Кнёрцер Карл Альберт фон (1858–1932) – германский военачальник, генерал от кавалерии, в феврале – октябре 1918 г. – командующий корпусом.

²Герштейн Иосиф Яковлевич (1882–1938) – советский военный, партийный и хозяйственный деятель. Член РСДРП(б) с 1903 г. С 1904 по 1905 г. служил в русской армии в качестве рядового. Происходил из рабочих. Образование – высшее, но не имевшее никакого отношения к военному делу, в 1912 г. он получил диплом преподавателя математики в Киевском университете. Во время Гражданской войны – комиссар Азовской военной флотилии красных, командир броневых дивизиона и партизанского отряда в Москве, на Украине и Северном Кавказе. В 1920–1926 гг. на военной и хозяйственной работе. В 1925–1928 гг. сотрудник Торгпредства в Норвегии. В 1928–1930 гг. уполномоченный Союзнефти в Скандинавии (Стокгольм). В 1930–1933 гг. заместитель начальника экспортного сектора Народного комиссариата (Наркомата) внешней торговли СССР. В 1933–1934 гг. заместитель торгпреда СССР в Японии. Репрессирован, приговорён к высшей мере наказания.

советской республики¹. Архивный документ хранится в деле «Приказы чинам Добровольческой Армии, находящимся в районе Харьковской губернии; разведывательные сведения о военно-политическом положении на Украине; доклады и записки о создании и конструкции Добровольческой Армии» из фонда «Штаб Главнокомандующего “Русской Армией”» и, по всей видимости, попал в руки белых после ухода красных из Ейска. На первом листе, вероятно, информационным или агитационным отделом Добровольческой армии сделаны следующие резолюции: «Следует напечатать в газете» (красным карандашом) и «Разрешено не печатать» (чёрным карандашом) [13, л. 6–13об.].

Уникальность находки для понимания весьма запутанной истории Красного десанта 1918 г. заключается в том, что это первый и пока единственный документ от лица его командиров, который существенным образом восполняет имевшийся до сих пор пробел в документальных первоисточниках. Наша статья написана для введения этого важнейшего рапорта в научный оборот, с особым акцентом на новых фактах, сообщённых комиссаром Азовской военной флотилии, которые меняют или существенно уточняют известную на данный момент картину событий.

Иосиф Герштейн повествует об истории красного десанта, ее хронологии – как возникла сама идея, непосредственно высадка десанта под Таганрогом, неожиданные проблемы и его собственное видение причин поражения десантников.

В конце мая на заседании исполкома Совета города Ейска состоялось обсуждение высадки в тыл немцам, впоследствии получившей название «красный десант». Командир 1-й дивизии Ейского отдела, бывший штабс-капитан Сигизмунд Клово² и командующий Азовской военной флотилией Иосиф Герштейн разработали план десанта в Таганроге. Этот замысел был представлен главнокомандующему Революционными войсками Черноморско-Кубанской федеративной республики К. И. Калнину³, который и санкционировал проведение этой высадки [14, с. 34; 15, с. 104; 16, с. 13].

К числу преимуществ, которые должны были обеспечить достижение десантом успеха, командиры Азовского боевого участка относили: готовность (по их мнению) к восстанию вооружённых отрядов таганрогского пролетариата, низкую численность оккупационного контингента в самом городе, полное отсутствие у противника боевых судов, а главное – возможность совместных, синхронных действий против немцев на Ростовском фронте.

Комиссар Азовской военной флотилии перечисляет в своём рапорте целый ряд делегаций, побывавших в штабе Азовского боевого участка в г. Ейске с просьбой организовать десант для освобождения Таганрога. Эти представители настаивали на готовности рабочих взять в руки оружие при первом же появлении красного десанта [16, с. 36]. О нескольких подобных визитах довольно подробно сообщают командир 1-го Кубанского кавалерийского полка Владимир Лысенко, командир 1-го Ейского революционного полка И. Л. Хижняк⁴ и Ф. Ф. Крутоголов – адъютант командарма И. Л. Сорокина [3, л. 1–1об, 15–19; 17, с. 137; 1, с. 74–78]. Согласно воспоминаниям Петра Мельника, впоследствии было установлено, что одним из провокаторов, якобы державшим связь от имени штаба десанта с рабочими Таганрога, оказался некий Дьяконов – член союза фронтовиков, «своевременно скрывшийся» [4, л. 5].

Хотя в городе и не было никакой подпольной организации, красные командиры наивно надеялись на помощь вооружённых отрядов таганрогского пролетариата. После визита в Ейск второй делегации состоялось совещание начальников расположенных в городе воинских частей, на котором с докладом о десанте выступил командир 1-й дивизии Ейского отдела Сигизмунд Клово. Несмотря на множество обстоятельств, скорее противоречащих, нежели благопри-

¹ Решение о создании этой автономной республики утверждено 3-м Чрезвычайным съездом советов Кубани и Черноморья 30 мая 1918 г., но параллельно имело хождение и второе название – Черноморско-Кубанская республика, что отразилось и в цитируемом в данной работе документе.

² Клово Сигизмунд Антонович (? –1918) – российский революционер, командир 1-й дивизии Ейского отдела.

³ Калнин Карл Иванович (1884–1937) – командующий войсками Ростовского фронта Кубанской советской республики (01.04–15.05.1918 г.); в дальнейшем – главнокомандующий войсками Кубано-Черноморской советской республики, с июля 1918 г. – главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа.

⁴ Хижняк Иван Лукич (1893–1980) – российский и советский военачальник, с апреля 1918 г. командовал 1-м Ейским революционным полком.

ятствующих успеху предложенной высадки, большинство участников заседания выступило за её проведение.

Дополняет сведения о подготовке большевиков к высадке десанта и предварительная оценка Ейским отделом германских сил, дислоцированных в Таганроге. На основе информации, полученной от военной разведки красных, в городе было 700–800 немцев.

«Многочисленные шпионы, действовавшие среди нас, наверняка сообщили им о малочисленности гарнизона в городе и о нашем рассредоточенном расположении. Этих шпионов местные жители не выдавали из страха перед последующим возмездием. В случае раскрытия, их агент был бы передан русскому союзу офицеров, организовавшим в Таганроге полицейское подразделение, и приговорён ими к расстрелу», – сообщает генерал фон Кнёрцер в своих послевоенных воспоминаниях, неопубликованная рукопись которых хранится в Государственном архиве Штутгарта [18, Fol. 11].

Если не учитывать 650 солдат 121-го ландверного пехотного полка, со дня на день ожидавших погрузки на поезд для отправки на Западный фронт, то указанная Герштейном цифра довольно точно отражала истинный размер таганрогского гарнизона. На тот момент он состоял всего лишь из 650 солдат (один батальон) 126-го ландверного пехотного полка, занимавшихся охраной вокзала, отрезка железнодорожной ветки от вокзала до Воронцовской набережной, а также основных улиц в центре города. Кроме того, на территории порта было две полевые батареи. В то же время указанная комиссаром флотилии цифра совершенно не учитывает другие подразделения германского оккупационного контингента, дислоцированные за пределами города, но на территории Таганрогского округа. А с их учётом общая численность немцев в непосредственной близости от предполагаемого района высадки достигала приблизительно 3 тысяч [1, с. 40–41, 104].

Решающее превосходство над немцами красные имели на море [1, с. 81–90]. Полноценных боевых кораблей в гавани Таганрога у немцев не было, а небольшие тихоходные пароходы комендатуры порта, использовавшиеся для патрульно-сторожевой службы в Таганрогском заливе, имели на вооружении только пулемёты портовой роты.

В то же время красными не были учтены как минимум два хорошо вооружённых австро-венгерских корабля в Мариуполе, а также силы Керченского морского отдела – бронепалубный крейсер «Гамидие» и флотилия турецких миноносцев под командованием корветтен-капитана Кагера. В Керчи было оборудовано и место для базирования гидроавиации, совершавшей регулярные вылеты над Азовским морем. Достаточно отметить, что 21 мая, т. е. всего лишь за две недели до высадки красного десанта, германское командование высылало «Гамидие» для очистки акватории Азовского моря от «морских разбойников» [19, Fol. 350; 1, с. 125–127]. Под пиратским понималось любое нейтральное коммерческое судно, пускающее в ход оружие. Кроме того, германское внешнеполитическое ведомство уведомило центральное советское правительство, что «[морские силы Центральных держав] при встрече в Чёрном море с вооружёнными судами, которые являются частью Черноморского флота или захвачены экипажами бывшего Черноморского флота, будут обходиться с ними как с боевыми кораблями Черноморского флота не признающими Брестского мира» [20, Fol. 155].

Планировался ли изначально красными десант у Таганрога как часть совместной с Ростовским фронтом операции против немцев? Командир 1-го Ейского революционного полка И. Л. Хижняк полностью обходит данный момент в своих послевоенных воспоминаниях [17, с. 137–142], не сказано об этом и в одном из немногих найденных документов за этот период – секретной диспозиции № 1 от 2 июня 1918 г., подписанной главнокомандующим Революционными войсками Черноморско-Кубанской федеративной республики К. И. Калниным [21, л. 2]. Категорически отрицает осведомлённость командарма И. Л. Сорокина о красном десанте и адъютант его штаба Ф. Ф. Крутоголов [3, л. 27, 31].

Из публикуемого текста донесения комиссара флотилии И.Я. Герштейна следует, что одновременное начало наступления войск Ростовского фронта под Батайском оказалось совершенно неслучайным и было санкционировано напрямую К. И. Калниным. Прямое участие штаба главнокомандующими войсками Черноморско-Кубанской федеративной республики подтвер-

ждают и показания сдавшихся немцам красных десантников, в том числе комбрига В. П. Лебедева [11; 1, с. 71–72].

Наступление красных на Ростовском фронте провалилось, что не оставило высаженным под Таганрогом десантникам никаких шансов. Уже 10 июня, имея свободу манёвра резервами и невзирая на атаки большевиков под Батайском, немцы начали переброску нескольких подразделений с Ростовского фронта и из более удалённых районов к Таганрогу.

Ход мыслей самого фон Кнёрцера хорошо понятен из секретного рапорта за его собственной подписью: «Несмотря на наступление противника крупными силами под Батайском, я распорядился направить в Таганрог следующие подразделения 7-й Вюртембергской ландверной дивизии: один штаб пехотного полка, три батальона (в том числе один батальон 16-го пехотного полка, стоявшего в Ростове-на-Дону) и один дивизион полевой артиллерии. Я предложил на усмотрение дивизии покинуть широкий батайский плацдарм и отступить на окраину этого населённого пункта. Поскольку атаман Войска Донского, генерал-майор¹ Краснов² заявил штабу 7-й Вюртембергской ландверной дивизии о своей готовности сменить снятые германские войска своими казаками, и в связи с тем, что к середине дня наступление противника [на Ростовском фронте] захлебнулось, уменьшать плацдарм не потребовалось» [11, Fol. 14d(r)].

В свете рапорта комиссара Азовского военной флотилии вырисовывается ещё один принципиальный момент – запланированное место высадки.

Бывший адъютант особых поручений 1-й внеочередной дивизии Ейского отдела П. А. Мельник и авторы истпартовской брошюры 1927 г. настаивают на том, что десант предполагалось высадить «с невероятной быстротой» в самом Таганроге, где к нему на помощь должны были прийти отряды вооружённого пролетариата [4, л. 2–4]. На этом же настаивает в своих мемуарах и другой участник событий – командир 1-го Ейского революционного полка И. Л. Хижняк [17, с. 143–145].

Несмотря на то, что красные могли воспользоваться фактором внезапности и располагали специализированными десантными судами, позволявшим произвести быструю высадку на оборудованные портовые причалы, из рапорта Иосифа Герштейна следует, что такой вариант совершенно не рассматривался. Полевой штаб большевиков изначально выбрал в качестве места высадки деревню Русскую, которая вместе с Христофорово расположена на южном берегу Миусского полуострова, примерно в 20 километрах к западу от Таганрога.

Рапорт комиссара Азовской военной флотилии также объясняет задержку с погрузкой и отправкой десантных сил из Ейского порта, которая, выходя, шла не несколько дней, а примерно две недели – с последних чисел мая по 9 июня 1918 г. Как видно из публикуемого ниже документа, всё дело в том, что изначально малые силы были выделены на «морской набег», а не для масштабного тактического десанта во взаимодействии с Ростовским фронтом. В этой связи, после переформатирования плана действий, численность красного десанта резко нарастили. Длительная погрузка войск в порту Ейска, разумеется, привела к утечке информации – сведения о погрузке красными войск на суда и о подготовке высадки на противоположном берегу Таганрогского залива столь регулярно поступали в штаб корпуса Кнёрцера, что через время их просто перестали воспринимать всерьёз. «Вечером 9 июня по Таганрогу поползли слухи, что русские банды с множеством орудий и пулемётов намеревались произвести высадку в районе устья Миуса. <...> Я не поверил этому сообщению, так как подобные слухи уже неоднократно возникали раньше...», – вспоминает сам фон Кнёрцер [18, Fol. 11.; 1, с. 98–100].

Стала понятна и ранее необъяснимая задержка, произошедшая после выхода судов Азовской военной флотилии из Ейска, о чём, например, вспоминает Александр Федяев: «Мы стали на якорь по неизвестной нам причине. Возможно, шло совещание командиров, возможно ещё какие-то неожиданности, но простояли мы два часа. Нам было разрешено искупаться...» [7, л. 2]. Как выясняется из рапорта Герштейна, дело было в посадке на мель транспорта «Пенай», что

¹ Так указано в германском первоисточнике. На самом деле – генерал-лейтенант.

² Краснов Пётр Николаевич (1869–1947) – русский генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского. Опираясь на помощь кайзеровской Германии, создал казачью армию для борьбы с советской властью. Во время Второй мировой войны активно сотрудничал с гитлеровцами и помогал им в формировании казачьих частей из эмигрантов и изменников.

заблокировало выход части флотилии из Ейска. Об этом же эпизоде упоминается и в машинописной рукописи воспоминаний комиссара флотилии, переданной П. А. Мельником в таганрогский музей: «Неуклюжий “Пенай”, зацепившись якорями, развернулся при входе из порта в канал и загородил всем судам дорогу; провозились часа два, наконец, пошли дальше» [5, л. 3].

Герштейн кратко и без каких-либо подробностей перечисляет основные действия Азовской военной флотилии и избегает высказывать своё мнение относительно событий на суше. Основную причину провала высадки комиссар видит в том, что красный десант не был поддержан армией Сорокина под Батайском: «На Ростовском фронте о десанте были осведомлены, в наступление не переходили» [13, л. 13]. Данное утверждение довольно легко проверить по германским и отечественным первоисточникам. Например, в донесении от 10 июня, поступившем в штаб корпуса Кнёрцера сообщалось: «После произведённой артподготовки, в ходе которой было выпущено 1200 снарядов среднего калибра, в первой половине дня противник перешёл в наступление на наши батайские позиции. Неприятельская атака отражена, при этом противник понёс тяжёлые потери. Враг оставил на поле боя 150 убитых и 2 пулемёта». В сводке по корпусу за 11 июня также дана информация по действиям большевиков на Ростовском фронте: «Под Батайском в течение первой половины дня противник вёл незначительный артиллерийский огонь, после полудня последовало неприятельское наступление, которое было отбито» [11, Fol. 2a, 3].

Окраины Батайска на какое-то время перешли под контроль красных, но 12 июня немцы и казаки Войска Донского прорвали линию обороны и вновь овладели городом. Части И. Л. Сорокина оставили железнодорожную станцию и отошли на линию Койсуг – Каял. Об этом говорится в сводке военных действий штаба СКВО: «На левом участке Ростовского фронта противнику удалось снова оттеснить наши части и занять Усть-Койсуг. Наши части отошли на старые позиции...» [22, л. 43–43об]. В ряде советских источников это отступление трактовалось как измена и называется чуть ли не главной причиной поражения красного десанта, а мнение о «предательстве» командарма прочно и надолго закрепились в общественном сознании [16, с. 23, 27–38; 23, 151, 153].

Отметим, что фамилия командовавшего Ростовским фронтом И. Л. Сорокина прямо упоминается в рапорте всего лишь один раз. Речь идёт о конкретной помощи, которую Герштейн и Клово рассчитывали от него получить 12 июня, и она подразумевала выделение и переброску подкреплений в живой силе и полевой артиллерии¹ морем из-под Батайска на Миусский полуостров. Несколько больше сказано в его послевоенных воспоминаниях: «Получилось, таким образом, нечто противоположное нашим планам. Не мы под Таганрогом, оттянув силы немцев из Ростова, развязали силы Сорокина, а наоборот, очистив Батайск и отступив на следующую линию, Сорокин предоставил немцам полную возможность обрушиться на сражающихся под Таганрогом всеми силами» [5, л. 5].

Проясняется в рапорте Герштейна и одна из причин, почему флотилия не эвакуировала терпящие поражение силы десанта – транспортные корабли красных ушли к Семибалке, где гражданские моряки попросту разбежались.

С другой стороны, капитан парусника «Память Азова» С. В. Турянский, находившийся неделю на борту «Геркулеса», настаивает, что массовое дезертирство моряков произошло уже после гибели красного десанта: «В ночь на 13.06 значительная часть кораблей выполнили переход в направлении Семибалки, который был похож на бегство. Ранним утром 13-го числа там собрались 12 больших судов и множество маленьких. Часть из них, в том числе “Ястреб” и захваченный австрийский корабль “Афанасия”, были отправлены в дозор. 14.06, в то время, когда корабли противника собрались в районе Семибалки, на горизонте показался “Гамидие”. 15.06.1918 с земли было получено известие об обстреле Ейска и минировании крейсером “Гамидие” подступов к городу. К тому моменту уже стало известно и о немецком сокрушительном ударе по силам десанта. По этой причине на борту флагманского “Ястреба” состоялось совещание комиссаров, где было принято решение прорываться судами флотилии к Ейску, “чтобы смыть позорный провал десантной операции”. На тот случай, если неблагоприятный ветер и

¹ При этом с вечера 9 июня красная флотилия так и не смогла выгрузить на берег часть артиллерии. Немецкие фотографы трофейных «болиндеров» под Христофорово свидетельствуют, что полевые орудия остались у них на борту.

отлив помешали бы прорыву к Ейску, было решено взорвать корабли. Ещё до отплытия судов, многие экипажи самовольно их покинули и рассеялись на суше (на буксире “Геркулес” остался только капитан)» [11, Fol. 9b].

Всё ли сообщил Герштейн в своём рапорте и что он умолчал?

Комиссар Азовской военной флотилии уделил очень много внимания полному хаосу, творившемуся во время снятия войск с берега и высадки под Таганрогом. Вину за многодневные задержки сначала с погрузкой, а затем выгрузкой десанта он при этом с себя снял и целиком возложил на командиров отдельных частей и подразделений. Видно, что не знакомый с морским делом человек просто не понимал, что за действия по погрузке и выгрузке войск на корабли и суда отвечают именно моряки, т. е. и он персонально. Сложно понять, почему, уделив несколько страниц этим подробностям, командующий красной флотилией практически не стал освещать собственно действия морских сил? А ведь ему было о чём сказать: подробности захвата «Афанасия» 10 июня, бой в Таганрогском заливе 11 июня, ночной подход к Христофорово 15–16 июня, в ходе которого Иосиф Герштейн пытался, вероятно, увести какую-то часть самоходных десантных барж на буксире в Ейск, а также попытка ночной атаки германотурецкого отряда корветтен-капитана Кагера [1, с. 117–143, 183–189].

Высадка под Таганрогом, вошедшая в историю как Красный десант 1918 г., обошлась очень дорого – на убой легкомысленно отправили несколько тысяч бойцов Кубано-Черноморской республики. Неудача сильно ухудшила военно-политическое положение красных на Ростовском фронте, а также дипломатические позиции центрального советского правительства. Пошатнулся авторитет большевиков и среди мирного населения Приазовья.

17 июня из Новороссийска в штаб Азовской военной флотилии поступило указание подготовить корабли к разоружению и затоплению. К 1 июля большую часть судов разоружили, а орудия установили на побережье в районе Ейска. Безрассудная авантюра в значительной степени ускорила решение участи российского Черноморского флота, большая часть которого на тот момент стояла в занятом советскими войсками Новороссийске.

Причин гибели десанта много. К основным следует отнести некомпетентность красных командиров, крайне неудачные места для высадки, заблаговременная разведка которых не производилась, а также неудачное наступление под Батайском. Не были проведены совершенно необходимые учения по погрузке и выгрузке войск с кораблей в преддверии высадки. Возможно, поэтому и было принято ошибочное решение высаживать людей посредством плотов и других импровизированных средств, что привело к катастрофической потере времени.

Клово и Герштейн, возглавлявшие Азовский боевой участок революционной армии, по своим профессиональным качествам были неспособны спланировать и провести высадку столь масштабного и сложного десанта. Ими была сделана масса ошибок, которыми с успехом воспользовался опытный противник.

Докладная записка И. Я. Герштейна представляет собой документ чрезвычайной важности. В отличие от других упомянутых выше отечественных первоисточников, здесь, несмотря на отсутствие точной даты, мы имеем дело не с поздними воспоминаниями, а с рапортом, подготовленным одним из главных действующих лиц по горячим следам событий, примерно во второй половине июня – начале июля 1918 г.

Список источников

1. *Миргородский А. В.* Красный десант 1918 года. СПб.: Морское наследие, 2022. 264 с.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-485. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАКК. Ф. Р-1634. Оп. 1. Д. 83.
4. Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник (ТГЛИАМЗ). КП-10040/3.
5. ТГЛИАМЗ. КП-10040/4.
6. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 410.
7. ТГЛИАМЗ. КП-10040/5.
8. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2599. Оп. 2. Д. 37.
9. ТГЛИАМЗ. КП-10040/2.
10. ТГЛИАМЗ. КП-10040/1.

11. HStA Stuttg. M 46 – Bü 20. Fol. 8d.
12. Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов. URL: <https://gwar.mil.ru> (дата обращения: 26.03.2023).
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 2а.
14. Сухоруков В. Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1961. 287 с.
15. Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1965. 226 с.
16. Губарев К.В., Бобров Д.И. Красный десант: Эпизод революционной борьбы в 1918 г. с немецкими оккупантами в Таганрогском округе. Таганрог: Истпарт Тагокружка ВКП(б), 1927. 43 с.
17. Хижняк И. Л. Годы боевые: воспоминания / [лит. обработка П. К. Иншакова] (с изменениями). Краснодар: Кн. изд-во, 1973. Кн. 1. 255 с.
18. HStA Stuttg. M 660/31.
19. BArch-MA. RM 5/2720.
20. BArch-MA. RM 40/817.
21. РГВА. Ф. 100. Оп. 8. Д. 12.
22. РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 114.
23. Карпов А. Н., Коган В. Г. Азовский флот и флотилии. Таганрог: Сфинкс, 1994. 296 с.

References

1. Mirgorodsky A.V. *Red Landing in 1918*. St. Petersburg: Morskoe nasledie Publ.; 2022. 264 p. (In Russ.).
2. *The State Archive of the Krasnodar Region (SAKR)*. Fund R-485. In. 1. File 3. (In Russ.).
3. *SAKR*. Fund R-1634. In. 1. File 83. (In Russ.).
4. *Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve (TSLHAMR)*. KP-10040/3. (In Russ.).
5. *TSLHAMR*. KP-10040/4. (In Russ.).
6. *SAKR*. Fund R-411. In. 2. File 410. (In Russ.).
7. *TSLHAMR*. KP-10040/5. (In Russ.).
8. *The State Archive of the Rostov region (SARR)*. Fund R-2599. In. 2. File 37. (In Russ.).
9. *TSLHAMR*. KP-10040/2. (In Russ.).
10. *TSLHAMR*. KP-10040/1. (In Russ.).
11. *HStA Stuttg.* M 46 - Bü 20. Fol. 8d.
12. *In memory of the heroes of the Great War of 1914-1918*. Available from: <https://gwar.mil.ru> [Accessed 26th March 2023]. (In Russ.).
13. *Russian State Military Archive (RSMA)*. Fund 39540. In. 1. File 2a. (In Russ.).
14. Sukhorukov V. T. *XI army in the battles in the North Caucasus and the Lower Volga (1918-1920)*. Moscow: Voenizdat Publ.; 1961. 287 p. (In Russ.).
15. Khmelevsky K. A. *The collapse of the Krasnovshchina and German intervention on the Don*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1965. 226 p. (In Russ.).
16. Gubarev K.V., Bobrov D.I. *Red Landing: An episode of the revolutionary struggle in 1918 with the German invaders in the Taganrog district*. Taganrog: Historical and Party Commission of the Taganrog Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Press; 1927. 43 p. (In Russ.).
17. Khizhnyak I. L. *Fighting years. Memories*. Lit. ed. by P. K. Inshakov (with changes). Krasnodar: Book Publishing House; 1973. Book 1. 255 p. (In Russ.).
18. *HStA Stuttg.* M 660/31.
19. *Barch-MA*. RM 5/2720.
20. *Barch-MA*. RM 40/817.
21. *RSMA*. Fund 100. In. 8. File 12. (In Russ.).
22. *RSMA*. Fund 40435. In. 1. File 114. (In Russ.).
23. Karpov A. N., Kogan V. G. *Azov Fleet and Flotillas*. Taganrog: Sfinks Publ.; 1994. 296 p. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Комментарии к документу – А. В. Миргородский

Чрезвычайной следственной комиссии Ц.И.К.
Сов. Нар. Комиссаров Черноморско-Кубанской Федеративной Республики

Военного Комиссара
Черноморско-Азовской военной флотилии
по борьбе с контр-революцией Герштейна

После того, как организовалась флотилия¹ и отражено было наступление на Ейск контр-революционных казачьих банд² и после того, как гайдамацко-германские банды³ проникли на Кубань и заняли Батайск и Койсуг⁴, чем значительно осложнилось положение Ростовского фронта в полевом штабе, в военном отделе Ейского отдельского исполкома и в штабе флотилии одновременно стала назреть мысль об оказании поддержки Ростовскому фронту. Формы этой поддержки первоначально рисовались в виде морского набега на Таганрог и Ростов, о чём было распоряжение Главкома, тогда ещё командовавшего Ростовским фронтом т-ща Кальнина⁵. Это распоряжение флотилия не могла исполнить, так как до получения его в Штабе оно сделалось достоянием широкой гласности. К этому времени стали прибывать в Ейск делегаты: от командующего Ростовским фронтом т-ща Родионова⁶, от подпольной организации таганрогских фронтовиков и рабочих, от мариупольских организаций с ходатайствами о высадке десанта под Таганрогом и Мариуполем, обещая с своей стороны поднять возстание при первых оружейных выстрелах с моря. Все эти делегации отправлялись в полевой штаб для подробного и всестороннего освещения вопроса. Должен сказать, что мысль о высадке десанта под Таганрогом встречала полное сочувствие как в штабе полевом и морском, так и в военном отделе Отдельского исполкома. Здесь учитывались и наименьшая сопротивляемость морских неприятельских сил, и главным образом совместные действия с революционной армией, борющейся на Ростовском фронте. Таганрог по данным контр-разведки охранялся войском численностью до 7–8 сот человек, и высказывались соображения такого рода, что при наступлении на Таганрог, неприятель принуждён будет снять войска с Ростовского фронта. Наши войска в момент действий под Таганрогом должны перейти в наступление по всей линии. Согласно плану, сообщённому мне на ст. Старо-Минской т. Кальниным, эта одновременность действий под Таганрогом и Ростовом была обязательным условием предпринятой военной операции. В последних числах мая флотилия и полевой штаб стали готовиться к походу. Полевой штаб предполагал сперва высадить около 1000 ч., и уже когда эта тысяча человек приблизительно (3-й Ейский полк) была погружена, поход полевым штабом был отложен. Вызваны были дополнительно ещё части 1-го Кубанского полка, которые прибывали эшелонами и грузились в течение 6–7 дней.

Местом высадки десанта были избрана деревня Русская в 14 вёрстах от Таганрога [берег у которой берег позволял судам ближе подойти к берегу]⁷. Вопрос этот обсуждался морским штабом и военным советом с участием полевого штаба и получил одобрение главнокомандующего Кальнина⁸. Переходя к выполнению самой задачи, считаю нужным начать с погрузки армейцев на суда. Войска приходили в

* Орфография и пунктуация первоисточника сохранены.

¹ Как свидетельствуют источники, вплоть до 23 апреля 1918 г. значительная часть кораблей будущей Азовской флотилии находилась в Керчи, единичные суда – в Мариуполе и Таганроге. При приближении немцев все они ушли в находившийся под контролем красных Ейск. РГАВМФ. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 14. Л. 331–336.

² Штурм Ейска 30 апреля – 1 мая 1918 г. В критический момент боя политический комиссар города Шемилин и Сигизмунд Клово бросили поле боя, укрывшись на кораблях Азовской флотилии. Однако прорыв быстро был ликвидирован, а прорвавшиеся казаки – перебиты [17, с. 124, 126].

³ Под Батайском – Койсугом, а также на остальной территории Области войска Донского и Кубани красные не участвовали в боях с украинскими националистическими формированиями.

⁴ Немцы овладели Батайском 30 мая 1918 г. [11, Fol. 14a(r)].

⁵ Калнин К. И. командовал Ростовским фронтом с 1 апреля по 15 мая 1918 г.

⁶ Родионов Иван Фролович (1888–1920) – военный комиссар Таганрога в апреле 1918 г., командующий Ростовским фронтом во второй половине мая 1918 г.

⁷ Совершенно справедливо зачёркнуто самим Герштейном, так как выбранный район не подходил для высадки десанта и мало чем отличался от, скажем, соседних Поляковки или Золотой косы.

⁸ Со слов Хижняка, одобрение на высадку десанта у К. И. Калнина получили уроженцы Таганрога – С. А. Клово, М. Зинченко и П. А. Мельник [17, с. 136–137].

порт не цельными единицами, а разрозненными небольшими частями, без своего командного состава и грузились на суда, где их размещали боцмана. Таким образом посадкой войска полевое командование абсолютно не руководило и в результате оказались на каждом судне небольшие части различных воинских частей. Причем хозяйственная часть при этих частях, как обнаружилось в момент выступления в поход, совершенно отсутствовала. В результате такой посадки: пехота на судах оказалась без хлеба уже на Ейском рейде, кавалерия без фуража, о чём суда стали подавать тревожные сигналы в момент выступления в поход. Кроме того, артиллерия погрузилась так, что орудия оказались на одном судне, прислуга на другом, а лошади из-под орудий на третьем. Командиры частей не только не руководившие погрузкой, но и вообще всё время отсутствовавшие, не знали где погружены их части и полковое имущество. Время отхода назначалось неоднократно согласно указаниям полевого штаба [и] неоднократно отменялось. Причины этому – неподготовленность к походу частей в отношении снабжения и снаряжения. На один день выступление в поход уже окончательно решено было и суда стали выходить из Ейского порта на рейд. Вследствие того, что судно «Пенай» при этом стало на мель, загородив выход из бухты остальных судов, выступление пришлось отложить на сутки. В течение этих суток прибыли из Тихорецкой полевые снаряды и сено из Старо-Минской. Как оказалось, десант отправлялся имея всего лишь 200 снарядов, и только остановка «Пеная» на мели случайно дала возможность десанту получить снаряды и фураж. Миллион патронов был мною также случайно привезён из Тихорецкой и из него пользовался десант во время боя. Меня поражало и даже возмущало то, что войска грузят на суда какой-то скарб и в довольно большом количестве. Как например, столы, стулья, мягкая мебель, фаэтоны, и не грузят того, что нужно было: походных кухонь, санитарных повозок, снарядов, патронов, хлеба и фуража, но вмешаться в распорядок, существовавший в армии, я считал себя не в праве. Очевидно, 1-й Кубанский полк прибыв на погрузку привёз с собой в порт всё своё имущество мирного времени и солдаты никем не руководимые считали, что бросать полковое имущество они не могут и посему всё должно быть погружено.

Когда флотилия прибыла под Таганрог боевые суда, как это было решено на военном совете, пошли на обстрел Таганрога, чтобы отвлечь неприятельскую артиллерию от места высадки¹, средства же высадки должны были сгрузить сперва 3-й Ейский пехотный полк и конно-пулемётную команду, во вторую очередь кавалерию, в третью очередь всю кубанскую пехоту, и в четвёртую артиллерию и обоз. Таков был порядок выгрузки, выработанный полевым штабом. К сожалению, выполнить его не представилось возможным по следующим причинам: 1) Заградитель «Аю-Даг», имевший на себе и 2-а буксируемых самохода² с 3-м Ейским полком³ по ошибке стал не у деревни Русской, а на 4 вёрсты ниже её у экономии Фурсовой⁴ и посадил самоходы на мель⁵; по этому заградителю равнялись прочие суда и таким образом, когда стало светло и ошибка была обнаружена, пришлось начать разгрузку уже изменив её порядок и притом в двух местах у деревни Фурсовой и у деревни Русской, куда я приказал подтянуть суда имеющие кубанскую пехоту и кавалерию⁶. К сожалению, отсутствие командного состава у своих частей сильно отразилось⁷ на выгрузке. Прежде всего командиры полков, батальонов, рот, эскадронов и батарей не знали – где на каком судне погружены их части. Затем, когда подавалась к выгрузке какая-нибудь часть, скажем, 6-ая сотня, она требовала, чтобы прежде выгрузилась 1-ая, 2-ая и так далее в порядке номеров сотня, а затем уже согласна уже и она выгрузиться. Кубанская пехота отказывалась выгружаться пока не выгрузится Таганрогский отряд. Таганрогский требовал, чтобы прежде был выгружен Харьковский дивизион и т. д. Полевых начальников не было при этих частях и мне самому приходилось объезжать все

¹ Хотя огонь с судов вёлся хаотично и без проведения какой-либо визуальной разведки, красные рассчитывали на подъём таганрогским пролетариатом восстания и капитуляцию германских вооружённых сил. После очередного обстрела города до рядового состава даже была доведена информация о готовности таганрогской группировки немцев поднять белый флаг, что вызвало всеобщее ликование [11, Fol. 8e].

² Имеются в виду самоходные десантные баржи производства завода «Руссуд», более известные в настоящее время под названием «болиндеры».

³ В оригинале – «с 3-й Ейский полк».

⁴ Земля, ранее принадлежавшая коллежскому ассессору Ф. К. Фурсову на территории Миусского полуострова, получившая название Золотая коса.

⁵ Ценнейшие самоходные десантные баржи были потеряны или посажены на мель в первый же день, что в дальнейшем помешало использовать их для эвакуации бойцов красного десанта.

⁶ В качестве причины почему зона высадки растянулась на много километров Герштейн приводит навигационную ошибку, допущенную сетевым заградителем «Аю-Даг». В результате часть десанта высадилась у Христофоровки, а другая пошла к ранее запланированному месту, ближе к Золотой косе.

⁷ В оригинале – «отразился».

суда и на все лады убеждать высаживаться. Ко всему этому надо добавить сильный шторм, все дни бушевавший на море. С большим трудом всё же десант был высажен, ни одного раненого при этом не было. Каковы были действия на берегу, я утвердительно говорить не могу. Знаю только, что в первую ночь в наступление армия не пошла, как это было условлено. Не пошла и во вторую, и я это опять-таки объясняю тем, что начальники частей всё время большей частью были на судах, избегая берега и солдаты были предоставлены самим себе¹. Мои словесные указания на то, что командиры должны быть на берегу оказывали временное влияние, ибо они съезжали на берег и затем сейчас захватывали на берегу дежуривший для связи катер и возвращались на суда или привозя раненого, или за провизией, или для корректирования стрельбы, или даже просто привозили какую-либо малоценную записку из полевого штаба. Когда я убедился в том, что командиры намеренно укрываются на судах мною отдан был приказ по флотилии вывезти на берег всех командиров². Приказ этот был немедленно исполнен членом штаба товарищем Дубровским. Кроме того, мною командирован был на сушу моряк, бывший штабс-капитан Острожный, которому я дал официальное письмо к командующему дивизией т-щу Клово, с просьбой дать ему возможность работы на берегу.

Между тем флотилии пришлось выдерживать бои с «Гамидие» и миноносцами, которые подошли к Таганрогскому рейду³. Часть наших судов должна была сменить свои позиции, направляясь навстречу неприятельским судам, а солдаты на берегу истолковали это в том смысле, что суда прекращают обстрел берегов умышленно подставляя их немцам. Разъяснить же солдатам было некому⁴. Флотилией был захвачен в плен неприятельский тральщик «Афанасий»⁵. На следующий, т. е. на 3-й день высадки десанта мой товарищ Евдокимов, которого я командировал в штаб дивизии сообщил мне, что нужна помощь пехотой и артиллерией. Я отправил тогда в Семибалки одного из товарищей, который передал мне, что помощь будет к 8-ми часам утра, но ни к 8-ми, ни к 12-ти помощи не было, и я решил отправиться экстренно на берег и во что бы то ни стало привезти поддержку десанту. К сожалению, Сорокин (командующий Ростовским фронтом) мне в ответ отказал, и только начальник артиллерии т-щ Скибинеvский немедленно отправил в Семибалки 3 орудия при 100 человек прислуги.

На Ростовском фронте о десанте были осведомлены, в наступление не переходили несмотря на то, что ясно видели, как немцы перевозят эшелоны войск из-под Ростова к Таганрогу⁶. Артиллерия, которую дал мне Скибинеvский и 400 добровольцев, которых я получил в ст. Александровке и уже погрузил на судно, перевозить на другой берег уже не пришлось, так как нашего фронта уже не существовало⁷. В виду того, что «Гамидие» всё время сторожил у выхода в море пред флотилией стал вопрос о том, чтобы с боем прорваться в Ейск, при этом почти все торговые моряки бросили свои суда и ушли на берег и остались только на военных судах военные моряки, все же транспорты остались на семибалкинском рейде и

¹ На самом деле высадка продолжалась вплоть до 12 июня 1918 г. Значительная часть кавалерии и артиллерии так и осталась на борту барж и пароходов. Со слов капитана Турянского, потерпев поражение, на борту флагманского «Ястреба» состоялось совещание оставшихся в живых красных командиров, где причиной провала десанта была названа «слишком медленная высадка» [11, Fol. 9b].

² Здесь прослеживается интересная параллель с воспоминаниями Хижняка о восстании казаков в конце апреля 1918 г.: «Я невольно вспомнил бой с повстанцами под Ейском, когда в критический момент Клово бросил фронт и укрылся на судне. Как удалось ему отвертеться от ответственности? <...> “Позвольте вас спросить, товарищ командующий, где вы были, когда конница мятежников ворвалась в город Ейск? И кто из нас тогда струсил? Я или вы?” <...> Вы оба находились на судне “Пенай” и потеряли управление войсками...» [17, с. 138, 141].

³ Утром 11 июня эскадренный миноносец «Муавенет-и Миллие» направился на разведку в сторону Таганрога, что привело к морскому бою с главными силами флотилии красных. Около 1 ч. пополудни, когда турецкий эсминец потерял ход, суда красной флотилии выдвинулись в кильватерной колонне, сформировали строй фронта и открыли огонь. Два часа спустя к перестрелке подключился прибывший «Гамидие». В 5:15 пополудни оба турецких корабля ушли к Мариуполю [1, с. 135–142].

⁴ Об этом же пишут и авторы истпартовской брошюры: «Уход судов возбудил некоторое подозрение пехотных частей, начавших даже оставлять окопы и отходить за посёлок Весёлый» [16, с. 21].

⁵ Речь о захвате 10.06.1918 г. вооружённого австро-венгерского буксирного парохода №237 «Афанасия» – бывшего русского тральщика Т.337 «Афанасий Феофани», на борту которого находились в основном австрийские военнослужащие. Линиеншифскапитан запаса австро-венгерского ВМФ Герман Маркетти и большая часть сдавшихся австрийцев были убиты [1, с. 129–135].

⁶ Значительная часть германских войск была переброшена по железной дороге из удалённых районов Донской области – из-под Зверевы и Лихой, расположенных примерно в 200 км. Маршрут эшелонов пролегал не по прямой, т. е. через Ростов-на-Дону, а в объезд – через Дебальцево.

⁷ После разгрома красного десанта, основная часть (8–10 кораблей) флотилии Герштейна расположилась в 25 вёрстах к югу от Таганрога у Семибалок и ещё 8 судов – в 4 вёрстах к северу от Очаковской косы.

только лишь когда военные суда пришли в Ейск, были приведены из Семибалок и все транспорта¹. Дезертировавшие торговые матросы большей частью ушли неизвестно куда, и незначительная их часть по суше прибыла в Ейск.

Военный Комиссар Флотилии

Информация об авторе

А.В. Миргородский – начальник отдела международных связей, свободный исследователь.

Information about the author

A.V. Mirgorodsky – Head of International Relations Department, Free Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

¹ После окончания этой авантюры, И. Л. Хижняк выехал вместе с членами полкового парткома на автомобиле в Порт-Катон, чтобы увести уцелевшие корабли в Ейский порт [17, с. 155].

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-105-112

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДЕТСТВА И МАТЕРИНСТВА В 1950–1970-е годы (по материалам периодической печати Ростовской области)

Мария Александровна Пономарева^{1✉}, Анна Сергеевна Руман²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ ponomariya@sfedu.ru ✉

² ruman@sfedu.ru

Аннотация. Анализируется отражение в периодической печати Ростовской области в 1950–1970-е гг. социальной политики государства, направленной на развитие государственной поддержки женщин, охрану материнства и детства, улучшение жилищно-бытовых условий советской семьи. Рассматривается деятельность государства по реализации отдельных мероприятий и ответ общества на инициативы советского правительства.

Особое внимание уделяется материалам периодической печати, на страницах которой получили отражение проблемы материнства и детства в Ростовской области, раскрывается первоочередность решения тех или иных вопросов органами государственной власти. Отмечается важность публикаций в газетах на данную тематику, как наиболее доступных и массовых формах периодической печати для транслирования в общество необходимого вектора государственной политики. Делается вывод, что с помощью печати в Ростовской области целенаправленно конструировался идеальный нераздельный образ женщины-труженицы и женщины-матери. Кроме того, популяризировался тезис о целенаправленных усилиях руководства социальными службами страны необходимых условий для работающей женщины в период ее занятости на производстве и одновременного воспитания детей в детских садах и яслях.

Ключевые слова: советская социальная политика, история материнства и детства, гендерная история, история детства, СССР, власть и общество, история Ростовской области

Для цитирования: Пономарева М.А., Руман А.С. Социальная политика государства в сфере охраны детства и материнства в 1950–1970-е годы (по материалам периодической печати Ростовской области) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 105–112.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE SOCIAL POLICY OF THE STATE IN THE FIELD OF PROTECTION OF CHILDHOOD AND MOTHERHOOD IN 1950-1970 (on the Periodical Press Materials of the Rostov Region)

Maria A. Ponomareva^{1✉}, Anna S. Ruman²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ ponomariya@sfedu.ru ✉

² ruman@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to the reflection in the periodical press of the Rostov region of 1950-1970 of the social policy of the state aimed at the development of state support for women, protection of motherhood and childhood, improvement of living conditions of the Soviet family. The article reflects the activities of the state in the implementation of individual measures and the response of society to the initiatives of the Soviet government.

© Пономарева М.А., Руман А.С., 2023

Special attention is paid to the materials of the periodical press, on the pages of which the problems of motherhood and childhood in the Rostov region are reflected, the priority of solving certain issues by state authorities is revealed. The importance of publications in newspapers on this subject is noted, as the most accessible and mass forms of periodicals for broadcasting the necessary vector of state policy to society. It is concluded that with the help of printing in the Rostov region, an ideal inseparable image of a working woman and a woman-mother was purposefully constructed. In addition, there was a popularization of the thesis about the purposeful efforts of the leadership of the country's social services of the necessary conditions for a working woman during her employment at work, and the simultaneous upbringing of children in kindergartens and nurseries.

Keywords: Soviet social policy, history of motherhood and childhood, gender history, history of childhood, USSR, public authority and society, history of the Rostov region

For citation: Ponomareva M.A., Ruman A.S. The Social Policy of the State in the Field of Protection of Childhood and Motherhood in 1950-1970 (on the Periodical Press Materials of the Rostov Region). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):105-112. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Важнейшим направлением социальной политики в Советском Союзе в 50–70-е гг. XX в. стала охрана материнства и детства. КПСС, Верховный Совет СССР и Совет министров СССР воплощали в жизнь поставленные перед государством задачи в области социальной защищенности семьи, значительного улучшения содержания детей в детских дошкольных учреждениях, оказания своевременной и квалифицированной медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, в послеродовой период, пропаганды здорового образа жизни.

В новейшей историографии рассматриваемые нами вопросы получили отражение в работах исследователей, изучающих социологические, демографические либо юридические аспекты. При этом акцент делается преимущественно на новейший этап развития российского общества с привлечением исторического материала в качестве базового сравнения. Так, исследуемому вопросу посвящены работы Т.А. Мищенко [1], Я.А. Шаповаловой [2], Е.И. Туровой, Л.Г. Черемных [3], Е.А. Леонтьевой [4].

Для получения сравнительного анализа публикаций применялся метод качественного и количественного контент-анализа, который в совокупности с историко-сравнительным методом изучения позволяет выявить запросы общества на решение возникавших проблем в области охраны материнства и детства, а также адекватный ответ на данные запросы со стороны органов государственной власти на региональном и союзном уровнях.

Основополагающим документом в государственной охране интересов матери и ребенка стала Конституция Советского Союза, принятая 5 декабря 1936 г. [5]. Женщину уравнивали в правах с мужчиной во всех сферах деятельности, об этом гласила ст. 122: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» [6].

Меры государственной поддержки женщин и детей нашли своё отражение уже в годы Великой Отечественной войны. Почти за год до её окончания, 8 июня 1944 г., был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”. Таким образом, государство определило вектор материальной и моральной поддержки многодетных женщин [4, с. 66].

Позже ООН в честь 20-летней годовщины принятия этой организацией Декларации о правах ребенка провозгласила 1979 г. Международным годом ребенка. Советский Союз не остался в стороне от этого важного международного мероприятия. В частности, Л.И. Брежнев в своем новогоднем обращении 1979 г. отметил, что необходимо «...постараться, чтобы дети всех народов не знали войн, чтобы у них было счастливое, радостное детство» [7]. В СССР укрепляется в общественном сознании идея «Все лучшее – детям». Главной целью «года ребенка», заявленной в СССР, стало привлечение внимания широких масс населения для улучшения жизни под-

растающего поколения. Событие было массовым, по этому случаю выпускались почтовые марки с изображениями детей, подростков.

В послевоенные годы в СССР увеличилась рождаемость по сравнению с годами Великой Отечественной войны. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., на территории Ростовской области проживало 2 892 580 чел., а к 1959 г. население региона достигло 3 311 747 чел. [8, с. 12]. В 1940 г. превышение количества рождений над случаями смерти составило 1,9 раза, а уже к 1950 г. число родившихся превысило число умерших в 2,7 раза [8, с. 6]. Число родившихся и умерших в 1950 г. было соответственно 56 827 детей и 21 380 чел. [8, с. 10]. Таким образом, возникла необходимость восстановления и сохранения растущих тенденций увеличения населения страны.

В основе исследования лежат материалы периодической печати города Ростова-на-Дону и Ростовской области в частности, публикации в газетах «Ростсельмашевец», «Вечерний Ростов», «Волгодонская правда». В меньшей степени задействован узкоспециализированный женский журнал «Работница». Кроме того, в основу исследования положены архивные материалы Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), статистические данные.

В целом региональные газеты недостаточно освещали вопросы детства и материнства, им уделялась значительно меньшая роль, чем, скажем, отражению социалистических соревнований, либо деятельности Советов на местах.

Тем не менее даже с учетом идеологической цензуры в газетах публиковались статьи на актуальные и проблемные темы: как правильно воспитывать детей, какой пример должны подавать родители своим детям; подчеркивались и демонстрировались пороки родителей, оставивших своих детей; поднимались темы морали. Важная роль печатных изданий тех лет заключалась в том, чтобы в них содержалась актуальная информация о событиях, происходящих в государстве. Газета всегда была доступна для массового читателя в отличие от телевидения, в селе его практически не было.

В 1950-е гг. государственными органами издаётся и принимается ряд законодательных нормативных актов, направленных на улучшение жизни матерей и детей. В числе наиболее важных следует отметить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 г. «Об увеличении продолжительности отпуска по беременности и родам», согласно которому женщинам, ожидающим рождение ребенка, отпуск по беременности и родам увеличивался «с 77 до 112 календарных дней» [9], т.е. по 56 дней до и после родов, в особых случаях, например при рождении более одного ребенка, или в зависимости от тяжести родов срок увеличивался до 70 дней. Однако это положение применялось только для тех, кто проработал на предприятии минимум три месяца. Таким образом, государство одновременно стимулировало решение вопросов занятости женского населения.

13 октября 1956 г. Совет министров СССР принимает постановление № 1414 «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях». Согласно документу, в школах были организованы группы продленного дня (дети, которые не могли добраться домой сами из-за удаленности от школы или по другим причинам, находились в школе с учителями, выполняли домашнее задание, им организовывали питание, отдых). А в 1959 г. было принято Положение о восьмилетней школе, где говорилось, что для детей, родители которых заняты на работе целый день, могут быть созданы школы продленного дня [10].

Отклик на введение этого положения можно обнаружить на страницах региональной периодической печати. Так, в газете «Вечерний Ростов» за 1960 г. была опубликована статья под названием «Родители могут быть спокойны...», в которой говорилось о преимуществах комнат продленного дня: «Родители учащихся школы № 45 днем заняты на производстве. Но их не мучит неотвязная мысль: “Я вот тут на работе, а что делает мой сын? Покушал ли, готовит ли уроки или, забыв обо всем, носится по улице с соседскими мальчишками?”». Таким образом, ученики находились под наблюдением воспитателя, который помогал выполнять домашнее задание и формировал культурную программу: «Раз в неделю бывают на концертах во Дворце пионеров, в кино». Еще одним условием организации подобных комнат была помощь учени-

кам, которые отставали в учебе: «Некоторые директора школ, стремясь создать такие комнаты, даже отдавали свои кабинеты» [11, с. 2].

Советом министров СССР 6 декабря 1956 г. было принято Постановление № 1586 «О порядке назначения женщинам-работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности», которое позволяло получать пособие без учета трехмесячного стажа работы [12]. Зачастую у женщин возникали послеродовые осложнения и ранее такие случаи не оплачивались государством.

Усилилась забота о женщинах, которые трудились на тяжелых работах и во вредных условиях. Совет министров СССР 13 июля 1957 г. издал Постановление № 839 «О мероприятиях по замене женского труда на подземных работах в горнодобывающей промышленности и на строительстве подземных сооружений», в соответствии с которым тяжелый труд женщин должен был быть заменен на более легкий.

В периодической печати Ростовской области освещались темы, напрямую связанные с формированием образа советской семьи. Так, в газете «Вечерний Ростов» за 1960 г. размещена статья «Лекции для населения», в которой автор делится с читателями сведениями о том, как воспитатели ростовского приемника решили на общественных и добровольных началах организовывать лекции, доклады для родителей на заводах, фабриках, учреждениях на тему: «Роль семьи и общественности в воспитании детей» [13, с. 4]. На страницах газеты «Волгодонская правда» была опубликована заметка, из которой читатели узнавали, что лектор общества «Знание» прочитал для сотрудников районного отдела милиции лекцию на тему «Семья и школа» [14, с. 4]. Таким образом, основная задача подобного рода публикаций заключалась в том, чтобы укрепить связи между школой и семьей по совместному воспитанию детей, сформировать положительный образ советской семьи.

Значительное место в социальной политике государства в 1960-е гг. занимали медицинское обслуживание, быт и отдых женщин, обеспечение условий их труда. На предприятиях открывались медицинские пункты, комнаты отдыха, «...большое внимание мы уделяем охране здоровья детей. Проводится большая работа по предупреждению болезней... организована комната молодой матери, где женщины могут получить необходимые советы по уходу за ребенком. Введен профилактический прием детей первого года жизни» [15]. Для кормящих матерей появилась возможность дополнительного 3-месячного отпуска без содержания, после окончания отпуска по беременности и родам. У женщин сохранялся непрерывный стаж, если она выходила на работу не позже одного года после рождения ребенка.

Открывались лечебно-профилактические и детские учреждения на селе, но в 1960-е гг. немалая часть сельских лечебно-профилактических и детских учреждений размещалась в тесных помещениях, где не соблюдались санитарные нормы [16, л. 39–45]. Повсеместно открывались фельдшерско-акушерские пункты (ФАП). Так, в конце 1950 г. их насчитывалось 666, а к 1970 г. число увеличилось до 1136. Значительно возросло число женских консультаций, детских поликлиник: со 137 в 1950 г. до 333 в 1970 г. [17, с. 40]. Главная задача этих мини-медицинских учреждений – сохранение здоровья матери и ее будущего ребенка. Создание ФАПов в сельской местности было актуально в те годы по трём причинам: во-первых, в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области было уничтожено 493 больницы и амбулатории [8, с. 5]; во-вторых, ФАПы были первичным звеном в системе здравоохранения, где оказывалась лечебно-профилактическая медицинская помощь, а в большинстве случаев это и оказание реальной медицинской помощи женщинам-роженицам. Статистика тех лет свидетельствует о том, что в сельской местности 50 % родов принималось «на дому» акушерками – специалистами среднего медицинского персонала; в-третьих, большая часть населения (53,4 %, или 1448,1 тыс. чел. из 2713,0 тыс.) проживала в сельской местности [8, с. 10].

Приказом Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. был снят запрет на аборт. По этому документу официальное разрешение на проведение абортов предоставлялось лишь стационарам больничных заведений. Тем не менее в городе и особенно на селе доля абортов, сделанных вне больницы, была очень высока, что часто вело к смерти роженицы и ребенка. Создание

ФАПов в целом способствовало значительному сокращению материнской и младенческой смертности.

В связи с улучшением материального благосостояния, культурного развития населения, создания сети медицинских учреждений были достигнуты успехи в укреплении здоровья населения. Учитывая то, что в период 1950-х гг. отмечен рост рождаемости, появились проблемы с наличием койко-мест в родильных домах, нехваткой врачей-гинекологов, со значительной недостаточностью детских учреждений в стране.

В связи с этим началась активная подготовка медицинских специалистов в области родовспоможения, ускорилось строительство детских яслей, где дети находились под постоянным медицинским наблюдением [18], в ясли принимали детей, достигших 2-месячного возраста, поскольку послеродовой период был 56 дней. В 1960 г. был создан совет научных медицинских обществ, а в городах и районах – секции научных медицинских обществ [16]. Активно велась пропаганда медицинских знаний, в периодике освещались вопросы, посвященные женской тематике, здоровому образу жизни. Так, в газете «Волгодонская правда» была опубликована заметка для женщин с информацией о проводившихся лекциях на тему: «Гигиена женщины и предупреждение женских болезней» [19, с. 2]. Подобного рода мероприятия проводились для устойчивого формирования у читателя значимости роли женщины в советском обществе, и пропаганды уважительного к ней отношения. За период с 1961 по 1968 г. было дополнительно развернуто в больничных учреждениях 9005 коек, число врачей увеличилось на 23,9 % [20].

В массовом порядке в рассматриваемые годы ведется строительство детских садов, новых школ: «Сегодня утром гостеприимно распахнулись двери нового детского сада государственного подшипникового завода. Семьдесят ребятишек стали полноправными хозяевами большого светлого помещения и всевозможных игрушек» [21, с. 1]. В другой газете читаем: «Приятным сюрпризом встретила своих воспитанников школа-интернат № 28 ... для них построено новое помещение площадью в 700 квадратных метров... оборудованы шесть новых спален, игровые комнаты...» [22, с. 4]. Пропаганда счастливого детства занимает значительное место на страницах региональных и общесоветских изданий: «Новое детское учреждение располагает всем для плодотворной воспитательной работы... у нас будут работать семнадцать воспитательниц ... медсестры, врач-педиатр...» [23, с. 3]. Формируется образ правильного вектора воспитания советского ребенка: от дошкольных учреждений через школу – в вузы и средние учебные заведения: «Детский сад для наших ребят – второй дом. Там они проводят гораздо больше времени, чем с родителями... все условия: и прекрасно оборудованные комнаты для игр, и светлые спальни, и столовые ...» [24, с. 2]. В статье «Родительская благодарность», опубликованной в газете «Ростсельмашевец», наглядно отражен данный процесс: «Дети сейчас воспитываются в заводском детском садике № 4. Они окружены заботой воспитательниц и всего обслуживающего персонала» [25, с. 2]. В 50–60-е гг. начинается массовая передача детских дошкольных учреждений от заводов и фабрик в ведение государственных министерств и ведомств.

Тенденция массового строительства школьных образовательных и воспитательных учреждений сохранилась вплоть до конца 1960-х гг.: «Быстрее строить детские сады и ясли» [26, с. 1]. Введение в эксплуатацию новых дошкольных учреждений во многом решило проблему – где, с кем и на какой срок можно было оставить ребенка под присмотром. В основном длительность пребывания в садах и яслях была установлена в пределах 9 часов, но открывались садики с 12-часовым и даже круглосуточным пребыванием детей. Таким образом, государство решало проблему матерей, которые работали по 1,5 смены и больше.

В Постановлении бюро Ростовского обкома КПСС, исполкома областного Совета депутатов трудящихся и президиума Облсовпрофа от 16 июля 1971 г. «О мерах по расширению строительства дошкольных учреждений, больниц и других объектов культурно-бытового назначения в сельских районах» отмечалось, что в области заметно возросло количество школ: «Построено 500 детских дошкольных учреждений, 385 школ... во многих селах области решены вопросы социально-культурного обеспечения жителей». Однако на фоне достижений общее состояние культурно-бытового обслуживания сельского населения все еще отставало от задач, поставлен-

ных КПСС: во многих районах Ростова-на-Дону построено недостаточное количество школ, состояние лечебных учреждений оставалось неудовлетворительным.

В ряде случаев ввод в действие детсадов, школ задерживался, тогда критике были подвержены подрядные организации и государственные органы: «Председатель постоянной комиссии областного Совета по народному образованию и культуре В.М. Замула отметил, что строительные тресты № 8, 10, строительное управление № 106 не выполняют планов строительства школ-интернатов в Ростове-на-Дону. Серьезные упреки в адрес ростовских строителей высказали депутаты Е.А. Скуднов (Таганрог), С.Г. Борцов (Самарский район)» [27, 28].

В реальной жизни порой получалось так, что в семье были дети одновременно «ясельного» и «садиковского» возрастов. Родителям приходилось «отводить», «отвозить на общественном транспорте» детей в разные учреждения, при том, что чаще всего эти заведения находились на значительном расстоянии от места проживания. Наличие личного легкового транспорта в семье в те годы было не велико, в конце 1965 г. в СССР «одна легковая машина приходится на 238 жителей» [29, с. 174], так что позволить «отвезти ребенка в сад не общественным транспортом» могли единицы.

Проблема проявилась так явно, что для дальнейшего развития детских дошкольных учреждений и улучшения воспитания детей, для оказания помощи работающим матерям был принят целый ряд законодательных актов об объединении яслей и садиков в одно учреждение, в частности постановление № 558 от 21 мая 1959 г. «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста» и «Временное положение о дошкольном детском учреждении – яслях-саде» от 8 марта 1960 г. Таким образом, в детских садах появились ясельные группы – начала формироваться единая система воспитания детей дошкольного возраста. Решение данной проблемы восторженно было принято семьями, в которых были дети разного возраста.

Помимо этого, одной из освещавшихся в газетах проблем была организация школьного питания: «... Школа № 80 Кировского района... потолкавшись всю перемену, обиженные дети уныло плетутся в класс... владельцам абонементов на комплексные завтраки и обеды ничего не остается, как ждать следующей перемены... Подобные жалобы можно было наблюдать и в ряде других школ Кировского и Пролетарского районов, которые обслуживает второй трест столовых» [30, с. 2].

В ответ на запросы общества на селе большим подспорьем было открытие сезонных дошкольных и школьных учреждений. Их деятельность часто зависела от отношения руководителя – председателя колхоза или директора совхоза. Недостатком в сезонных садиках было отсутствие надлежащего медицинского обследования детей, однообразность рациона питания. Но в целом в таких учреждениях условия содержания и воспитания детей соответствовали требованиям законодательства, поскольку от этого зависела трудоспособность родителей во время сезонных работ по сбору урожая.

Таким образом, мероприятия, которые проводились правительством и партией в 1950–1970-е гг., способствовали улучшению положения в сфере советского материнства и детства. Периодическая печать сформировала у читателей образ счастливых матери и ребенка, образ, ставший основой идеальных представлений о советской семье позднего периода СССР.

Список источников

1. Мищенко Т. А. Динамика социальных ролей трудящейся женщины в СССР как фактор трансформации семейного лидерства (1960-е – начало 1980-х гг.) // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85, № 6-2. С. 269–278. EDN: PCWRJJ.
2. Шаповалова Я. А. Реформирование семейно-брачной сферы в конце 1960-х гг. (по материалам прессы) // Общество: социология, психология, педагогика. 2013. № 4. С. 36–39. EDN: RVOHJT.
3. Турова Е.И., Черемных Л.Г. Образ женщины-матери в советской периодике: социокультурный аспект (по материалам газет Тюменской области 1940–1960-х годов) // Гуманитарный вестн. 2020. № 6 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhenschiny-materi-v-sovetskoy-periodike-sotsiokulturnyy-asppekt-po-materialam-gazet-tyumenskoy-oblasti-1940-1960-h-godov> (дата обращения: 13.05.2023).

4. Леонтьева Е.А. Охрана материнства и детства как одно из направлений социальной политики советского государства в 50–60-е гг. XX в. (на примере Южного Урала) // Вестн. ОГУ. 2011. № 17 (136). С. 66–72.
5. Левашко В. О. Сталинская Конституция. Тенденции модернизации советского общества // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. № 1 (История). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stalinskaya-konstitutsiya-tendentsii-modernizatsii-sovetskogo-obschestva> (дата обращения: 27.04.2023).
6. Конституция СССР. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 26.04.2023).
7. Новикова Е. Ч. Забота партии о женщине-матери // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981. URL: http://www.a-z.ru/women/texts/s_173r.htm (дата обращения: 20.04.2023).
8. Летят года, но память свята : юбилейный стат. сб. / Ростовстат. Ростов н/Д., 2020. 72 с.
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 г. «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам» URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7372.htm (дата обращения: 20.04.2023).
10. Законы об образовании 1955–1964 гг. URL: <http://музейреформ.рф/node/13869> (дата обращения 26.04.2023).
11. Создадим комнаты продленного дня // Советский Север. 1957. № 102 (4483). 25 авг.
12. О порядке назначения женщинам-работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности: Постановление Совета министров СССР. 6 декабря 1956 г. № 1586. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5149.htm (дата обращения: 26.04.2023).
13. Лекции для населения // Вечерний Ростов. 1960. № 80 (531). 4 апр.
14. Лекции на педагогические темы // Волгодонская правда. 1960. № 96 (3212). 10 авг.
15. На страже здоровья // Вечерний Ростов. 1961. № 230 (991). 28 сент.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 2599.
17. Жизнь Донского края глазами статистики: юбилейный стат. сб. /Ростовстат. Ростов н/Д., 2017. 147 с.
18. Воскресная страница // Волгодонская правда. 1960. № 17 (3133). 7 февр.
19. Для женщин // Волгодонская правда. 1962. № 33 (3461). 16 марта.
20. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 39. Д. 84. Л. 23–28.
21. Подарок малышам // Вечерний Ростов. 1961. № 1 (762). 2 янв.
22. После каникул – за парты // Вечерний Ростов. 1961. № 208 (967). 2 сент.
23. Учиться воспитывать // Вечерний Ростов. 1968. № 84 (2995). 9 апр.
24. Детям здесь хорошо // Ростсельмашевец. 1960. №138 (5106). 22 нояб.
25. Родительская благодарность // Ростсельмашевец. 1960. № 118 (5086). 1 нояб.
26. Быстрее строить детские сады и ясли // Вечерний Ростов. 1968. № 94 (3005). 20 апр.
27. Школу – на уровень великих задач // Вечерний Ростов. 1961. № 199 (960). 23 авг.
28. Не обижайте малышей // Вечерний Ростов. 1968. № 250 (3161). 23 окт.
29. Твердюкова Е. Д. Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930–1960-е гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 166–177.
30. Ученик предъявляет требования // Вечерний Ростов. 1968. № 236 (3147). 7 окт.

References

1. Mishchenko T. A. The dynamics of the social roles of a working woman in the USSR as a factor in the transformation of family leadership (1960s - early 1980s). *Izv. Ural'skogo gos. un-ta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2010;85(6-2):269-278. EDN: PCWRJJ. (In Russ.).
2. Shapovalova Ya. A. Reforming the family and marriage sphere in the late 1960s (based on press materials). *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2013;(4):36-39. EDN: RVOHLT. (In Russ.).
3. Turova E.I., Cheremnykh L.G. The image of a woman-mother in Soviet Periodicals: A sociocultural aspect (based on the newspapers of the Tyumen Region of the 1940s-1960s). *Gumanitarnyi vestn. = Humanitarian Bulletin*. 2020;(6). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhenschiny-materi-v-sovetskoy-periodike-sotsiokulturnyy-aspekt-po-materialam-gazet-tyumenskoy-oblasti-1940-1960-h-godov> [Accessed 13th May 2023]. (In Russ.).
4. Leontieva E.A. Protection of motherhood and childhood as one of the directions of the social policy of the Soviet state in the 50-60s 20th century (on the example of the Southern Urals). *Vestn. OGU = Vestnik of the Orenburg State University*. 2011;(17):66-72. (In Russ.).
5. Levashko V. O. Stalin's Constitution. Trends in the modernization of Soviet society. *Vestn. LGU imeni A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*. 2009;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/stalinskaya-konstitutsiya-tendentsii-modernizatsii-sovetskogo-obschestva [Accessed 27th April 2023]. (In Russ.).

6. *The Constitution of the USSR*. Available from: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm> [Accessed 26th April 2023]. (In Russ.).

7. Novikova E. Ch. Care of the party about the woman-mother. *Experience of the CPSU in solving the women's issue*. Moscow, 1981. Available from: http://www.a-z.ru/women/texts/s_173r.htm [Accessed 20th April 2023]. (In Russ.).

8. *Years fly, but the memory is sacred: anniversary col. of articles*. Rostov-on-Don: Rostovstat Press; 2020. 72 p. (In Russ.).

9. *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 26, 1956 "On increasing the duration of maternity leave"*. Available from: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7372.htm [Accessed 20th April 2023]. (In Russ.).

10. *Education laws 1955-1964*. Available from: [http:// музейреформ.рф/node/13869](http://музейреформ.рф/node/13869) [Accessed 26th April 2023]. (In Russ.).

11. We will create rooms for an extended day. *Sovetskii Sever = Soviet North*. 1957;(102). (In Russ.).

12. *On the procedure for assigning pregnancy and childbirth benefits to female workers and employees and paying temporary disability benefits to workers and employees who fall ill during vacation: Decree of the Council of Ministers of the USSR. December 6, 1956, No. 1586*. Available from: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5149.htm [Accessed 26th April 2023]. (In Russ.).

13. Lectures for the population. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1960;(80). (In Russ.).

14. Lectures on pedagogical topics. *Volgodonskaya pravda = Volgodonsk Truth*. 1960;(96). (In Russ.).

15. On guard of health. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1961;(230). (In Russ.).

16. *Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region (CDCHRR)*. Fund R-9. In. 1. File 2599. (In Russ.).

17. *Life of the Don region through the eyes of statistics: anniversary col. of articles*. Rostov-on-Don: Rostovstat Press; 2017. 147 p. (In Russ.).

18. Sunday page. *Volgodonskaya pravda = Volgodonsk Truth*. 1960;(17). (In Russ.).

19. For women. *Volgodonskaya Pravda = Volgodonsk Truth*. 1962;(33). (In Russ.).

20. *CDCHRR*. Fund R-9. In. 39. File 84. L. 23-28. (In Russ.).

21. Gift for kids. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1961;(1). (In Russ.).

22. After the holidays - at the desks. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1961;(208). (In Russ.).

23. Learn to educate. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1968;(84). (In Russ.).

24. Children feel good here. *Rostselmashevets*. 1960; (138). (In Russ.).

25. Parental gratitude. *Rostselmashevets*. 1960; (118). (In Russ.).

26. Faster to build kindergartens and nurseries. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1968;(94). (In Russ.).

27. School - to the level of great tasks. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1961;(199). (In Russ.).

28. Do not offend the kids. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1968;(250). (In Russ.).

29. Tverdyukova E. D. Personal car as a consumer item in the USSR. 1930-1960s. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*. 2012;(1):166-177. (In Russ.).

30. The student makes demands. *Vechernii Rostov = Evening Rostov*. 1968;(236). (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Пономарева – доктор исторических наук, доцент, директор Института истории и международных отношений.

А.С. Руман – ассистент, научно-образовательный центр «Школа молодого преподавателя ЮФУ».

Information about the authors

M.A. Ponomareva – Doctor of Science (History), Associate Professor, Director of the Institute of History and International Relations.

A.S. Ruman – Assistant, Scientific and Educational Center "School of Young Teachers of SFU".

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-113-120

МИССИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПЕРВЫЙ ЭТАП ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Алла Валерьевна Шадрина

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия
bergson@yandex.ru

Аннотация. Исследуется миссионерское движение второй половины XIX в. в Российской империи и его становление в Области войска Донского. На основании изучения комплекса источников показано, что до 1868 г. миссия проводилась в основном в отношении «инородцев» Поволжья и Сибири. С 1870 г. Совет Миссионерского общества был перенесен в Москву, утвержден устав общества, согласно которому миссия должна была развиваться преимущественно как внутренняя. После открытия Миссионерского общества в Москве его комитеты начали открываться в разных епархиях Православной российской церкви. Одним из первых был открыт комитет в Донской и Новочеркасской епархии. Его деятельность регламентировалась архиепископом Донским и Новочеркасским Платоном (Городецким), который предложил фундаментальный подход к ведению миссии в Донском регионе. По инициативе иерарха были определены два направления миссии – среди старообрядцев и среди донских калмыков. Первым этапом миссии по инициативе архиерея стала подготовка миссионеров в Донской духовной семинарии, для чего в учебный план было введено усиленное изучение «раскола» и калмыцкого языка. Второй этап был связан с изучением истории старообрядчества на Дону и культуры и религии калмыков. Площадкой для публикации исследований как своеобразной платформы для миссионерской деятельности стал журнал «Донские епархиальные ведомости», издававшийся Донской духовной семинарией, на протяжении своего существования.

Ключевые слова: православное Миссионерское общество, Донская и Новочеркасская епархия, епархиальный комитет Миссионерского общества, архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий), Донская духовная семинария, старообрядчество, донские калмыки

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

Для цитирования: Шадрина А.В. Миссионерское движение во второй половине XIX века в Российской империи и первый этап его становления в Области войска Донского // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 113–120.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MISSIONARY MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE FIRST STAGE OF ITS FORMATION IN THE DON COSSACK HOST REGION

Alla V. Shadrina

Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
bergson@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the missionary movement of the second half of the 19th century. in the Russian Empire and its formation in the Don Army Region. Based on the study of a complex of sources, it is shown that until 1868 the mission was carried out mainly in relation to the “foreigners” of the Volga region

© Шадрина А.В., 2023

and Siberia. Since 1870, the Council of the Missionary Society was moved to Moscow, the charter of the society was approved, according to which the mission was to develop mainly as an internal one. After the opening of the Missionary Society in Moscow, its committees began to open in various dioceses of the Orthodox Russian Church. One of the first committees was opened in the Don and Novocherkassk diocese. Its activities were regulated by the Archbishop of the Don and Novocherkassk Platon (Gorodetsky), who proposed a fundamental approach to conducting a mission in the Don region. On the initiative of the hierarch, two directions of the mission were determined - among the Old Believers and among the Don Kalmyks. The first stage of the mission, initiated by the bishop, was the training of missionaries at the Don Theological Seminary, for which an intensive study of the "schism" and the Kalmyk language was introduced into the curriculum. The second stage was connected with the study of the history of the Old Believers on the Don and the culture and religion of the Kalmyks. The platform for the publication of research, which became a kind of platform for missionary activity, was the journal "Don Diocesan Gazette", published by the Don Theological Seminary throughout its existence.

Keywords: Orthodox Missionary Society, Don and Novocherkassk Diocese, Diocesan Committee of the Missionary Society, Archbishop of Don and Novocherkassk Platon (Gorodetsky), Don Theological Seminary, Old Believers, Don Kalmyks

Acknowledgements: the publication was prepared within the framework of the implementation of the State Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, project No. AAAA-A20-120122990111-9.

For citation: Shadrina A.V. Missionary movement in the second half of the 19th century in the Russian Empire and the first stage of its formation in the Don Cossack Host Region. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):113-120. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Во второй половине XIX в. миссионерское движение, направленное как на внутреннюю миссию – христианизацию «инородцев» – малых народов, вошедших в состав империи в процессе войн и колонизационных процессов, так и на внешнюю, посвященную проповеди христианства среди народов других стран, было одной из важных инициатив Российской империи. Оно охватило всю территорию страны, став частью ее социальной истории. Этот процесс коснулся и Области войска Донского, населенной большим числом старообрядцев и донских калмыков, исповедовавших ламаизм. Поскольку миссионерская деятельность на территории Области войска Донского ранее не выступала в качестве предмета исследования, поставленная проблема представляется актуальной.

Историографию миссионерского движения XIX в. уместно разделить на дореволюционную и современную. В советское время данная проблема не рассматривалась по идеологическим соображениям. В дореволюционный период вопросам развития миссии как одной из форм деятельности Православной российской церкви посвящено исследование церковного историка А.П. Доброклонского [1], который ставил задачу описать все стороны жизни и деятельности Церкви в Синодальный период. В современной историографии выделяется работа А.Б. Ефимова [2], ориентированная на теоретическое обоснование миссии Церкви. Начиная с 2000-х гг. был проведен ряд исследований, посвященных миссионерскому движению второй половины XIX в. в разных регионах Российской империи: в Забайкалье [3], Оренбургской епархии [4], Западной Сибири [5] и др. Также исследователями были затронуты вопросы подготовки миссионеров в духовных семинариях [6] и ведение миссии под руководством епархиальных миссионеров [7]. Особенностью современной историографии является направленность на изучение миссии в среде старообрядческого населения.

Источниковая база настоящего исследования основана на делопроизводственной документации, опубликованных источниках, публикациях в региональных периодических изданиях. К первой группе относятся делопроизводственные документы Донской духовной семинарии [8] и Донской духовной консистории [9]. Во вторую группу вошли Извлечения из всеподданнейших отчетов обер-прокуроров Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за разные годы [10–14] и законодательный акт, опубликованный в Полном собрании законов Российской империи [15, с. 300–305]. В третью группу вошли публикации в региональном периодиче-

ском издании «Донские епархиальные ведомости», посвященные открытию в Области войска Донского епархиального комитета Миссионерского общества [16, с. 179–185; 17, с. 583–584].

Со времени своего основания в 1721 г. Российская империя была полиэтничным и поликонфессиональным государством. Традиционно исповедуя христианство восточного обряда как основную религию, оно включило в число своих главных задач христианское просвещение (христианизацию) нехристианских народов [2, с. 19], направленное на «инородцев» Поволжья и Сибири. В 1827–1870 гг. в империи была создана система миссионерского просвещения, переводческой деятельности, школьного образования для «инородцев» и подготовки миссионерских кадров [2, с. 20], основаны внутренние миссии: Иркутская, Забайкальская, Алтайская и Якутская, а также внешние: Японская, Палестинская и др.

В Православной российской церкви стали известны имена выдающихся миссионеров, чья деятельность определила успех миссий. Однако, анализируя в 1868 г. распространение православной веры в России, обер-прокурор Св. Синода Д. Толстой писал: «В истекшем году обращения были... не слишком обширны» [10, с. 43]. В 1869 г. он же констатировал: «К прискорбию, высокие истины божественной веры не легко усваются ими (инородцами. – *А.Ш.*) и спасительные ее начала не скоро укрепляются в сердцах новообращенных» [11, с. 43].

Незначительный успех миссионерского движения, обусловленный недостатком миссионеров и средств для содержания как их самих, так и организовываемых ими школ, заставил в 1869 г. на высочайшем уровне преобразовать принципы ведения миссии в Российской империи и ее финансирование. В 1868 г. «в видах правильного развития деятельности Миссионерского общества» [10, с. 85] главное управление Совета Миссионерского общества, находившееся в Санкт-Петербурге, было перенесено в Москву, а возглавил его в качестве председателя известный миссионер митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) [11, с. 85] – «апостол Сибири и Америки» [2, с. 127].

В апреле 1869 г. Совет миссионерского общества в Санкт-Петербурге был упразднен. Тогда же началась подготовка к учреждению Миссионерского общества в Москве и разработка его устава, которая была поручена митрополиту Иннокентию [11, с. 85]. Устав был высочайше утвержден как закон Российской империи 21 ноября 1869 г. [15, с. 300–305].

Открытие православного Миссионерского общества состоялось в Москве 25 января 1870 г. [16, с. 179]. Его значимость подчеркивалась тем, что оно состояло под покровительством императрицы Марии Федоровны, и под председательством митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) [18, с. 514]. Наблюдение за деятельностью общества возлагалось на Св. Синод.

Цель православного Миссионерского общества в уставе была определена следующим образом: «Содействовать... православным миссиям в деле обращения в православную веру обитающих в пределах Российской империи нехристиан... Содействие Общества первоначально обращено к миссиям в пределах восточной России, а по мере развития его средств может простираться на миссии в других частях империи» [15, с. 300–301]. Иными словами, устав провозгласил преимущество развития внутренней миссии, направленной как на «инородцев», так и на старообрядцев, работа с которыми постепенно была выведена на первый план.

Управление Миссионерским обществом, определенное уставом, возлагалось на председателя и его совет из 15 человек [15, с. 301]. Важным нововведением, позволившим говорить о том, что «Миссионерское общество... обнимет всю Россию» [16, с. 182], стало учреждение в каждой епархии Православной российской церкви епархиальных комитетов, имеющих в качестве исполнительных органов собственные общие собрания, выборы, свою кассу и отчетность [15, с. 303–304]. В их обязанности входило материальное обеспечение миссионеров и «миссионерских заведений», содействие в деле обращения иноверцев как со стороны епархиальных учреждений, так и государственных органов, ежегодное предоставление отчетов и сведений «о действиях или событиях по миссиям, выходящих из ряда обыкновенных» [15, с. 304]. Как видим, одним из важнейших направлений деятельности Миссионерского общества было создание материальной базы для ведения миссионерской деятельности и «устройство быта новокрещенных» [18, с. 516].

Учитывая, что Миссионерское общество было имперской инициативой, а его развитие контролировалось Св. Синодом, то становление проходило достаточно быстро. В 1871 г. в импе-

рии было открыто 6 епархиальных комитетов: Астраханский, Енисейский, Орловский, Самарский, Донской и Тамбовский [12, с. 66]. Как сообщалось в отчете обер-прокурора, их открытие встречалось «с общим живым сочувствием» [13, с. 66], свидетельством чему было значительное число поступавших в комитеты членов и обилие вносимых ими пожертвований. Так, в Донской и Новочеркасской епархии при учреждении Комитета в Миссионерское общество вступило 146 членов, пожертвовавших 824 руб. Для сравнения, в Астраханской епархии в 1871 г. в общество вступило 678 членов, внесших 4026 руб. [12, с. 66]. В 1873 г. в Миссионерском обществе числилось уже 22 епархиальных комитета [13, с. 37], в 1879 г. комитеты были учреждены в 29 епархиях. В них состоял 6731 действительный член [14, с. 59].

Донская и Новочеркасская епархия стала одной из первых, где был учрежден епархиальный комитет Миссионерского общества. 23 июля 1870 г. Совет общества сообщил архиепископу Донскому и Новочеркасскому Платону (Городецкому) о том, что «в православных миссиях отечественной церкви чувствуется большая нужда в ревностных и благонадежных проповедниках Евангелия» [17, с. 583–584]. 29 июля 1870 г. архиерей дал указание объявить духовенству Донской и Новочеркасской епархии, что «ему (духовенству. – *А.Ш.*) принесло бы много чести, если бы в среде его нашлись такие ревнителю православной христовой веры, которые бы изъявили желание содействовать к распространению ея между неверными в качестве миссионеров» [17, с. 584].

После необходимых объявлений, несмотря на вступление в Миссионерское общество 146 жителей Дона [12, с. 66], развитие миссии здесь шло достаточно медленно и концентрировалось исключительно на инициативах архиепископа Платона, что объяснялось особенностями его жизненного пути. Еще до принятия монашеского пострига, с сентября 1829 г. служба будущего иерарха была связана с Санкт-Петербургской духовной академией, где он одним из первых начал читать лекции по «расколу» [19, с. 362]. Скорее всего, причастность к этой дисциплине обусловила его трепетное отношение к проблеме преодоления разногласий между последователями Православной российской церкви и почитателями старых обрядов, т.е. к миссионерскому служению.

Перенос Миссионерского общества в Москву и его открытие в 1870 г. совпали с выдающимся событием в Донской и Новочеркасской епархии. В 1869 г. в Новочеркасске, благодаря трудам архиепископа Платона, была учреждена Донская духовная семинария. Еще в процессе подготовки к ее открытию по настоянию иерарха в определении особенностей «учебной части» будущей семинарии оговаривалось, что учебный процесс в этой духовной школе будет ориентирован на подготовку миссионеров, «так как в Донском Войске в настоящее время (конец 1860-х гг. – *А.Ш.*) считается до 80 тысяч раскольников обоюбого пола, и во многих станицах они составляют более 2-х третей прихода» [8, л. 6]. Именно это позволило, согласно § 129 устава семинарии, невзирая на сопротивление ряда членов педагогической корпорации, в последнем классе ввести усиленное преподавание учения о «расколе», что, по мысли архиепископа Платона, со временем должно было обеспечить возможность определять священниками воспитанников семинарии, «оказавших особые успехи по этому предмету, в приходы, населенные раскольниками» [8, л. 6]. Кроме этого, архиепископ Платон обратился в другие учреждения Православной российской церкви с просьбой о передаче семинарии «старопечатных книг», собрав таким образом выдающуюся коллекцию рукописей и печатных изданий, изучение которых позволило обучать будущих миссионеров.

В представлении архиепископа Платона Св. Синоду было определено и второе направление миссионерского служения будущих выпускников Донской духовной семинарии: «Принимая во внимание, что в землях Донского войска числится более 25 тысяч калмыков обоюбого пола... весьма полезно иметь в Донской области священников, знающих калмыцкий язык» [8, л. 6], что позволило бы им вести миссию среди этого народа [9, л. 3]. Это стало основанием для введения преподавания в Донской семинарии калмыцкого языка.

Действительно, с первых лет ее существования в духовной школе изучался калмыцкий язык. В 1869–1870 гг. его преподавали хорунжий из калмыков Даржинов и «из калмыков», т.е. не казак, Ренцин Нахошкин. С августа 1870 г. к преподаванию калмыцкого языка приступили магистры и кандидаты богословия А.Л. Крылов, А.М. Зверев, И.М. Граников и др. [20, с. 221]. Все

20 воспитанников V и VI классов после получения распоряжения исполняющего должность ректора изучали калмыцкий язык, и значительная часть учащихся изъявляла готовность потрудиться для обращения калмыков в христианскую веру при условии предоставления им по окончании семинарии священнических мест в приходах, близких к калмыцким улусам [9, л. 17]. Впоследствии архиепископ Платон действительно назначал в храмы на границе калмыцких кочевий тех священников, которые в семинарии изучили калмыцкий язык и имели способности к миссионерской деятельности.

Как видно, после учреждения епархиального миссионерского комитета первой ступенью реализации задач миссии на Дону было обучение миссионерскому делу учащихся донской духовной семинарии. Среди выпускников этой духовной школы прославились выдающиеся миссионеры, трудившиеся как во внутренней, так и во внешней миссии.

Вторым этапом организации миссионерского дела, связанным с именем архиепископа Платона (Городецкого) и Донской духовной семинарией, было привлечение преподавателей этой духовной школы к изучению истории старообрядчества в Донском регионе, а также культуры и религии калмыков. За углубленным изучением этих направлений стояла задача выработки методов проведения миссии среди старообрядцев и калмыков. Оба исследовательских направления увенчались выдающимися трудами преподавателей, которые и сегодня представляют значительный интерес. Так, истории старообрядчества на Дону посвятили свои работы магистр богословия А.Л. Крылов [21–24], нередко выступавший как аноним, либо подписывавшийся «К-в», и священник Е. Овсянников [25]. В конце 1870-х гг. на страницах «Донских епархиальных ведомостей» были опубликованы заслуживающие внимания материалы, посвященные встречам с известным игуменом Московского единоверческого Никольского монастыря Павлом Прусским (Леднёвым), неоднократно посещавшим Дон по приглашению архиепископа Платона с целью проведения миссионерских собеседований с донскими старообрядцами [26, 27].

В 1872 г. в калмыцкие улусы был командирован А.Л. Крылов, который еще во время обучения в Казанской духовной академии изучал особенности миссии среди буддистов и «монголо-калмыцкий» язык [28, л. 4 об.–7 об.]. Обширные исследования А.Л. Крылова, посвященные нравам, быту, религии и обрядам калмыков, были опубликованы в «Донских епархиальных ведомостях» в 1873 г. [29]. Этот журнал, издававшийся Донской духовной семинарией, на протяжении своего существования был площадкой для публикации исследований, которые стали своеобразной платформой для миссионерской деятельности. Помимо преподавателей семинарии, в публикациях, посвященных миссионерскому делу, участвовали и другие авторы. Так, в 1871 г. была предпринята попытка создания калмыцко-русского словаря, который публиковался на страницах «Донских епархиальных ведомостей», также было опубликовано обширное исследование «О буддизме» [30] и др.

Оба направления миссионерской деятельности – среди старообрядцев и среди иноверцев, начало которым было положено по инициативе архиепископа Платона, уравнивали задачи комитета Миссионерского общества Донской и Новочеркасской епархии.

Итак, миссионерское движение во второй половине XIX в. в Российской империи было обусловлено задачами, поставленными перед Православной российской церковью имперским правительством, стремившимся к воплощению идеи монорелигиозности, провозглашенной еще в Византийской империи. Для эффективности проведения миссии деятельность Миссионерского общества была перенесена из Санкт-Петербурга в Москву, а вовлечение в это движение максимального числа регионов было обеспечено за счет создания епархиальных миссионерских комитетов. Область войска Донского стала участницей миссионерского движения одной из первых, благодаря деятельности архиепископа Донского и Новочеркасского Платона (Городецкого). Его инициативы, совпавшие по времени с учреждением в Новочеркасске Донской духовной семинарии, отличались фундаментальным подходом, обеспечившим работу двух направлений – проведение миссии среди старообрядцев и среди донских калмыков.

Список источников

1. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2009. 938 с.

2. *Ефимов А.Б.* Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
3. *Гусейнова Т.Н.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди старообрядцев Забайкалья: XVIII – начало XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 249 с.
4. *Камзина А.Д.* Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии: 1859–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 203 с.
5. *Софронов В.Ю.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007. 446 с.
6. *Сафронов А. Н.* Подготовка православных миссионеров в Пермской духовной семинарии // Православие на Урале: веки истории: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012. С. 164–169.
7. *Марченко А.Н., прот. Сафронов А.Н.* Пермская противораскольническая миссия под руководством епархиального миссионера протоиерея Стефана Александровича Луканина // Вестн. Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 142–169.
8. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 352. Оп. 1. Д. 9.
9. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 6319.
10. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб.: Синодальная типография, 1869. 133 с.
11. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1869 г. СПб.: Синодальная типография, 1870. 131 с.
12. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 г. СПб.: Синодальная типография, 1872.
13. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872 г. СПб.: Синодальная типография, 1873. 123 с.
14. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1879 г. СПб.: Синодальная типография, 1881. 125 с.
15. Устав православного Миссионерского общества // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. XLIV. Отд. 2. № 47699. С. 300–305.
16. Открытие православного Миссионерского общества в Москве // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 6.
17. О приглашении священников Донской епархии к миссионерскому служению // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 19.
18. Устав Православного Миссионерского общества // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 17. С. 513–524.
19. *Снесарёв Н.П.* Сведения о жизни и деятельности Высокопреосвященнейшего Платона // Донские епархиальные ведомости. 1877. № 12.
20. *Шадрина А.В.* История Донской духовной семинарии. Ростов на/Д.: ЮНЦ РАН, 2019. 480 с.
21. Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1873. № 23; 1874. № 2, 3, 5–7; 1876. № 5–7.
22. Верхнечирская станица и старообрядческий раскол ея в XVIII веке // Донские епархиальные ведомости. 1878. № 4–7.
23. Пятиизбянская станица. Материалы для истории раскола старообрядчества на Дону во второй половине XVIII – начале XIX столетия // Донские епархиальные ведомости. 1882. № 1.
24. Противораскольничья миссия в Донском крае при святителе Тихоне I, епископе Воронежском // Донские епархиальные ведомости. 1880. № 18.
25. *Овсянников Е., свящ.* Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону // Донские епархиальные ведомости. 1902. № 29–33, 35, 36.
26. Вечерние беседы игумена Московского единоверческого Никольского монастыря о. Павла в Донской духовной семинарии // Донские епархиальные ведомости. 1876. № 7–14, 16–23.
27. Беседа игумена Павла со старообрядцами города Новочеркаска // Донские епархиальные ведомости. 1879. № 4.
28. ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 176.
29. *Крылов А.Л.* Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта // Донские епархиальные ведомости. 1873. № 12–14, 18.
30. О буддизме // Донские епархиальные ведомости. 1871. № 5–8, 10.

References

1. Dobroklonskiy A.P. *Guide to the History of the Russian Church*. Moscow: Krutitsky Patriarchal Compound Press; 2009. 938 p. (In Russ.).

2. Yefimov A.B. *Essays on the history of missionary work of the Russian Orthodox Church*. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities Press; 2007. 688 p. (In Russ.).
3. Guseynova T.N. *Missionary activity of the Russian Orthodox Church among the Old Believers of Transbaikalia: 18th - early 20th century*. Dissertation. Ulan-Ude, 2004. 249 p. (In Russ.).
4. Kamzina A.D. *Old Believers as an object of missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Orenburg diocese: 1859-1917*. Dissertation. Orenburg, 2004. 203 p. (In Russ.).
5. Sofronov V.Yu. *Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the late 17th - early 20th century*. Dissertation. Barnaul, 2007. 446 p. (In Russ.).
6. Safronov A.N. Training of Orthodox missionaries at the Perm Theological Seminary. *Orthodoxy in the Urals: milestones in history*. Proceedings of the Scientific-Practical Interregional Conference. Yekaterinburg, 2012:164-169. (In Russ.).
7. Marchenko A.N., prot. Safronov A.N. Perm anti-schismatic mission led by diocesan missionary Archpriest Stefan Alexandrovich Lukanin. *Vestnik Yekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*. 2019;(2):142-169. (In Russ.).
8. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 352. In. 1. File 9. (In Russ.).
9. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 6319. (In Russ.).
10. *Extract from the most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod Count D. Tolstoy on the department of the Orthodox confession for 1868*. St. Petersburg: Synodal Printing House; 1869. 133 p. (In Russ.).
11. *Extract from the most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod Count D. Tolstoy on the department of the Orthodox confession for 1869*. St. Petersburg: Synodal Printing House; 1870. 131 p. (In Russ.).
12. *Extract from the most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod Count D. Tolstoy on the department of the Orthodox confession for 1871*. St. Petersburg: Synodal Printing House; 1872. (In Russ.).
13. *Extract from the most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod Count D. Tolstoy on the department of the Orthodox confession for 1872*. St. Petersburg: Synodal Printing House; 1873. 123 p. (In Russ.).
14. *Extract from the most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod Count D. Tolstoy on the department of the Orthodox confession for 1879*. St. Petersburg: Synodal Printing House; 1881. 125 p. (In Russ.).
15. Charter of the Orthodox Missionary Society. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Col. 2. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's own Chancellery; 1873;XLIV,2 (47699):300-305. (In Russ.).
16. Opening of the Orthodox Missionary Society in Moscow. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1870;(6). (In Russ.).
17. About the invitation of the priests of the Don diocese to missionary service. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1870;(19). (In Russ.).
18. Charter of the Orthodox Missionary Society. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1870;(17):513-524. (In Russ.).
19. Snesarov N.P. Information about the life and work of His Eminence Platon. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1877;(12). (In Russ.).
20. Shadrina A.V. *History of the Don Theological Seminary*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences Press; 2019. 480 p. (In Russ.).
21. Materials for the history of the split in the Don region. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1873;(2). 1874;(2, 3, 5-7). 1876;(5-7). (In Russ.).
22. Verkhnechirskaya stanitsa and its Old Believers split in the 18th century. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1878;(4-7). (In Russ.).
23. Pyatiiizbyanskaya village. Materials for the history of the split of the Old Believers on the Don in the second half of the 18th - early 19th century. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1882;(1). (In Russ.).
24. Anti-schismatic mission in the Don region under St. Tikhon I, Bishop of Voronezh. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1880;(18). (In Russ.).
25. Ovsyannikov Ye., Priest. Reasons for the widespread distribution of the Old Believer schism in the Don. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1902;(29-33, 35, 36). (In Russ.).
26. Evening talks of the Abbot of the Moscow Co-Religionist St. Nicholas Monastery, Fr. Paul at the Don Theological Seminary. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1876;(7-14, 16-23). (In Russ.).
27. Abbot Pavel's conversation with the Old Believers of the city of Novocherkassk. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1879;(4). (In Russ.).
28. *SARR*. Fund 352. In. 1. File 176. (In Russ.).
29. Krylov A.L. Mental and moral development of the Don Kalmyks and features of their way of life. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1873;(12-14, 18). (In Russ.).
30. About Buddhism. *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1871;(5-8, 10). (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Шадрина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

A.V. Shadrina – Candidate of Science (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.
The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR PERSONS

Персоналии

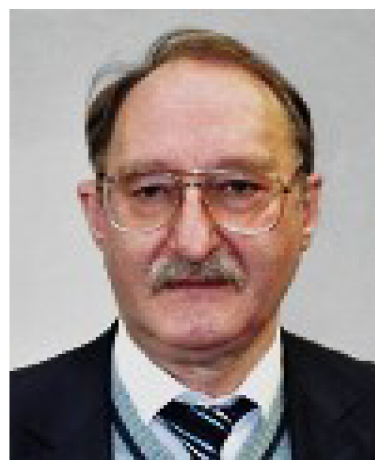
doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-121-126

Жизнь, посвящённая науке и образованию (к 70-летию известного донского учёного С.А. Кислицына)

Personalities

A life dedicated to science and education (to the 70th anniversary of the famous Don scientist S.A. Kislitsyn)

В мае этого года исполнилось 70 лет известному и авторитетному донскому учёному доктору исторических наук, профессору Сергею Алексеевичу Кислицыну. Его имя хорошо знакомо как специалистам историкам и политологам, так и широкой общественности. На протяжении многих десятилетий профессор С.А. Кислицын успешно совмещал многогранную плодотворную научную деятельность и преподавательскую работу в высшей школе, сначала на родном для него историческом факультете Ростовского государственного университета, а затем в Северо-Кавказской академии государственной службы (ныне Южно-Российский институт управления (филиал) Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Жизненный путь юбиляра был типичным для советского интеллигента. Родился и вырос на Донбассе, где сформировался его трудолюбивый и стойкий характер. После окончания средней школы – служба в армии, а затем поступление на очень престижный в то время исторический факультет РГУ, который с отличием окончил в 1979 г. Как перспективный и ответственный молодой исследователь он был рекомендован к поступлению в аспирантуру РГУ. Его научным руководителем стала профессор Э.Д. Осколкова.

Тогда же сформировались и научные предпочтения будущего учёного, касавшиеся политической истории нашей страны, в частности одно из самых сложных и противоречивых её направлений, связанное с внутрипартийной борьбой. После обсуждений вопроса со своим научным руководителем С.А. Кислицын приступил к исследованию крайне слабо разработанной в советской историографии темы борьбы ВКП (б) с так называемым «правым уклоном» в партии. В результате им была подготовлена диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук, защита которой состоялась в 1984 г.

Исследование отличалось не только научной актуальностью, затронутыми в нем дискуссионными вопросами по советской историографии, но и оригинальностью авторского подхода, привлечением соискателем в качестве источников газетной и журнальной публицистики 1920-х гг. Диссертант не побоялся в существовавших тогда условиях политико-идеологического диктата затронуть вопросы личностей, политической и государственной деятельности так называемых правых оппортунистов Н.И. Бухарина и С.И. Сырцова, имена которых являлись практически табуированными. Диссертация стала даже определённым событием в научной жизни, поскольку вызвала целую научную дискуссию, получила весьма противоречивые оценки и характеристики. С одной стороны, она была защищена с большим успехом и даже отмечена дипломом 1-й степени 5-го Всесоюзного конкурса по общественным наукам аспирантов и студентов. А с другой – содержание и выводы диссертационного сочинения получили негласную и весьма своеобразную

оценку со стороны сотрудников тогдашнего ведущего научного учреждения – Института марксизма-ленинизма при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза: «Правого уклона в партии не было, но историография по нему была!». Парадоксальность данного суждения была всем очевидна. Однако руководство кафедры, на которой трудился С.А. Кислицын, настоятельно посоветовало молодому учёному и преподавателю изменить направление своих научных исследований. В существовавших в то время жёстких условиях политико-идеологического диктата у молодого исследователя практически не оставалось выбора.

В начале 1990-х гг. С.А. Кислицын начинает активно заниматься проблематикой формирования и деятельности в стране антисталинской политической оппозиции в высшем советском партийно-государственном руководстве. Итогом стали опубликованные в 1992 г. монографические исследования «Вариант Сырцова. Из истории формирования антисталинского сопротивления в 20–30-е годы» [1] и «Сказавшие «нет» (эпизоды из истории политической борьбы в советском обществе в конце 1920-х – начале 1930-х гг.)» [2]. В них отражена история формирования антисталинского сопротивления в 1920–1930-е гг. В ходе работы над данными монографиями автор выявил, проанализировал и впервые ввёл в научный оборот многочисленные важные документы центральных исторических архивов. Особый интерес представляет анализ архивно-следственных дел органов государственной безопасности, прежде всего уголовного дела самого С.И. Сырцова. А уже в следующем 1993 г. издаётся одна из первых в отечественной историографии монография, посвящённая так называемому «шахтинскому делу» [3]. Логическим развитием проанализированной в этих работах проблематики стали изданные спустя два десятилетия крупные монографические исследования «Сергей Сырцов: из истории антисталинского сопротивления в советском обществе 1920–30-х гг.» [4] и «Борцы идеи...». С.Ф. Васильченко и М.П. Жаков о донской революции и контрреволюции» [5].

Период 1990-х гг. был очень сложным и противоречивым для нашей страны и общества. Рухнула советская политическая система, распался Союз ССР. В исторической науке, как и в обществе в целом, шла активная работа по переосмыслению отечественного исторического опыта, критическая переоценка не только советских политико-идеологических догм и постулатов, но и формирование новых общественно-политических норм и принципов, становления новой научной методологии. Но зачастую этот процесс, что было вполне объяснимо, сопровождался односторонней необоснованной критикой и отрицанием достижений всего предшествующего советского периода нашей истории. Особо острой критике подвергались высшие советские партийные и государственные деятели. Однако С.А. Кислицын считал такой подход откровенно конъюнктурным. Поэтому, став докторантом, он избрал темой своей будущей докторской диссертации анализ большевистской политической элиты 1920–1930-х гг. Принимая во внимание общую обстановку в стране и в исторической науке, это было довольно смелое, можно сказать, отчасти отчаянное решение. Но его исследовательские позиции поддержал авторитетный донской учёный профессор Е. Н. Осолков, согласившийся выступить в роли научного консультанта. Значительную научную помощь и просто моральную поддержку своего научного консультанта Сергей Алексеевич всегда вспоминал с огромным уважением.

В своей диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук, выполненной на междисциплинарном стыке истории и политологии, на основе анализа политических биографий ведущих и одновременно типичных деятелей большевизма, С.А. Кислицын предпринял одну из первых в историографии попыток анализа во многом уникального феномена большевистской политической элиты [6]. Диссертация была успешно защищена в 1994 г. в диссертационном совете по историческим наукам при РГУ. Однако и тема, и само содержание диссертации вызвали дискуссию в научном сообществе, и Высшая аттестационная комиссия направила её на повторную дополнительную защиту по упрощённой процедуре в диссертационном совете при Московском государственном социальном университете. Защита проходила в течение четырёх часов, в ходе которой соискатель ответил на 45 вопросов! С.А. Кислицын аргументированно отстоял положения своего диссертационного исследования. По итогам защиты диссертационный совет по историческим наукам под руководством авторитетного российского ученого ректора МГСУ, профессора В.И. Жукова поддержал положения докторанта о формировании, эволюции и пора-

жении большевистской политической элиты и проголосовал за присвоение соискателю искомой научной степени доктора исторических наук.

Весомый вклад С.А. Кислицын внёс в исследование региональной истории, в частности вопросов истории донского казачества и донского края. Так, помимо десятков научных статей публикуются и его крупные исследовательские работы по истории казачества [7–10]. С большим интересом научное сообщество и широкая донская общественность познакомились с написанным С.А. Кислицыным циклом биографических очерков выдающихся жителей Дона [11, 12].

В центре внимания автора – известные донские ученые историки Е.Н. Осколков, Г.А. Иноземцев, Ю.П. Денисов, К.А. Хмелевский, М.С. Чигринский, статьи о политических биографиях донских революционеров С.И. Сырцове и С.Ф. Васильченко, полководцах Гражданской войны С.М. Будённом и Ф.К. Миронове, партийных руководителей А.И. Микояне и Б.А. Двинском, деятелях науки Ю.А. Жданове и Г.Г. Баумане, оппозиционерах П. М. Абовине-Егидесе и А.И. Солженицыне, писателе М.А. Шолохове, а также практически всех первых секретарей региональных комитетов на Дону и впоследствии Ростовского обкома партии. При этом все биографические сюжеты были освещены автором с позиций разработанной им элитологической теории, требований объективизма и историзма. Позитивной оценки читателей удостоились и историко-краеведческие монографические работы С.А. Кислицына, посвящённые анализу рассмотрения истории города Ростова-на-Дону глазами известных донских историков А.И. Ригельмана, А.М. Ильина, Г.А. Иноземцева [13] и описанию развития Ростова-на-Дону на протяжении его столетней истории с середины XIX до середины XX в. [14].

С.А. Кислицын также принимал активное участие в работе различных левопатриотических политических структур. С особой симпатией он вспоминает работу в движении «Духовное наследие», в рамках которого он организовал региональные конференции по проблемам патриотизма, духовности, соборности, по истории казачества. Неоценимую помощь в этом ему оказал Донской юридический институт, где он пять лет был проректором по науке.

В 1999 г. Сергей Алексеевич Кислицын был приглашен известным ростовским политологом профессором А.В. Понеделковым на кафедру политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы. С этого времени большая и сложная тема конструктивного взаимодействия власти и оппозиции, элит и контрэлит стала одной из центральных в его научной практике. На основе представленной в докторской диссертации методологии С.А. Кислицын начал разрабатывать новое научное направление – историческую элитологию [15, 16].

Важным научным событием стал выход монографии С.А. Кислицына «Прикладная этногеополитика», содержащая инновационные авторские материалы по геополитике и политической истории не только России, но Украины, Донбасса, Крыма [17]. Проблема современного русского фронта, включающего в себя пограничные пространства юго-востока Украины, Приднестровья, является в последнее время предметом острейших научных и общественно-политических дискуссий.

Большое внимание С.А. Кислицын уделял подготовке учебных и учебно-методических пособий для студентов высшей школы. В частности, он принял активное участие в написании и изданиях учебных пособий авторитетной элитологической школы под руководством А.В. Понеделкова [18]. При поддержке ростовских и московских историков и политологов он подготовил учебное пособие «Российская историческая политология», которое послужило основой для последующего преподавания соответствующего учебного курса [19].

В общей сложности, С.А. Кислицын лично и в соавторстве подготовил около 20 учебных пособий по истории [20–24], политологии [25–27], элитологии [28].

Сергей Алексеевич Кислицын регулярно апробирует свои научные идеи и новые концептуальные подходы на научных конференциях и в ведущих исторических и политологических научных журналах «Вопросы истории», «Политическая наука», «Власть», «Новая мысль», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», «Социология власти», является автором более 300 научных и учебно-методических работ, в том числе автором и соавтором более 30 монографических исследований и более 40 учебников, учебных пособий и учебно-методических работ.

Под руководством профессора С. А. Кислицына успешно защитилось 32 соискателя на соискание учёных степеней кандидатов и докторов исторических и политических наук.

С. А. Кислицын является почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, членом-корреспондентом Российской академии естественных наук (РАЕН), действительным членом Российской академии политических наук (РАПН), лауреатом всероссийских научных конкурсов.

В настоящее время Сергей Алексеевич Кислицын продолжает плодотворную научную и педагогическую деятельность. Так, практически накануне своего юбилея он опубликовал два новых монографических исследования «Красная фронда под секирой НКВД» [29], посвященного судьбам советских политических лидеров Северо-Кавказского края и Ростовской области, и имеющее большую научную и общественно-политическую актуальность книгу «Подвиг Донбасса в борьбе с украинским неонацизмом» [30].

С. А. Кислицын по-прежнему занимает активные и принципиальные жизненные позиции, пользуется большим уважением в донском научном сообществе и в своём трудовом коллективе.

Поздравляем Сергея Алексеевича Кислицына со славным юбилеем и желаем ему дальнейших научных и преподавательских достижений!

Список источников

1. Кислицын С.А. Вариант Сырцова. Из истории формирования антисталинского сопротивления в 20–30-е годы. Ростов н/Д.: Логос, 1992. 241 с.
2. Кислицын С.А. Сказавшие «нет» (эпизоды из истории политической борьбы в советском обществе в конце 1920-х – начале 1930-х гг). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 67 с.
3. Кислицын С.А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д.: Логос, 1993. 109 с.
4. Кислицын С.А. Сергей Сырцов: из истории антисталинского сопротивления в советском обществе 1920–30-х гг... М.: URSS, 2014. 254 с.
5. Кислицын С.А. «Борцы идеи...». С.Ф. Васильченко и М.П. Жаков о донской революции и контрреволюции. Ростов н/Д.: Дониздат, 2015. 359 с.
6. Кислицын С.А. Большевицкая политическая элита 20–30-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д.: Логос, 1994. 638 с.
7. Кислицын С.А. Государство и расказачивание 1917–1945. Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 1996. 80 с.
8. Кислицын С.А. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2007. 415 с.
9. История донского казачества : в 3 т. Т. 3. Ростов н/Д.: Омега, 2020. 296 с.
10. Кислицын С.А. Легендарные судьбы Донской истории: Шолохов, Жданов, Сырцов. Ростов н/Д.: Дониздат, 2012. 548 с.; Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым. М., 2013.
11. Историки Ростовского университета. Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. 283 с.
12. Донская персоналия советской эпохи. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2020. 484 с.
13. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Ростов-на-Дону глазами историков. Летописная история города: А.И. Ригельман, А.М. Ильин, Г.А. Иноземцев. Ростов н/Д.: Ростовкнига, 2015. 227 с.
14. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Ростов-на-Дону. Историко-краеведческие описания (сер. XIX – сер. XX в.). Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2019. 284 с.
15. Взаимодействие элит в социально-политическом пространстве современной России. Ростов н/Д., 2001.
16. Кислицын С.А., Лубский А.В. Элиты и контрэлиты. Вопросы теории и политической практики. Ростов н/Д.: Дониздат, 2016. 326 с.
17. Кислицын С.А. Прикладная этногеополитика. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 303 с.
18. Основы политической элитологии : учеб. пособие. М.: Приор, 1999. 304 с.
19. Российская историческая политология. Ростов н/Д., 2017.
20. См.напр.: Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевицкой элиты: учеб. пособие по спецкурсу. Ростов н/Д.: Логос, 1995. 103 с.
21. Кислицын С.А. Донские деятели в политической борьбе 20–30-х гг.: учеб. пособие для преподавателей средних школ. Ростов н/Д.: РОО Ленинского района, 1997.
22. Кислицын С.А., Дулимов Е.И. Государство и донское казачество: учеб. пособие по спецкурсу. М.: Изд-во РАГС, 2003. 271 с.

23. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области: учебник для вузов. Ростов н/Д.: Ростовкнига, 2013. 416 с.
24. Кислицын С.А. Политическая история сталинских репрессий в Азово-Черноморском крае и Ростовской области: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. 247 с.
25. Российская историческая политология. Курс лекций: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
26. Власть и оппозиция: учеб.-метод. пособие по спецкурсу. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2000.
27. Проблемы политологии и этнополитики: учеб.-метод. пособие. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2001.
28. Основы политической элитологии: учеб. пособие. М.: Либроком, 2013. 502 с.
29. Красная фронда под секирой НКВД. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2022. 512 с.
30. Кислицын С.А., Васьков М.А. Подвиг Донбасса в борьбе с украинским неонацизмом. Ростов н/Д., 2022.

References

1. Kislitsyn S.A. *Syrstov's variant. From the history of the formation of anti-Stalinist resistance in the 20-30s*. Rostov-on-Don: Logos Publ.; 1992. 241 p. (In Russ.).
2. Kislitsyn S.A. *Those who said "no" (episodes from the history of the political struggle in Soviet society in the late 1920s - early 1930s)*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1992. 67 p. (In Russ.).
3. Kislitsyn S.A. *Shakhty business. The beginning of Stalin's repressions against the scientific and technical intelligentsia in the USSR*. Rostov-on-Don: Logos Publ.; 1993. 109 p. (In Russ.).
4. Kislitsyn S.A. *Sergei Syrtsov: from the history of anti-Stalinist resistance in Soviet society in the 1920s-30s*. Moscow: USRR Publ.; 2014. 254 p. (In Russ.).
5. Kislitsyn S.A. *"Wrestlers of the idea..." S.F. Vasilchenko and M.P. Zhakov about the Don revolution and counter-revolution*. Rostov-on-Don: Donizdat Publ.; 2015. 359 p. (In Russ.).
6. Kislitsyn S.A. *Bolshevik political elite of the 20-30s*. Dissertation Thesis. Rostov-on-Don: Logos Publ.; 1994. 638 p. (In Russ.).
7. Kislitsyn S.A. *State and decossackization 1917-1945*. Rostov-on-Don: Don Law Institute Press; 1996. 80 p. (In Russ.).
8. Kislitsyn S.A. *Decree and saber. Political power and the Don Cossacks in the first half of the twentieth century*. Rostov-on-Don: Rostizdat Publ.; 2007. 415 p. (In Russ.).
9. *History of the Don Cossacks*: in 3 vols. Vol. 3. Rostov-on-Don: Omega Publ.; 2020. 296 p. (In Russ.).
10. Kislitsyn S.A. *The legendary fate of the Don history: Sholokhov, Zhdanov, Syrstov*. Rostov-on-Don: Donizdat Publ.; 2012. 548 p.; *Yuri Zhdanov: next to Stalin, Sholokhov, Ilyenkov*. Moscow, 2013. (In Russ.).
11. *Historians of Rostov University*. Taganrog: Southern Federal University Press; 2017. 283 p. (In Russ.).
12. *Don personalities of the Soviet era*. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2020. 484 p. (In Russ.).
13. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *Rostov-on-Don through the eyes of historians. Annalistic history of the city: A.I. Rigelman, A.M. Il'in, G.A. Inozemtsev*. Rostov-on-Don: Rostovkniga Publ.; 2015. 227 p. (In Russ.).
14. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *Rostov-on-Don. Historical and regional descriptions (mid-19th - mid-20th century)*. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2019. 284 p. (In Russ.).
15. *Interaction of elites in the socio-political space of modern Russia*. Rostov-on-Don, 2001. (In Russ.).
16. Kislitsyn S.A., Lubsky A.V. *Elites and counter-elites. Questions of theory and political practice*. Rostov-on-Don: Donizdat Publ.; 2016. 326 p. (In Russ.).
17. Kislitsyn S.A. *Applied ethnogeopolitics*. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Press; 2018. 303 p. (In Russ.).
18. *Fundamentals of political elitology*. Textbook. Moscow: Prior Publ.; 1999. 304 p. (In Russ.).
19. *Russian historical political science*. Rostov-on-Don, 2017. (In Russ.).
20. See for example: Kislitsyn S.A. *Evolution and defeat of the Bolshevik elite*. Textbook. Rostov-on-Don: Logos Publ.; 1995. 103 p. (In Russ.).
21. Kislitsyn S.A. *Don personalities in the political struggle of the 20-30s*: Textbook. Rostov-on-Don: Department of Education of Leninsky District Press; 1997. (In Russ.).
22. Kislitsyn S.A., Dulimov E.I. *State and Don Cossacks*. Textbook. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Press; 2003. 271 p. (In Russ.).
23. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *History of the Rostov region*. Textbook for universities. Rostov-on-Don: Rostovkniga Publ.; 2013. 416 p. (In Russ.).

24. Kislitsyn S.A. *Political history of Stalin's repressions in the Azov-Chernomorsk Territory and the Rostov Region*. Textbook. Rostov-on-Don: RANEPА Press; 2022. 247 p. (In Russ.).

25. *Russian historical political science. Course of lectures*. Textbook. Rostov-on-Don: Feniks Publ.; 1998. (In Russ.).

26. *Power and opposition*. Special course manual. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Press; 2000. (In Russ.).

27. *Problems of political science and ethnopolitics*. Textbook. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Press; 2001. (In Russ.).

28. *Fundamentals of political elitology*. Textbook. Moscow: Librokom Publ.; 2013. 502 p. (In Russ.).

29. *Red Fronde under the ax of the NKVD*. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2022. 512 p. (In Russ.).

30. Kislitsyn S.A., Vaskov M.A. *The feat of Donbass in the fight against Ukrainian neo-Nazism*. Rostov-on-Don, 2022. (In Russ.).

В.П. Трут,
доктор исторических наук, профессор,
профессор Донского государственного технического университета

**Редакция журнала поздравляет Сергея Алексеевича с юбилеем
и желает ему здоровья, счастья, творческих успехов, оптимизма
и долгих лет жизни на благо просвещения!**

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2023-2-127-129

Оригинальное исследование по национально-государственному строительству (Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). Нальчик, 2022. 715 с.)

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия

dzidzoevv@mail.ru

Для цитирования: Дзидзоев В.Д. Оригинальное исследование по национально-государственному строительству (Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Кабардино-Балкария – Республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.). Нальчик, 2022. 715 с.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 127–129.

Book Review

An original study on national-state construction (Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022). Nalchik, 2022. 715 p.)

Valery D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia

dzidzoevv@mail.ru

For citation: Dzidzoev V.D. An original study on national-state construction (Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. Kabardino-Balkaria – a Republic within the Russian Federation (1922-2022). Nalchik, 2022. 715 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(2):127-129. (In Russ.).

Объемный труд издан по решению ученого совета Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН и посвящен 100-летию юбилею Кабардино-Балкарской Республики. Два опытных и талантливых автора подали в высшей степени интересный материал в оригинальном ракурсе. Во-первых, они подробно проанализировали становление национальной государственности Кабардино-Балкарии. Во-вторых, сочли необходимым посвятить весь второй раздел государственным и политическим деятелям Кабардино-Балкарии, которые в разные годы стояли у истоков советской автономной государственности. В-третьих, включили в третий раздел фолианта доклады и выступления руководителей КБР, которые проливают свет на историю автономной государственности с несколько иных позиций. В-четвертых, совершенно логичным представляются документы и материалы по истории государственности КБР за 100-летний промежуток времени. Отдельные документы, извлеченные из центральных архивохранилищ нашей страны, не только интересны, но и оригинальны.

За многие десятки лет своей научно-исследовательской работы мне приходилось читать и анализировать сотни уникальных архивных документов, читать редкие научные исследования, которым уже сто и более лет. Тем не менее огромный фолиант, изданный в Нальчике, приятно удивил оригинальной подачей материала и концепцией начального этапа национально-

государственного строительства народов Северного Кавказа, который всегда был для Петербурга, а затем и Москвы проблемным регионом. По крайней мере, именно здесь периодически вспыхивали антигосударственные выступления и сепаратистские тенденции. В исследовании освещаются многие обстоятельства создания институциональных структур, проще говоря, исторический опыт национальной государственности в КБР, начиная от политико-правового статуса автономной области (КБАО) и заканчивая сегодняшней оценкой в этом сложном вопросе.

Авторы подчеркивают, что цель издания монографии заключается в том, чтобы на основе систематизации и анализа документального материала представить основные механизмы, этапы и значение создания объединенной государственности кабардинского и балкарского народов. И они справились с поставленной задачей. Многие аспекты национально-государственного строительства даже в одной не самой большой по территории, населению, экономическому и духовному потенциалу республики очень трудно изложить в одной рецензии. Именно поэтому сосредоточили внимание исключительно на сложных и противоречивых проблемах национально-государственного строительства не только в КБР, но и в целом на Северном Кавказе после двух революций 1917 г. и Гражданской войны.

В этот период в проблемном и многонациональном регионе предпринимались попытки различными политическими силами (казачеством, горской буржуазией, а также горской интеллигенцией, которые иногда объединялись) создать автономное образование. Знакомство с архивными документами и с многочисленными исследованиями советских и иностранных специалистов, особенно первых лет советской власти, убеждает в том, что по объективным обстоятельствам каждый раз всё заканчивалось неудачно.

К.Ф. Дзамихов и А.Г. Кажаров показывают в первой главе своего исследования, с чего начиналось создание автономии в регионе. Проявляя максимальную объективность в научно-исследовательской работе, авторы анализируют сложности и противоречия между двумя народами и в период Гражданской войны, и в последующие годы, когда решался вопрос выделения Кабарды и Балкарии из состава Горской АССР и объединения их в отдельную автономную область. Заслугой авторов следует признать и то, что им удалось показать не только трудности и сложности, но и результат работы по объединению Кабарды и Балкарии в одну автономию.

По национально-государственному строительству на Северном Кавказе высказались многие авторитетные ученые и, казалось бы, чего-то нового уже трудно ожидать. Однако авторы монографии подводят не только обычного читателя, но и специалиста высокого класса к осмыслению сложного комплекса вопросов, связанных, во-первых, с вхождением каждого отдельного народа региона в состав Российской империи, во-вторых, с русско-кавказскими отношениями, в-третьих, с взаимоотношениями народов региона между собой. Будучи высококомпетентными исследователями, авторы рассматривают эти вопросы, опираясь на солидные источники, в том числе архивные.

Трудно их упрекнуть, что они обошли какой-то «острый угол» во взаимоотношениях кабардинцев и балкарцев и в целом народов Северного Кавказа. Они выбрали правильное направление, когда все аспекты не только затронуты, но и внимательно проанализированы. Историческое развитие кабардинцев, балкарцев и других народов региона не сводится к какой-то отдельной проблеме, если даже она масштабная, не важно, с позитивных или негативных позиций она трактуется. Кабарда и Балкария входили в разные периоды в различные автономные образования: Терскую Советскую Республику (1918–1919 гг.), Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горскую АССР (1921–1924 гг.) и т.д. Авторы дают комментарии по каждой из этих автономий. Называют не только причины возникновения, развития и падения этих государственных образований, но и показывают убедительно и доходчиво политическую нестабильность, многочисленные разногласия партий, религиозных и общественных организаций.

В них, как правило, преобладали различные течения и совершенно противоположное понимание конечных целей и задач, которые иногда были непосредственно связаны с национальной принадлежностью, социальным положением и, конечно же, с религиозными убеждениями. Самое парадоксальное состояло в том, что в период Гражданской войны не только в России, но и на Северном Кавказе, где она имела свои особенности и специфику, одновременно функциони-

ровали различные так называемые «правительства». В этом отношении авторы совершенно справедливо подчеркивают: «Наличие многочисленных правительств (на Северном Кавказе. – В.Д.) в условиях общенационального кризиса не способствовало институционализации горской автономии (Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. – В.Д.). Во Владикавказе находилось сразу три “правительства”: казачье во главе с Карауловым, горское во главе с Чермоевым и Терско-Дагестанское во главе с Каплановым. Вернее сказать, три безвластных власти, ибо в области о них не знали, там царила форменная анархия, национальная групповая война» (с. 61).

В такой сложной обстановке приходилось не только воевать, но и строить различные формы автономий, что представлялось непосильной задачей для народов Северного Кавказа. Проблема осложнялась еще и тем, что разные «правительства», объявлявшие себя полновластными хозяевами в регионе, враждовали между собой и не хотели идти навстречу друг другу даже в самых простых вопросах. В этом отношении авторы справедливо ссылаются на образование объединенного временного Терско-Дагестанского правительства, которое, по выражению А. Цаликова, было «объединением горских и казачьих верхов».

А. Цаликов – выпускник юридического факультета МГУ и просвещенный мусульманин, хорошо разбирался в общественно-политической обстановке в регионе. По его мнению, объединение горских и казачьих верхов было в значительной степени актом лицемерия – каждая сторона держала камень за пазухой. Поэтому образование Терско-Дагестанского «правительства», как и других, не могло стать действенным механизмом разрешения существовавших серьезных проблем в регионе и привести к усилению и взаимопониманию разных народов.

Заслуга авторов еще и в том, что они практически все исследования, посвященные национальной политике и межнациональным отношениям, национально-государственному строительству, изучили досконально и показали не только очевидные ошибки и упущения, но и отдельные дискуссионные положения. Это свидетельство высокой компетентности К.Ф. Дзамихова и А.Г. Кажарова.

Несмотря на оригинальность исследования и высокий профессионализм авторов, хотелось бы наряду с поздравлением с изданием оригинального труда высказать отдельные пожелания. Так, во втором разделе, где освещаются биографические данные и политическая деятельность известных государственных руководителей Кабардино-Балкарии, указаны имена тех, кто в период Большого террора был репрессирован. Хотелось бы о причинах репрессий против каждого из них узнать более подробно. Кроме того, встречаются отдельные неточности, особенно в инициалах авторов исследований, политических и государственных деятелей. Однако высказанные пожелания не снижают высокий уровень проделанной научной работы.

Информация об авторе

В.Д. Дзидзоев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии.

Information about the author

V.D. Dzidzoev – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science.

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Монографии, книги целиком

Neymark M.A. *Linear differential operators*. Moscow: Nauka Publ.; 1969. 526 p. (In Russ.).

Zozulin G.M., Fedyayeva V.V., eds. *Flora of the Lower Don*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1984, ch. 1. (In Russ.).

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation. *Differentsial'nye uravneniya = Differential Equations*. 1984;20(2):263-273. (In Russ.).

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. *Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation*. Dissertation Thesis. Baku, 1985. 135 p. (In Russ.).

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadly V.A. *The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception*. Version 1.1. Certificate, No. 2014614425, 24th April 2013. (In Russ.).

Электронные источники, интернет-сайты

Available from: www.ecoternopil.gov.ua [Accessed 10th October 2014].

Ivanov S.E. *Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker*. Available from: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html [Accessed 10th October 2014]. (In Russ.).

Нормативные документы

On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies: Order of the Rosrybolovstvo No. 20 at 10th October 2014. Moscow, 2010. (In Russ.).

GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of *Clostridium perfringens*. Moscow, 2010. (In Russ.).

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazarko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. Deformation and deformed stochastic basis. *Mathematical methods in modern and classic models of economics and science*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Antei Publ., 2012:37-54. (In Russ.).

Сообщение о ретрагировании

Редакция журнала извещает о том, что в отношении статьи «Вклад учителей и школьников Махачкалы в достижение Победы над фашистской Германией (1941–1945)» (авторы: Султанбеков Рамазан Магомедович, Мугутдинова Наида Шамильевна, Бекишиев Абибулла Адиебович, doi: 10.23683/0321-3056-2018-4-93-98), вышедшей в 2018 г. в № 4, запущена процедура ретрагирования.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 20.06.2023. Выход в свет 23.06.2023.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 14,98. Тираж 250 экз. Заказ № 9069

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print June 20, 2023. Publication June 23, 2023.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 15.11. Publ. sign. 14.98. Edition 250 copies. Order number 9069

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2023-2.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2023. № 2